

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Плотников Антон Владимирович

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ
НЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ШОКОВ**

Специальность 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
(экономическая безопасность)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель
доктор экономических наук, профессор
Харламов Андрей Викторович

Санкт-Петербург – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
1 Теоретические аспекты выявления и оценки неэкономических шоков в контексте обеспечения национальной экономической безопасности	15
1.1 Теоретические взгляды на неэкономические шоки, их виды и предпосылки возникновения	15
1.2 Теоретические подходы к оценке неэкономических шоков в контексте обеспечения экономической безопасности	34
1.3 Ретроспективная оценка влияния неэкономических шоков на российскую экономику и на национальную экономическую безопасность	49
2 Методический инструментарий исследования воздействия неэкономических шоков на национальную экономическую безопасность	71
2.1 Методика оценки структурных изменений в национальной экономике как реакции на неэкономический шок и индикатора экономической безопасности.....	71
2.2 Ретроспективный анализ воздействия неэкономических шоков на динамику макроэкономических показателей, как индикаторов уровня национальной экономической безопасности	84
2.3 Методика оценки уровня технологического суверенитета как элемента национальной экономической безопасности в условиях воздействия неэкономических шоков	97
3 Научно-методические рекомендации по совершенствованию мер по нейтрализации неэкономических шоков и обеспечению национальной экономической безопасности	122
3.1 Механизм влияния неэкономического шока на национальную экономическую безопасность	122

3.2 Методический подход к нейтрализации последствий неэкономических шоков в национальной экономике на основе использования инструментария мобилизационной экономики	141
3.3 Разработка управленческих рекомендаций по нейтрализации негативного влияния неэкономических шоков на реальный сектор экономики России	155
Заключение	174
Список использованных источников	183
Приложения	211

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Обеспечение национальной экономической безопасности – одна из ключевых задач, решаемых на макроуровне хозяйственной системы. Национальная экономика подвержена воздействию значительного числа внешних и внутренних вызовов и угроз, которые дестабилизируют ее нормальное функционирование, препятствуют устойчивому и сбалансированному развитию. При этом, можно выделить те угрозы экономической безопасности, которые проявляются на регулярной основе, систематически, что позволяет изучить механизм их возникновения и развития, подобрать эффективные инструменты противодействия.

Другую группу угроз национальной экономической безопасности образуют те из них, которые возникают неожиданно, а механизм их развития обладает высокой вариативностью и низкой предсказуемостью. Такие угрозы экономической безопасности вызываются шокowymi изменениями в условиях хозяйствования. Примерами такого рода шоков выступают пандемия Covid-19 (2020 г.) и начало «санкционной войны» против России, развязанной «коллективным Западом» (2022 г.). Эти неэкономические шоки дестабилизировали российскую экономику, вызвали в ней негативные процессы, что привело к ослаблению национальной экономической безопасности.

Неэкономические шоки приводят к кризисам в экономике. Влияние неэкономических шоков на экономическую безопасность, в силу того что каждый шок по-своему уникален, а причины возникновения и каналы его влияния на экономику, как правило, выявляются лишь после реализации шока, постфактум, отличается высоким разнообразием и недостаточным уровнем изученности. Это затрудняет принятие своевременных и эффективных мер по защите национальной экономики от потенциальных и реально возникших шоков.

Следовательно, необходим углубленный анализ этой проблематики; она на сегодняшний день недостаточно исследована, что определяет теоретико-методический аспект актуальности темы диссертационного исследования. Прикладной аспект актуальности состоит в том, что более глубокое осмысление феномена неэкономических шоков в контексте их влияния на национальную экономическую безопасность позволяет обосновать инструментарий ее обеспечения в условиях воздействия шоков.

Степень разработанности проблемы. Теоретическую и методологическую основу диссертационного исследования составили научные положения, изложенные в работах ученых, которые рассматривали в своих трудах общие подходы к обеспечению экономической безопасности, принципы управления и регулирования в этой сфере, методы выявления и противодействия угрозам и рискам экономической безопасности на разных уровнях хозяйственной системы. К их числу можно отнести следующих: Авдийский В.И., Агапова Т.Н., Банк С.В., Головкин М.В., Дронов Р.В., Каранина Е.В., Круглова И.А., Курбанов А.Х., Лев М.Ю., Литвиненко А.Н., Митяков Е.С., Митяков С.Н., Оуян М., Песоцкий А.А., Пешкова Г.Ю., Полтораднева Н.Л., Порвадов М.Г., Проняева Л.И., Редькина Т.М., Руденко М.Н., Сигов В.И., Суглобов А.Е., Супатаев Т.М., Туфетулов А.М., Феофилова Т.Ю., Ферова И.С., Фирова И.П., Харламов А.В., Хачатурян А.А., Хорев А.И., Цветков В.А., Шарафанова Е.Е., Ягунова Н.А. и др.

В силу того, что в диссертации изучались проблемы и процессы обеспечения экономической безопасности на страновом уровне, для разработки методики авторского исследования были использованы научные и прикладные разработки ученых и специалистов, которые рассматривали в своих трудах особенности национальной экономической политики, управления и регулирования в национальной экономике, в том числе антикризисного и ориентированного на обеспечение экономической безопасности, нивелирование соответствующих вызовов, угроз и рисков

(Амин С., Афанасьев А.А., Бахтизин А.Р., Бодрунов С.Д., Вертакова Ю.В., Глазьев С.Ю., Гэлбрейт Дж.К., Десаи Р., Кожемяко О.Н., Колганов А.И., Кочина С.К., Лякин А.Н., Макаров В.Л., Межевич Н.М., Миэринь Л.А., Плотников В.А., Погодина В.В., Порфирьев Б.Н., Пролубников А.В., Ребело С., Рязанов В.Т., Смирнов А.А., Татаркин А.И., Фриман А., Хлутков А.Д., Чен Эньфу, Шамахов В.А., Широков А.А. и др.).

В диссертации в центре внимания находятся угрозы национальной экономической безопасности, обусловленные воздействием на экономическую систему неэкономических шоков, примерами которых является пандемия Covid-19 или экономические санкции, в этой связи, при проведении конкретных исследований, направленных на достижение цели диссертации и решении её основных задач, был сделан акцент на результатах ученых и специалистов, рассматривавших в своих трудах проблематику экономических и неэкономических шоков, в том числе в контексте разрешения проблем экономической безопасности. В том числе, были рассмотрены работы следующих авторов: Акиндинова Н.В., Алешина О.Г., Бессонов В.А., Богданова О.А., Буторина О.В., Винслав Ю.Б., Галазова С.С., Головнин М.Ю., Дворяжкина Е.Б., Дегтярев А.Н., Дзюба Ю.А., Дубовик М.В., Жиронкин С.А., Катукоев Д.Д., Квашнин Ю.Д., Колюжнов Д.В., Кондратьев В.Б., Луцкая Е.Е., Марамыгин М.С., Мельников А.Б., Минакир П.А., Миркин Я.М., Никитина И.А., Пухов С.Г., Пылин А.Г., Сафонов И.Н., Сингх С.П., Смирнов С.В., Смородинская Н.В., Соломон П., Талеев Н., Таран Е.А., Шиндикова И.Г., Шривастава Х. и др.

Целью диссертационной работы является разработка теоретических аспектов и методических инструментов обеспечения национальной экономической безопасности в условиях воздействия на национальную экономику неэкономических шоков.

Цель исследования определила совокупность его **задач**:

- выявить свойства и характеристики категории «неэкономический шок», предложить его трактовку в контексте обеспечения национальной экономической безопасности;
- разработать методику оценки структурных изменений в национальной экономике как реакции на неэкономический шок и индикатора экономической безопасности;
- разработать методику оценки уровня технологического суверенитета как элемента национальной экономической безопасности в условиях воздействия неэкономических шоков;
- разработать механизм влияния неэкономического шока на национальную экономическую безопасность;
- предложить методический подход к нейтрализации последствий неэкономических шоков в национальной экономике, направленный на укрепление национальной экономической безопасности.

Объект исследования – национальная экономика, находящаяся под воздействием неэкономических шоков.

Предмет исследования – управленческие и организационно-экономические отношения, опосредующие процессы обеспечения национальной экономической безопасности.

Область диссертационного исследования соответствует научной специальности 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономическая безопасность), пп.: 13.3. Типология проблем экономической безопасности. Угрозы и вызовы экономической безопасности; 13.10. Политика и практика обеспечения экономической безопасности на международном и национальном уровнях. 13.12. Разработка и применение методов, механизмов и инструментов повышения экономической безопасности.

Теоретической и методологической основой диссертационного исследования послужили результаты и выводы, изложенные в трудах российских и зарубежных ученых-экономистов, посвященных анализу

сущности национальной экономической безопасности, выявлению ее вызовов, угроз и рисков, проблемам регулирования экономики в кризисных условиях, антикризисного управления, в том числе антисанкционного, изучению цикличности развития экономики, разработки экономических моделей (в частности, моделей смешанной и мобилизационной экономики), осуществлению институционального проектирования в экономике, разработке и реализации мер экономической политики, управлению в социально-экономических системах, оценке эффективности хозяйственных и управленческих процессов, экономическому моделированию и прогнозированию и др.

Методы исследования. При проведении исследования использовались как общенаучные методы исследования, такие как индукция и дедукция, анализ и синтез, систематизация, сравнение, обобщение, классификация, кластеризация, контент-анализ, методы системного подхода и др., так и специальные методы экономических исследований: экономико-математического моделирования, оценки угроз экономической безопасности и эффективности мер по ее обеспечению, управления рисками, институционального анализа и проектирования, статистической обработки экономических данных, многокритериального оценивания, экспертных оценок и др.

Информационную базу исследования составили данные международных организаций, входящих в систему ООН (Международный валютный фонд, Всемирный банк и др.), Росстата и его территориальных подразделений в регионах России, официальная статистика и аналитические материалы федеральных министерств и ведомств, данные российских и международных экспертно-аналитических, научно-исследовательских и статистических организаций; законодательные и нормативно-правовые акты Российской Федерации, тексты стратегических и программных документов; результаты авторских исследований; массив научных и эмпирических данных

по теме исследования, изложенных в монографиях, научных журналах, сборниках, материалах конференций, в том числе представленных в сети Интернет.

Научная новизна результатов диссертационной работы в целом состоит в разработке научно-методического аппарата обеспечения национальной экономической безопасности в условиях воздействия на национальную экономику неэкономических шоков, отличающегося комплексным учетом характеристик неэкономического шока, как специфического социально-экономического феномена, а также особенностей возникновения и механизма воздействия неэкономического шока на экономику, что позволяет сформировать на научной основе систему мер по противодействию негативному влиянию шока на национальную экономику в рамках реализации политики обеспечения национальной экономической безопасности.

Научная новизна исследования получила отражение в следующих конкретных **научных результатах, которые получены лично автором и вынесены на публичную защиту:**

1. Предложена авторская трактовка категории «неэкономический шок», отличие которой состоит в том, что его предложено рассматривать как комплексную угрозу национальной экономической безопасности, степень опасности которой определяется сочетанием характеристик шока (экзогенность, одномоментность, противоречивость и т.д.), что позволяет, на основе их изучения, сформировать систему адаптивных мер по обеспечению национальной экономической безопасности в условиях воздействия на экономику неэкономического шока.

2. Разработана методика оценки структурных изменений в национальной экономике как реакции на неэкономический шок и индикатора экономической безопасности, отличающаяся использованием векторного показателя структурных изменений, использование которой позволяет

смоделировать динамику уровня национальной экономической безопасности, а также оценить способность экономики противостоять угрозам экономической безопасности, вызванным неэкономическими шоками.

3. Разработана методика оценки уровня технологического суверенитета как элемента национальной экономической безопасности, отличающаяся использованием процессного экспертно-аналитического подхода при оценке уровня технологической независимости отдельных производственных операций и их групп, а также шкалы Харрингтона для качественной интерпретации полученного интегрального показателя технологического суверенитета, использование данной методики в условиях воздействия неэкономических шоков позволяет проводить ретроспективный и сравнительный анализ уровня достижения технологического суверенитета и результативности соответствующих мер.

4. Разработан механизм влияния неэкономического шока на национальную экономическую безопасность, отличающийся выделением двух альтернативных схем воздействия шока (импульсной и ступенчатой), а также четырех форм проявления последствий шока для экономической безопасности (прямое, косвенное, структурное, пролонгированное), что позволяет повысить эффективность реализации стратегических мер по обеспечению национальной экономической безопасности.

5. Предложен методический подход к нейтрализации последствий неэкономических шоков в национальной экономике, отличающийся использованием инструментария мобилизационной экономики, применение которого создает предпосылки для институциональной перестройки, направленной на укрепление национальной экономической безопасности, с использованием сценарного подхода..

Степень достоверности и обоснованности результатов исследования задана корректным использованием апробированных теоретических и методологических положений современной экономической науки, в том числе

теории экономической безопасности; опорой при проведении исследования на надежные, проверенные исходные данные, полученные из заслуживающих доверия официальных источников; корреляцией авторских разработок с результатами, полученными другими учеными, в том числе с применением альтернативных методик исследования и на иных наборах исходных данных; апробацией и публикацией результатов авторского исследования, в том числе в рецензируемых научных изданиях, их одобрением специалистами; грантовой поддержкой (на основе конкурсного отбора и экспертизы как заявочных материалов, так и результатов) авторских исследований грантами Российского научного фонда и Администрации Санкт-Петербурга.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в развитии теории экономической безопасности в части исследования сущности неэкономического шока как угрозы безопасности, а также выявления механизма его влияние на национальную экономику, разработки методических аспектов обеспечения экономической стабильности страны в условиях кризисных явлений в национальной и мировой экономике, в том числе вызванных неэкономическими шоками, научном обосновании ряда новых инструментов обеспечения национальной экономической безопасности.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в возможности использования государственными органами, в рамках реализации политики обеспечения национальной экономической безопасности, основных положений и выводов исследования для заблаговременного выявления признаков неэкономических шоков, их спецификации и выработки адекватных антикризисных мер, направленных на обеспечение национальной экономической безопасности, защиту экономики от проявлений кризисов и турбулентности. Также отдельные теоретические и методические положения, представленные в диссертации, могут быть использованы в учебном процессе высших учебных заведений и учреждений

дополнительного профессионального образования при преподавании дисциплин «Экономическая безопасность», «Управление рисками», «Антикризисное регулирование», «Государственное регулирование национальной экономики» и др.

Апробация и реализация результатов исследования. Результаты проведенного исследования докладывались, обсуждались и получили положительную оценку специалистов на ряде научных конференций, среди которых: Всероссийский форум студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и инновации в технических университетах» (Санкт-Петербург, 2014, 2015, 2016, 2017), II Научный конгресс студентов и аспирантов Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, 2015), II Межвузовская научно-практическая конференция «Экономическая безопасность: региональный аспект» (Санкт-Петербург, 2015), Всероссийская научно-практическая конференция «Политика современных социально-экономических систем» (Волгоград, 2015), 31st International Business Information Management Association Conference «Innovation Management and Education Excellence through Vision 2020» (Милан, Италия, 2018), Международная научная конференция «Innovative Technologies in Environmental Science and Education» (Дивноморское Краснодарского кр., 2019), Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития» (Курск, 2019), VIII Международная научно-практическая конференция «Архитектура финансов: иллюзии глобальной стабилизации и перспективы экономического роста» (Санкт-Петербург, 2019), 34st International Business Information Management Association Conference «Vision 2025: Education Excellence and Management of Innovations through Sustainable Economic Competitive Advantage» (Мадрид, Испания, 2019), Научная конференция аспирантов Санкт-Петербургского государственного экономического университета «Современные вызовы и

актуальные проблемы науки, образования и бизнеса в условиях мировой нестабильности» (Санкт-Петербург, 2021), 11-я Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы международных отношений в условиях формирования мультиполярного мира» (Курск, 2022), Международная научно-практическая конференция «Проблемы устойчивости развития социально-экономических систем» (Тамбов, 2022), 13-я Всероссийская научно-практическая конференция «Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты» (Курск, 2023), Научно-практическая конференция и молодежная секция Московского академического экономического форума «Технологический суверенитет российской промышленности: перспективы и риски» (Санкт-Петербург, 2023), Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления в современных экономических условиях» (Курск, 2024), V Международная научная конференция «Экономические и социальные тренды устойчивого развития современного общества» (Санкт-Петербург, 2024) и др.

Авторские исследования, отраженные в диссертации, получили по итогам проведенного конкурсного отбора грантовую поддержку и реализованы в отчетных материалах по ряду выполненных и выполняемых в настоящее время научно-исследовательских работ, среди которых: гранты Администрации Санкт-Петербурга: «Проблемы в области импортозамещения и методы их разрешения в условиях санкций» (2015 г.), «Оценка влияния процессов импортозамещения на развитие регионального хозяйственного комплекса (по материалам Северо-Западного федерального округа)» (2016 г.), «Импортозависимость и импортозамещение – анализ мировой практики и пути выхода из кризиса» (2017 г.), «Финансирование инфраструктурных проектов: инновационные инструменты рынка ценных бумаг» (2020 г.), «Механизм влияния неэкономического шока на экономику» (2021 г.); грант

Российского научного фонда № 23-28-10076 «Разработка методического обеспечения устойчивого развития экономики региона в условиях политико-экономической турбулентности» (2023-2024 гг.).

Публикации. Основные положения и выводы диссертационного исследования представлены автором в 30 научных публикациях общим объемом 35,0 п.л. (авторский вклад составляет 12,0 п.л.). Из них в рецензируемых научных журналах, включенных в Перечень ВАК при Минобрнауки России по научной специальности диссертации, опубликовано 7 статей, 3 статьи опубликовано в изданиях, индексируемых в международных базах данных, также материалы диссертации включены в 1 монографию. Ряд публикаций, подготовленных по теме диссертации, выполнен в соавторстве, при этом все результаты, обладающие научной новизной и выносимые на защиту, отраженные в тех публикациях, которые выполнены в соавторстве, получены лично автором.

Структура и объем работы. Структура работы определяется ее целью и задачами, а также последовательностью их решения. Диссертация изложена на 222 страницах компьютерного текста и состоит из введения, 3-х глав, включающих 9 параграфов, заключения, списка использованных источников, включающего 241 наименование, и приложений. В работе имеется 29 рисунков и 15 таблиц.

1 Теоретические аспекты выявления и оценки неэкономических шоков в контексте обеспечения национальной экономической безопасности

1.1 Теоретические взгляды на неэкономические шоки, их виды и предпосылки возникновения

Различные учёные-экономисты в разные времена интересовались проблематикой шоковых изменений в экономике¹. Так, например, Кондратьев Н.Д. еще в 1925 году опубликовал работу под названием «Большие циклы конъюнктуры», в которой показал, что циклы экономической активности (позже названные «длинными волнами Кондратьева») напрямую связаны с макроэкономическими шоками². Другой известный экономист начала XX века – Дж.Р. Хикс – в 1937 году, базируясь на идеях Дж.М. Кейнса, пришел к выводу, что нециклические факторы развития (шоки) влияют на общее равновесие в экономике и приводят к кризисным явлениям из-за нарушения ритмичных циклических процессов роста и спада в экономике³.

В силу того, что шоковые изменения нарушают сложившееся равновесие, нарушают баланс в экономике, они рассматриваются как мощный фактор возмущения экономической динамики, т.е. шоки могут быть позиционированы как фактор нарушения экономической безопасности. Категория неэкономических шоков в последние годы является важной, и достаточно часто анализируемой в научной литературе⁴. Это, по мнению

---

¹ Алешина О.Г. Внешние и внутренние шоки в экономике: методология // Экономика и управление инновациями. 2022. № 2 (21). С. 39-60.

² Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры. Избранные работы. М.: Юрайт, 2021. 490 с.

³ Хикс Дж.Р. Стоимость и капитал. М.: Прогресс, 1988. 190 с.

⁴ Алешина О.Г. Воздействие экономических шоков на воспроизводственную систему при переходе к неоиндустриальному структурному сдвигу // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2024. № 2 (232). С. 9-17.

Единак Е.А. Рынок труда и внешнеэкономические шоки // Социально-трудовые исследования. 2022. № 3 (48). С. 56-66.

автора, связано с тем, что количество таких шоков и степень их влияния на устойчивость функционирования и развития экономической системы, а также на обеспечение экономической безопасности на всех ее уровнях иерархии становится все более значительным.

Примерами такого рода шоков могут являться пандемия COVID-19, специальная военная операция, попытка государственного переворота в Казахстане, усиление напряженности на границе Армении и Азербайджана и многое другое. Все эти события напрямую влияют на экономику Российской Федерации, несмотря на то что эти события не являются событиями экономической природы. Наибольшее влияние на реальный сектор национальной экономики оказывают те последствия, которые неизбежно возникают после и во время таких событий⁵.

Жиронкин С.А., Таран Е.А., Алешина О.Г. Устойчивость экономики к шокам на макро- и мезоуровнях: типология и условия // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2023. № 61. С. 225-249.

Медведев В.В., Рагуткин А.В., Федченкова Ю.А. Национальная технологическая инициатива и современные экономические шоки // Вестник университета. 2023. № 1. С. 92-99.

Плотников А.В., Харламов А.В. Направления нейтрализации негативного влияния неэкономических шоков на реальный сектор экономики России // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2023. № 1 (139). С. 50-58.

Смешко О.Г., Плотников В.А., Вертакова Ю.В. Государственная инвестиционная политика как инструмент преодоления угроз национальной экономической безопасности, вызванных антироссийскими санкциями // Экономика и управление. 2023. Т. 29. № 7. С. 747-762.

Харламов А.В., Шатровская А.С. Глобализация и развитие реального сектора национальной экономики // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1. С. 25-29.

Черевко В.Е. Современная экономика России: анализ перспектив и направлений развития // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 5-2 (111). С. 204-207.

⁵ Акиндинова Н.В., Бессонов В.А., Пухов С.Г., Сафонов И.Н., Смирнов С.В. Инфляционные вызовы периода пандемии и санкций. Уроки для будущего // Вопросы экономики. 2022. № 5. С. 5-25.

Вертакова Ю.В., Зарецкая В.Г., Плотников В.А. Covid-19 и европейская интеграция: станет ли пандемия коронавируса триггером распада Европейского Союза? // Управление устойчивым развитием. 2020. № 3 (28). С. 5-16.

Гамидова А.Э. Трансформация тенденций развития сферы услуг под воздействием пандемии Covid-19 (на материалах отрасли туризма) // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2021. № 2 (48). С. 15-19.

Жилинкова И.Н., Пирогова О.Е. Актуальные тренды развития бизнес-ассоциаций предприятий малого и среднего бизнеса сферы услуг в период пандемии COVID-19 //

Поясним это конкретными примерами. Так, серьезный экономический ущерб от пандемии COVID-19 был нанесен развитым странам, которые в числе первых ввели строгий режим самоизоляции и строгие карантинные меры. Только первая волна пандемии обошлась экономике, по подсчетам Всемирной организации здравоохранения и Всемирного банка, в 11 триллионов долларов. Вместе с недополученными доходами населения сумма ущерба превышает 20 триллионов долларов.

Приведем другой пример. Попытка государственного переворота в Казахстане в январе 2022 года, в случае её успешной реализации, также серьезно могла навредить экономике России, связанной с экономкой Казахстана многочисленными кооперационными зависимостями. Ввод миротворческого контингента стран Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) позволил в кратчайшие сроки погасить волнения и стабилизировать социально-политическую ситуацию в соседней, дружественной России стране. Однако, если бы Россия и другие страны – участники ОДКБ не вмешались в события в Казахстане, ситуация в стране для русского населения, которая и так последние годы омрачается рядом громких инцидентов, усложнилась бы ещё сильнее.

В таком случае, помимо очевидных проблем с занятостью, трудоустройством и миграцией, Россия могла бы столкнуться с ограничением работы космодрома Байконур (например, 14 из 25 российских космических ракет-носителей в 2021 году было запущено именно оттуда). В таком случае, космической отрасли России был бы нанесён огромный урон – в кратчайшие

Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2021. № 1 (47). С. 28-33.

Пролубников А.В. Трансформация государственной экономической политики в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2021. № 1 (47). С. 11-14.

Харламов А.В. Санкции как фактор усиления нестабильности современной мировой экономики // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2022. № 2. С. 18-23.

сроки перенести все пуски на космодром Восточный было бы практически невозможно. Ко всему прочему, Россия бы получила очередной очаг напряженности у своих границ.

Приведенные и многие другие примеры показывают, что национальная экономика сегодня очень чувствительна к экзогенным шокам неэкономической природы⁶. Одна из причин такой чувствительности – усиление процессов глобализации в мировой экономике⁷. Причем дело даже не в глобализации как таковой, а в том, что с ростом технологического уровня экономики и углублением межстранового разделения труда национальные экономики становятся более связными и взаимозависимыми, что может приводить к мультиплицированию неустойчивостей, вызванных шокowymi воздействиями различной природы.

Особенно уязвимыми в таком случае видятся страны со сравнительно небольшой экономикой, завязанной на экспорт сырьевых ресурсов или иным образом серьезно вовлеченной в мирохозяйственные процессы (это может быть оценено количественно, например, через расчет импортной, экспортной и внешнеторговой квот). В этой связи видится целесообразным уточнение самой категории «шок» применительно к экономике.

Отметим, что в современном русском языке слово «шок» трактуется как имеющее отношение к медицине. Так, в толковом словаре Ожегова С.И. приводится такое описание значения этого слова: «Шок – тяжелое расстройство функций организма вследствие физического повреждения или

---

⁶ Дзюба Ю.А., Колужнов Д.В. Оценка степени влияния различных шоков на динамику макроэкономических показателей России в 2014-2018 годах // Мир экономики и управления. 2021. Т. 21. № 4. С. 24-46.

Дубовик М.В., Сизова Д.А., Волобуев Н.А. Влияние макроэкономических шоков на неравенство: современный аспект // Друкеровский вестник. 2020. № 4 (36). С. 46-53.

Никитин М.В., Каминов А.А. Экономические и политические шоки: классификация и механизм воздействия на макроэкономическую конъюнктуру // Экономика: теория и практика. 2019. № 2 (54). С. 103-108.

⁷ Максимцев И.А., Межевич Н.М. Экономическая интеграция в Большой Евразии: возможности и вызовы // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 3 (111). С. 7-10.

психического потрясения» (цит. по: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=35759>). Аналогичная трактовка приводится в Кембриджском словаре английского языка (см.: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/shock>, перевод – авторский). Шок – это «эмоциональная или физическая реакция на внезапное, неожиданное и обычно неприятное событие или опыт».

Если отвлечься от медицинской тематики, то шок, в более общем смысле, можно трактовать как резкое и существенное изменение в устройстве (организации) и функционировании некоторой системы. В этой связи, возможна довольно обширная классификация шоков по признаку объекта, которая описывает – на какую именно систему оказывает воздействие шок. Соответственно, шоки могут быть медицинские (как в приведенных выше цитатах из словарей, эти шоки влияют на здоровье человека), социальные (влияют на социальную структуру общества)⁸, культурные (влияют на систему ценностей отдельных людей, групп и общества в целом)⁹, коммуникационные (их использование является типичным для рекламных обращений и мероприятий по продвижению товаров и услуг в рамках маркетинговой политики компаний)¹⁰ и т.д. Строго говоря, эта классификация не является замкнутой в силу разнообразия систем, оказывающихся под воздействием шоков, которые могут быть выделены в ходе конкретного исследования.

Одной из разновидностей шоков в рамках такого подхода является *шок экономический*, т.е. такой шок, который оказывает влияние на экономику. Отметим, что любой шок, в этом состоит его ключевая характеристика, основное системное свойство, оказывает на систему, подвергнутую его воздействию, возмущающее влияние, вследствие которого система изменяет

---

⁸ Ващук А.С. Выход дальневосточного сообщества из социального шока военного времени // Россия и АТР. 2010. № 2 (68). С. 63-75.

⁹ Куликова О.А. Культурный шок: социально-психологическая адаптация к новой культурной среде // Вестник университета. 2017. № 5. С. 190-195.

¹⁰ Каширин А.А., Новикова Н.В. Использование шока в коммерческой и социальной англоязычной рекламе // Альманах мировой науки. 2016. № 3-1 (6). С. 111-114.

свои свойства. В случае экономического шока можно говорить о том, что шок является вызовом, угрозой или риском экономической безопасности.

Отнесение шока к той или иной из названных категорий возможно в зависимости от обстоятельств, но вполне правомерно, что определяется смысловой близостью категорий «вызов», «угроза», «риск» экономической безопасности (см. табл. 1.1.1). Как следует из системы понятийного аппарата, раскрытого в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. N 208, при определенных обстоятельствах вызовы экономической безопасности формируют ее угрозы, которые, при их реализации, порождают риски экономической безопасности.

Таблица 1.1.1 – Официальная трактовка категорий «вызов», «угроза», «риск» экономической безопасности

Термин	Определение
Вызов экономической безопасности	Совокупность факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению угрозы экономической безопасности
Угроза экономической безопасности	Совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере
Риск в области экономической безопасности	Возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере в связи с реализацией угрозы экономической безопасности

Источник: Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. N 208 "О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года".

Вторым уровнем предлагаемой нами классификации шоков выступает признак их природы. В зависимости от того, что является причиной возникновения шока, можно выделить шоки техногенные, природные, экономические, военные и т.д. С позиций того, что наше исследование имеет экономическую направленность, правомерно будет разделить все экономические шоки с позиций их природы на экономические и неэкономические. Предпосылки экономических шоков формируются внутри экономической системы, неэкономический шок по отношению к экономической системе носит внешний характер, он вызван факторами неэкономической природы.

Проблематика шоков экономической природы достаточно долго и активно изучается в экономической науке¹¹, в частности – в рамках теории

---

¹¹ Алешина О.Г., Жиронкин С.А. Неоиндустриальный структурный сдвиг в системе воздействия экономических шоков на воспроизводство. Кемерово: Изд-во КГТУ, 2024. 156 с.

Богданова О.А. Влияние внешних институциональных шоков на экономическое развитие регионов: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). Челябинск, 2018. 185 с.

Львова Н.А., Семенович Н.С. Феномен кризиса в представлениях экономической науки: ожидаемая закономерность или непредсказуемый шок? // Финансы и кредит. 2015. № 21 (645). С. 27-36.

Миркин Я.М. Изменения в экономических и финансовых структурах: воздействие шоков-2020 // Экономическое возрождение России. 2020. № 2 (64). С. 86-92.

Михеева Н.Н. Устойчивость российских регионов к экономическим шокам // Проблемы прогнозирования. 2021. № 1 (184). С. 106-118.

Песоцкий А.А. Экономический шок: определение, укрупненные подходы к классификации // Kant. 2021. № 2 (39). С. 85-90.

Пылин А.Г. Особенности экономического развития стран СНГ в контексте их устойчивости к внешним шокам: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Институт экономики РАН. М., 2012. 29 с.

Смородинская Н.В., Катуков Д.Д. Резильентность экономических систем в эпоху глобализации и внезапных шоков // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 5. С. 93-115.

Современные экономические системы: трансформационные шоки и финансовые штормы / Брижак О.В., Манахова И.В., Новиков В.С., Скалкин В.В., Толстобок О.Н., Хохоева З.В., Чиканова Е.С. М.: Перо, 2023. 212 с.

Шиндикова И.Г. Инструментарий обеспечения экономической безопасности строительной организации в условиях макроэкономических шоков: диссертация на соискание ученой

циклического развития, антикризисной экономической политики, теории технологических укладов и т.д. В Большой российской энциклопедии отмечается, что «выделяется несколько типов экономических шоков: шоки предложения, шоки спроса, технологические шоки, шоки денежно-кредитной политики, шоки бюджетно-налоговой политики, финансовые шоки и т.д. Базовыми макроэкономическими моделями для оценки эффекта от шока на экономику выступают ... модели IS-LM и AD-AS» (цит. по: <https://bigenc.ru/c/ekonomicheskii-shok-06d575>).

Изучение экономических шоков экономической природы несколько облегчается за счет того, что их причины лежат в самой экономической системе, в накоплении в ней диспропорций и противоречий, что приводит к снижению эффективности функционирования и развития системы, которые снимаются через кризис, через ее шоковое обновление. Если же говорить о шоках неэкономической природы, то их предпосылки, зачастую, скрыты для анализа с использованием экономической методологии. Характерным примером здесь выступает специальная военная операция (СВО).

Безусловно, начало СВО послужило само по себе шоком для экономики, а также триггером для развертывания санкционного шока. Оба этих взаимосвязанных шока носят неэкономический характер, т.к. обусловлены военно-политическими причинами. Это было отмечено в обращении Президента Российской Федерации к гражданам страны 24 февраля 2022 года (цит. по: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67843>) в связи с началом СВО:

«В соответствии со статьёй 51 части 7 Устава ООН, с санкции Совета Федерации России и во исполнение ратифицированных Федеральным Собранием 22 февраля сего года договоров о дружбе и взаимопомощи с Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой

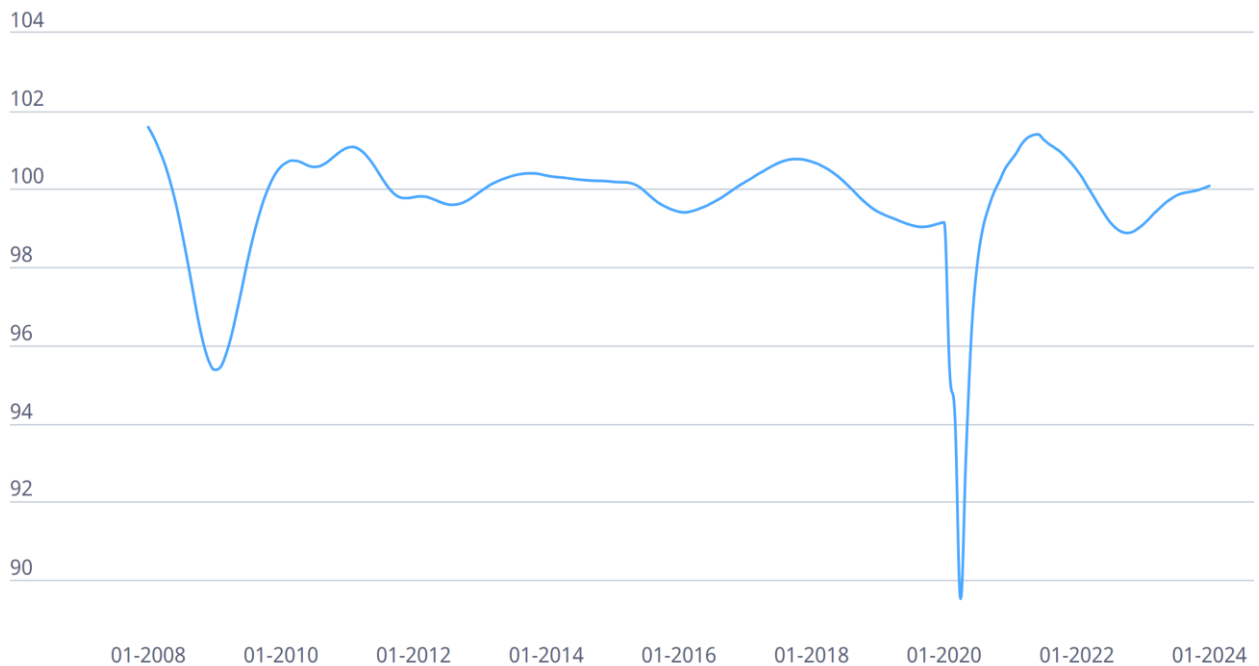
мною принято решение о проведении специальной военной операции. Её цель – защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. И для этого мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины, а также преданию суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации».

Приведенный пример подтверждает, что шоки неэкономической природы более непредсказуемы, в сравнении с шоками экономической природы, следовательно, к ним (по крайней мере, в рамках проведения экономического анализа) сложнее подготовиться в силу ограниченных прогностических возможностей экономической науки по их выявлению. Поэтому сила их влияния на экономику более существенна, а вызываемые ими вызовы, угрозы и риски национальной экономической безопасности сложнее предугадать и нейтрализовать.

Как отмечено в статье в Большой российской энциклопедии, «шок – это событие, которое не было запланировано или предвидено. В результате экономический шок вызывает в экономике неожиданные изменения, приводит к отклонению базовых экономических показателей от равновесного состояния» (цит. по: <https://bigenc.ru/c/ekonomicheskii-shok-06d575>). К шокам экономической природы это утверждение не всегда применимо, в частности, вследствие того, что для стандартных видов цикличности в экономике (которая вызывает шоки экономической природы) разработаны опережающие индикаторы, которые позволяют осуществлять предвидение шоков.

Например, в странах-членах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) используется Композитный опережающий индикатор (Composite leading indicator, CLI) (см.: <https://www.oecd.org/en/data/indicators/composite-leading-indicator-cli.html>). Это составной индекс, асимптотически приближающийся к уровню 100 единиц, который позволяет

предсказывать «поворотные точки» в деловых циклах. CLI рассчитывается для стран G20 и Испании (см. рисунок 1.1.1).

Источник: ОЭСР.

Рисунок 1.1.1 – Динамика CLI стран G20.

Крук Д. и Коршун А. разработали аналогичный комплексный опережающий индикатор для экономики Республики Беларусь. В своей исследовательской работе¹² они указывают (с. 27): «Проанализировав прогностические свойства в определении динамики цикла ВВП циклических составляющих около 100 экономических переменных, мы отобрали 14 переменных, которые и составили сводный индекс опережающих индикаторов (CLI) для Беларуси. В целом сводный индекс опережающих показателей демонстрирует устойчиво высокие прогностические свойства. В среднем

¹² Крук Д., Коршун А. Экономический цикл и опережающие индикаторы: методологические подходы и возможности использования в Беларуси: Рабочий материал Исследовательского центра ИПМ WP/10/05. Мн., 2010. 35 с. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/38546395.pdf>.

опережающая динамика данного индекса относительно циклической составляющей ВВП составляет 3 месяца, и его коэффициент корреляции при таком опережающем лаге с циклом ВВП составляет 0.86».

Неэкономический шок – это событие, которое не связано с экономической деятельностью, но может оказать значительное влияние на экономику, ослабляя экономическую безопасность. К таким событиям можно отнести природные катастрофы, террористические акты, войны, эпидемии, политические кризисы и другие подобные события. Эти события могут вызвать серьезные проблемы в экономике, такие как снижение производства, увеличение безработицы, инфляция и прочее.

Неэкономические шоки, такие как природные катастрофы, эпидемии, террористические акты и политические кризисы, могут иметь серьезное влияние на реальный сектор национальной экономики. Например, природные катастрофы могут поразить производственные мощности, уничтожить сельскохозяйственные угодья и привести к гибели людей и разрушениям, что негативно влияет на экономическую активность. Пандемии могут привести к закрытию гостиниц и ресторанов, ограничению передвижения и спаду в туризме, снижению потребления и, в результате, к сокращению объемов производства и росту безработицы.

Террористические акты и политические кризисы также могут привести к сокращению инвестиций и экономической активности, а также к ухудшению делового климата и уменьшению уверенности инвесторов. Кроме того, они могут привести к увеличению расходов на безопасность и оборону, что сокращает ресурсы, доступные для других отраслей экономики.

Современная экономика сталкивается с различными шоками, которые могут оказывать значительное влияние на экономические процессы. Некоторые из этих шоков включают в себя:

1. Пандемия COVID-19 – масштабный, который привел к закрытию многих предприятий и остановке экономической деятельности в разных странах мира.

2. Глобальные экономические кризисы, такие как кризис 2008 года, спровоцированный крахом ипотечного рынка США, который привел к резкому снижению производства, увеличению безработицы и другим экономическим проблемам.

3. Политические кризисы, такие как выход Великобритании из Европейского Союза (Brexit) и торговые споры между США и Китаем, которые могут привести к снижению международной торговли и инвестиций, появлению в них новых барьеров.

4. Природные катастрофы, такие как ураганы, землетрясения, наводнения и пожары, которые могут привести к значительным потерям в экономике и обществе.

5. Технологические шоки, такие как развитие искусственного интеллекта и автоматизации, которые могут изменить многие отрасли экономики и привести к изменениям на рынке труда.

6. Вооруженные конфликты, разрушающие экономический потенциал стран-участниц, приводящие к гибели людей, деградации территорий, на которых ведутся военные действия, росту государственного долга и т.д.

Эти шоки могут оказывать значительное влияние на экономические процессы в разных странах и регионах, и необходимо принимать меры для смягчения их последствий с тем, чтобы создаваемые шоками угрозы не становились критическими для достижения необходимого уровня экономической безопасности.

Очевидно, что шоки нарушают экономическую безопасность. Это вытекает из рассмотренных выше их свойств, а также из трактовки категории «экономическая безопасность». В силу того, что в литературе имеется множество ее трактовок, во многом схожих между собой, в данном случае мы

обратились к официальному определению этого понятия. В Указе Президента РФ от 13.05.2017 N 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» экономическая безопасность рассматривается как «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации».

При этом, шоком для экономики является внешнее событие, которое выводит экономику из состояния равновесия. То есть проявляется угроза экономической безопасности, что может привести к нарушениям в обеспечении экономического суверенитета страны и т.д. Следует подчеркнуть, что не всегда шоковое событие влечёт за собой негативные последствия – положительные шоки тоже возможны. Но положительные шоки не нарушают экономическую безопасность, поэтому и в теории, и на практике им уделяется меньше внимания. В частности, близкое по смыслу нашей трактовке шока описание дает Портер М.Е.¹³ такому фактору национальной конкурентоспособности, как «случай»:

«В истории большинства успешно конкурирующих отраслей сыграл свою роль и случай, то есть такие события, которые имеют мало общего с условиями развития в стране и влияют на которые часто не могут ни фирмы, ни даже национальные правительства. Вот некоторые примеры этих событий, имеющих особо важное значение для развития конкурентоспособности: изобретательство; крупные технологические сдвиги (например, биотехнология, микроэлектроника); резкие изменения цен на ресурсы, такие как нефтяной шок; значительные изменения на мировых финансовых рынках или в обменных курсах;

---

¹³ Портер М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. М.: Альпина Паблишер, 2016. 1475 с.

всплеск мирового или местного спроса; политические решения зарубежных правительств; войны... [Например], войны ... могут, с одной стороны, увеличить объем местных инвестиций в науку (создание производственных факторов) и, с другой стороны, разорвать отношения между покупателями (изменение параметров спроса). Первая мировая война стала причиной того, что немецкие фирмы, занятые в химической промышленности, утратили свои зарубежные активы и торговые марки (например, аспирин фирмы Bayer). Она также явилась значительным стимулом для развития химического производства в США, Великобритании и Швейцарии... Случай оказывал разное влияние на различные страны» (цит. по: <https://www.litres.ru/book/maykl-porter/mezhdunarodnaya-konkurenciya-konkurentnye-preimuschestva-stran-17556817/chitat-onlayn/?page=19>).

По сути, в трактовке Портера М.Е., «случай» представляет собой «шок» для экономики. И этот случай, как следует из процитированного фрагмента, может влиять на экономику как отрицательно (тогда он позиционируется как угроза экономической безопасности и требует противодействия), так и положительно (тогда он позиционируется как шанс, удачное стечение обстоятельств, «окно возможностей» и т.д.).

Шоковые явления в экономике принято оценивать по-разному и не существует консенсуса по строгому определению этого термина. При этом, существуют *основные характеристики шока*. Среди них можно выделить следующие:

- шок должен возникать вне экономической системы, быть экзогенным. Именно такого рода шоки являются предметом нашего рассмотрения;
- шок оказывает комплексное, противоречивое и существенное влияние на экономические процессы на всех уровнях хозяйственной системы;
- шок является неожиданным, непредвиденным, слабопредсказуемым событием;

- шок приводит к значительному и одномоментному изменению значений критически важных для экономической системы параметров;

- шок возникает и развивается в короткий промежуток времени, одномоментно, в формате импульса, влияющего на экономику; в дальнейшем факторы, вызвавшие шок, нивелируются.

Несмотря на то, что реагировать на «положительные шоки» проще, чем на шоки-угрозы, к сожалению, не всегда эта реакция является адекватной. В силу того, что эти положительные шоки не несут непосредственных угроз, зачастую в экономической политике им не уделяется достаточного внимания, в результате чего «окна возможностей» «закрываются», шансы на ускорение развития, структурную перестройку экономики и т.д. – упускаются. Примером такого рода является вывод академика РАН Глазьева С.Ю., который полагал, что в своем инновационно-технологическом развитии Россия может «перескочить» через технологический уклад в момент их смены¹⁴. Но в своих последних выступлениях на СПЭК-2024 и МАЭФ-2024 этот специалист высказался, что этот шанс практически упущен, «окно возможностей» закрывается.

Еще одним важным отличием «положительного» шока является то, что предугадывать его наступление даже сложнее, чем негативные шоки. Это связано с тем, что в рамках проведения мероприятий по обеспечению экономической безопасности проводится мониторинг соответствующих индикаторов¹⁵. И, если эти индикаторы имеют отрицательную динамику, проводятся меры по устранению негативного влияния угроз и рисков экономической безопасности. Положительная же динамика факторов, в рамках мониторинга экономической безопасности, не воспринимается как

---

¹⁴ Глазьев С. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 768 с.

¹⁵ Агапова Т.Н. Методика и инструментарий для мониторинга экономической безопасности региона // Вопросы статистики. 2001. № 2. С. 44-48.

Митяков Е.С., Митяков С.Н. Оценка рисков в задачах мониторинга угроз экономической безопасности // Труды НГТУ им. Р.Е. Алексеева. 2018. № 1 (120). С. 44-51.

угроза, как событие, обуславливающее какие-либо управленческие действия, поэтому никакого углубленного анализа в этом случае не проводится, в результате шансы на улучшения в экономической системе могут быть упущены.

Также следует отметить, что в системе экономической безопасности можно выделить различные заинтересованные стороны, которые могут иметь неодинаковые, а порой и противоречивые экономические интересы. В результате то событие, которое для одного субъекта выступает в качестве негативного шока, для другого будет иметь положительный характер. Например, положительным шоком для экономики России является рост цен и/или спроса на энергоносители на мировых рынках, тогда как для стран-импортеров это событие классифицируется как негативный шок. Напротив, наблюдавшееся с началом пандемии COVID-19 снижение цен и спроса на нефть и газ для российской экономики является негативным шоком, а для стран-импортеров энергоносителей – позитивным.

В дальнейшем мы будем рассматривать неэкономические шоки как категорию экономической безопасности. На сегодняшний день, существует ряд документов, где официально отображены подходы к защищенности экономической системы. Например, судя по Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, можно утверждать, что защищённой экономика страны может быть только в том случае, если обеспечивается экономический суверенитет, то есть, все решения государства по реализации внутренней и внешней экономической политики принимаются самостоятельно, основываясь на международных обстоятельствах и обязательствах и с учетом национальных экономических интересов («объективно значимых экономических потребностей страны, удовлетворение которых обеспечивает реализацию стратегических национальных приоритетов Российской Федерации»).

Если рассматривать термин «неэкономический шок» с позиции теории экономической безопасности, то с учетом проведенного нами изучения экономической литературы и официальных документов, можно сформулировать следующее определение: *«Неэкономический шок – это угроза экономической безопасности государства, которая по своей природе не обусловлена экономической деятельностью, но может оказать значительное влияние на экономику страны»*. Причем это влияние, как указывалось выше, может иметь положительный и отрицательных характер.

Положительное влияние шоков на экономику в теории экономической безопасности и практике ее обеспечения, традиционно, не рассматривается. В случае негативного влияния на экономику неэкономический шок может рассматриваться как одна из угроз экономической безопасности, проводится работа по ее устранению или ослаблению. В результате формируется половинчатый, несистемный подход к анализу неэкономических шоков, что повышает уровень неопределенности при их выявлении и оценки возможности наступления.

Такой сложившийся подход обладает несистемностью: у рассмотренного феномена (неэкономический шок) выборочно изучаются только отдельные свойства и механизмы его возникновения и развития. Это связано с однобоким пониманием самого феномена экономической безопасности, который рассматривается в краткосрочной перспективе. Мы предлагаем иное понимание неэкономического шока и его влияния на национальную экономическую безопасность с позиций одновременности получаемых положительных эффектов:

1. *Негативные неэкономические шоки* формируют угрозы и риски экономической безопасности в краткосрочной перспективе. Управление ими строится по схеме: контроль (мониторинг) – анализ – осуществление корректирующих мероприятий, направленных на снижение негативных последствий шока. Задачей является возврат экономической системы,

подвергнутой шоковому воздействию, в исходное состояние или на исходную траекторию развития. Это – контур краткосрочного управления. (В российской практике имеется традиция в подобных случаях разрабатывать антикризисные программы и формировать соответствующие организационные механизмы управления. Например, в 2022 году была сформирована Правительственная комиссия по повышению устойчивости развития российской экономики в условиях санкций, которая наделена довольно широкими полномочиями, см.: http://government.ru/sanctions_measures).

2. Позитивные неэкономические шоки не формируют угроз и рисков экономической безопасности в краткосрочной перспективе. Но они являются источником новых возможностей развития. Эти возможности, при условии их реализации, укрепляют устойчивость экономики, делают ее более резистентной к возможным будущим шокам. Управление ими строится по схеме: контроль (мониторинг) – анализ – планирование – осуществление плановых мероприятий, направленных на закрепление позитивных последствий шока. Задачей является возврат развитие экономической системы, подвергнутой шоковому воздействию, повышение потенциала ее защищенности. Это – контур средне- и долгосрочного управления.

Кроме того, затруднительно оценить интегративное влияние шока на экономику, что связано с тем, что его позитивные и негативные последствия проявляются одновременно, имея различную силу влияния на различные регионы, отрасли, конкретные предприятия. Характерным примером, подтверждающим эти рассуждения, является ситуация, складывающаяся в транспортно-логистической отрасли.

Так, специалисты НИУ ВШЭ в 2022-2023 гг. провели исследование цепей поставок российских компаний «Реконфигурация цепей поставок в новых условиях развития российского бизнеса», в рамках которого проанализировали около 200 академических докладов и публикаций в СМИ,

провели серию интервью, а также анкетный опрос свыше 240 респондентов (см.: <https://gsb.hse.ru/newmanagement/news/870363501.html>). В итоге было, в частности, отмечено, что произошло «удорожание логистических услуг. Стоимость транспортировки грузов и сопутствующие затраты увеличились на отдельных направлениях на десятки процентов, на других – в несколько раз... Для 56,6% производителей потребительских товаров рост дороговизны логистики стал критически важным фактором». То есть, на потребителей транспортно-логистических услуг пандемический и санкционный шоки повлияли негативно.

Но, с позиций принципа сбалансированности экономики, при рассмотрении ее как целостной системы, эти дополнительные расходы потребителей транспортно-логистических услуг явились, одновременно, дополнительными доходами оказывающих эти услуги компаний. На круглом столе «Международная логистика 2023 и тренды на 2024 год», проведенном 14 февраля 2024 г. Гильдией логистических операторов при Московской торгово-промышленной палате (см.: <https://mostpp.ru/news/podderzhka-predprinimatelstva/obsuzhdeny-trendy-i-tochki-rosta-transportnoy-logistiki-v-2024-godu>), отмечались следующие факты: «По итогам 2023 года специалисты зафиксировали рост рынка транспортных услуг на 17%, восстановление цепочек поставок, увеличение тоннажа и грузооборота, повышение роли автотранспорта в коммерческих перевозках... Рынок автомобильных перевозок характеризуется ... повышением тарифов на внутрироссийские грузоперевозки (в среднем на 20%)». То есть, на производителей транспортно-логистических услуг санкционный шок повлиял позитивно.

Следовательно, в рамках мер по преодолению кризисных явлений в экономике, вызванных шоками, следует предусматривать *меры перераспределительного характера*. При их реализации доходы должны перераспределяться между различными секторами экономики с тем, чтобы оказать поддержку пострадавшим предприятиям, отраслям, регионам не только

за счет централизованных фондов (бюджетных средств), но и за счет тех экономических субъектов, которые являются бенефициарами шоковых изменений.

В целом, неэкономические шоки могут привести к серьезным экономическим последствиям, включая сокращение производства, рост безработицы, уменьшение потребления и инвестиций, а также увеличение расходов на безопасность и оборону. Чтобы справиться с такими шоками, государство может принимать меры по стимулированию экономической активности, например, увеличивать расходы на государственные проекты и инфраструктуру, а также предоставлять финансовую поддержку малому и среднему бизнесу. Как отмечалось выше, эти меры поддержки могут оказываться как за счет централизованных ресурсных фондов, так и на основе применения перераспределительных механизмов.

1.2 Теоретические подходы к оценке неэкономических шоков в контексте обеспечения экономической безопасности

Понятие шока, несмотря на авторские попытки дать дефиницию этого понятия, отраженные выше, все еще является неоднозначным и многоплановым; и в отечественной, и в мировой науке до сих пор нет чёткого понимания, единого подхода, как их оценивать, и какое событие действительно является шоком. Так, например, временный скачок цен на нефть, который продлился 10 дней, будет ли являться шоком, или для того, чтобы это событие было признано шоковым, его длительность должна быть большей? Или можно задать такой вопрос: являются ли регулярно повторяющиеся экономические кризисы шоками, или же это проявление цикличности в экономике? Возникает вопрос: каким образом отличить шок от дна (или движения к дну) цикла? До сих пор сохраняется ряд подобных вопросов, на которые пока не существует единого ответа.

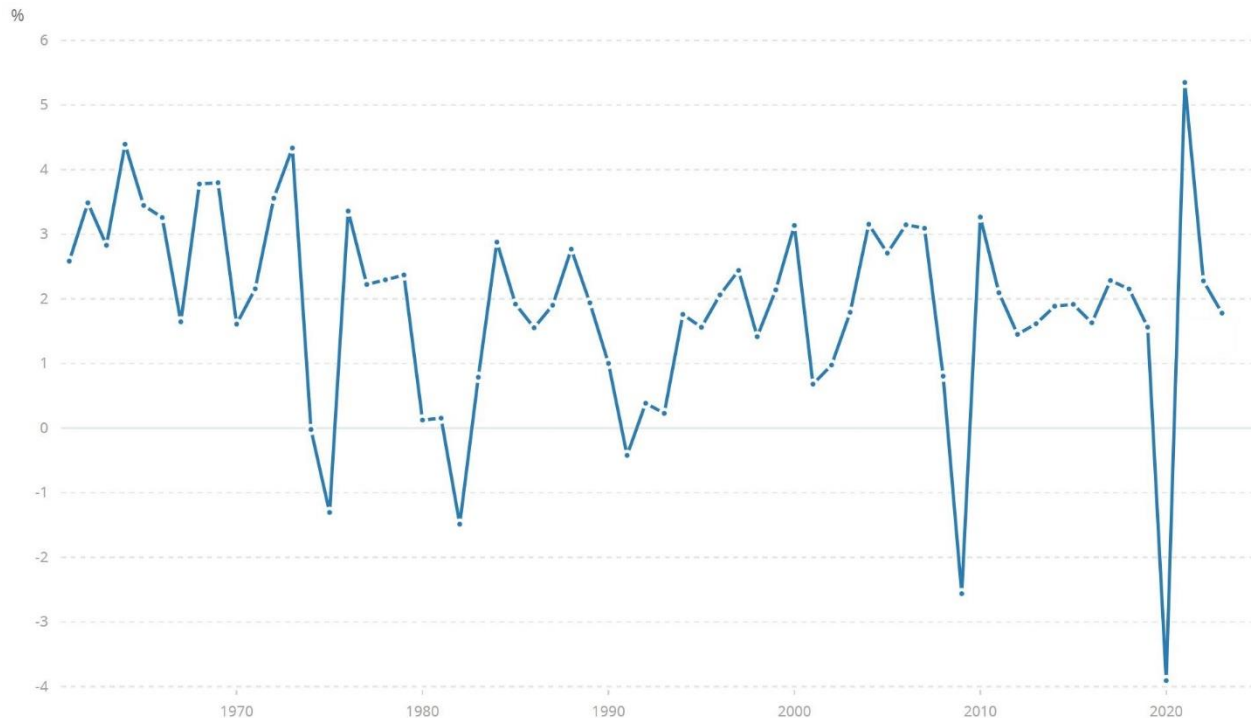
Казалось бы, при попытке различения циклического сжатия экономики и падения, вызванного шоком, можно сделать акцент на степени случайности, предсказуемости этих событий. Но, как известно, несмотря на наличие систем опережающих индикаторов, некоторые из которых нами были рассмотрены выше, их прогностическая способность довольно слабая. Они дают возможность для апостериорного анализа, априорные оценки на их основе затруднены, что определяется значительным числом циклических (гармонических) компонент в экономической динамике, различающихся по амплитуде, частоте и фазе.

В результате, экономическая динамика становится слабо предсказуемой. В качестве примера, на рисунке 1.2.1 представлены данные о годовых темпах прироста ВВП в расчете на душу населения в мире в целом за период с 1961 по 2023 гг. (источник информации – данные Всемирного Банка, см.: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD.ZG>). По этому рисунку четко видно, что на всем 64-летнем интервале наблюдений увеличение (или, по крайней мере, не снижение) темпов прироста ВВП на душу населения более трех лет подряд не наблюдалось ни разу.

Для представленной динамики характерна ярко выраженная высокая колеблемость. Маловероятно, что она вызвана постоянно повторяющимися шокowymi воздействиями на экономику. Скорее, здесь мы видим проявления цикличности развития мировой экономической системы, а также здесь хорошо прослеживается воздействие нефтяного шока, экономического кризиса начала 1980-х гг., шока от распада мировой системы социализма, «великой рецессии» 2008-2009 гг., а также пандемического шока.

На рисунке 1.2.2 (источник информации – данные Всемирного Банка, см.: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD.ZG?locations=RU>) приведены аналогичные данные по России, охватывающие меньший период (1990-2022 гг.). Но и на этом практически вдвое меньшем временном интервале наблюдается аналогичная динамика. Ей

присуща высокая колеблемость, а также на всем интервале наблюдений увеличение (или, по крайней мере, не снижение) темпов прироста ВВП на душу населения более трех лет подряд не наблюдалось ни разу. Также четко прослеживаются шоки начального периода рыночных реформ, дефолт 1998 года, «великая рецессия», пандемический и санкционный шоки.

Источник: данные Всемирного Банка.

Рисунок 1.2.1 – Динамика годовых темпов прироста ВВП в расчете на душу населения в мире в целом за период с 1961 по 2023 гг., %.

Проверим возможность выделения в данных, представленных на рисунке 1.2.2, возможных гармонических составляющих. Для этого воспользуемся математическим аппаратом преобразования исходного временного ряда в тригонометрический ряд Фурье (см., например: http://mathprofi.ru/ryady_furie_primery_reshenij.html). Это преобразование позволяет описать исходную функцию в виде суммы гармонических функций:

$$f(x) = \frac{a_0}{2} + \sum_{n=1}^{\infty} (a_n \cos(nx) + b_n \sin(nx)), \quad (1.2.1)$$

где $f(x)$ – исходная функция от аргумента x ;

a_0, a_n, b_n ($n = 1, 2, 3, \dots$) – коэффициенты Фурье, рассчитываемые по специальным формулам:

$$a_0 = \frac{1}{\pi} \int_{-\pi}^{\pi} f(x) dx, \quad (1.2.2)$$

$$a_n = \frac{1}{\pi} \int_{-\pi}^{\pi} f(x) \cos(nx) dx, \quad (1.2.3)$$

$$b_n = \frac{1}{\pi} \int_{-\pi}^{\pi} f(x) \sin(nx) dx. \quad (1.2.4)$$

Источник: данные Всемирного Банка.

Рисунок 1.2.2 – Динамика годовых темпов прироста ВВП в расчете на душу населения в России за период с 1990 по 2022 гг., %.

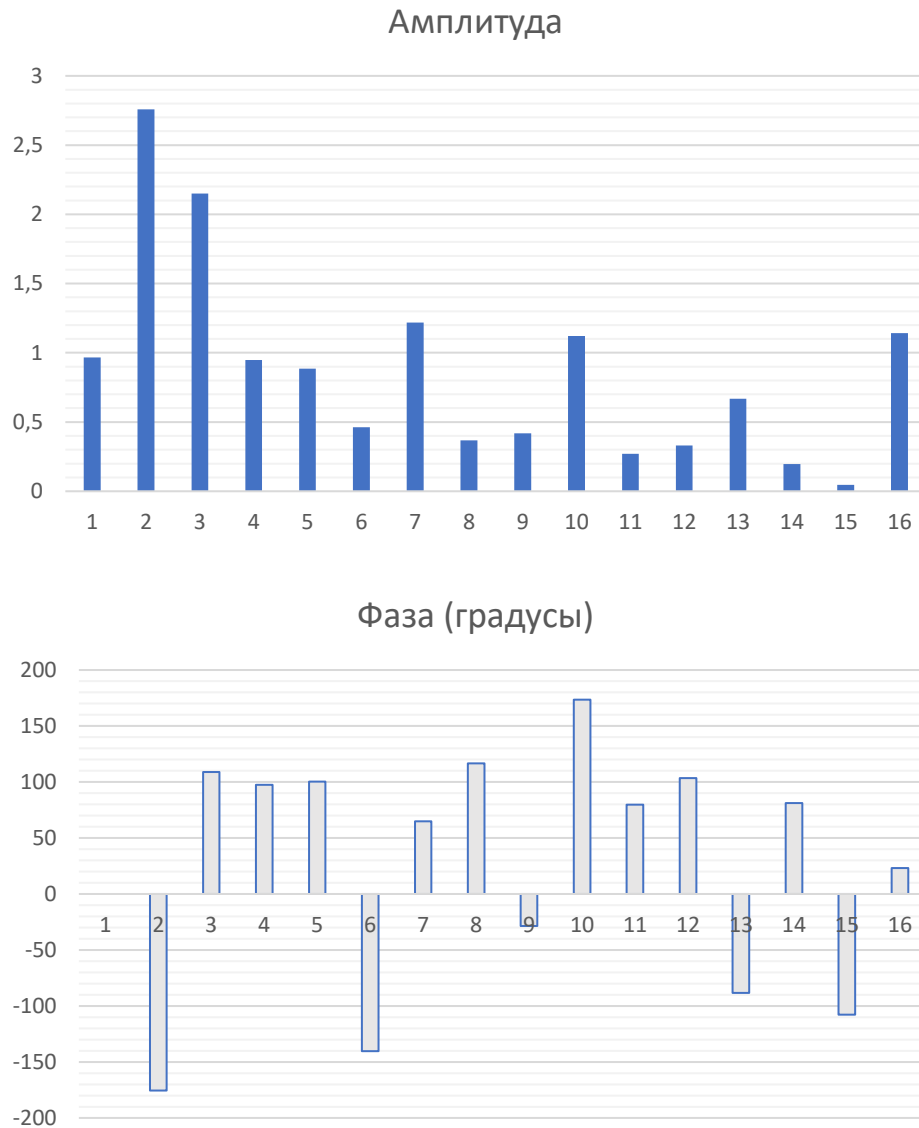
Для проведения преобразования Фурье воспользуемся опцией «Анализ данных» в MS Excel. При этом учтем, что у нас имеется 33 наблюдения (с 1990 по 2022 гг.), а в «Анализе данных» реализован алгоритм т.н. «быстрого преобразования Фурье», для работы которого необходимо нормирование

числа наблюдений, которое должно быть кратно степени числа 2. Логично в этой связи отбросить первое наблюдение (1990 г.), как наиболее старое и в наименьшей степени влияющее на текущий результат. В итоге получаем $2^5 = 32$ наблюдения. По теореме Котельникова количество гармоник при разложении функции в ряд Фурье не должно быть более половины от количества выборок, т.е. в нашем случае можно ограничиться 16 наблюдениями.

Результаты обработки данных приведены на рисунке 1.2.3. Из них следует, что, во-первых, несмотря на прослеживаемую высокую колеблемость изучаемого показателя, в том числе подверженность его шокным выбросам, он имеет долгосрочную тенденцию к росту на уровне 0,97%; во-вторых, в разложении присутствует значительное число высокоамплитудных гармоник, которые накладываются друг на друга, в результате чего ярко выраженного доминирующего цикла выделить не удалось.

Аналогичное исследование было нами проведено и для данных по миру в целом, представленным на рисунке 1.2.1. Опуская комментарии по порядку их преобразования, которое было аналогичным, отметим, что нами получен аналогичный результат, отраженный на рисунке 1.2.4. При этом, средние долгосрочные темпы роста мировой экономики значительно (практически вдвое) превышают российский показатель: 1,87% против 0,97%. А спектр выделенных гармонических составляющих еще ближе к «белому шуму».

Приведенные исходные данные и результаты их обработки показывают, что имеются методические проблемы, связанные с идентификацией шоков в экономике, особенно в тех случаях, когда эти шоки носят неэкономический (экзогенный) характер.

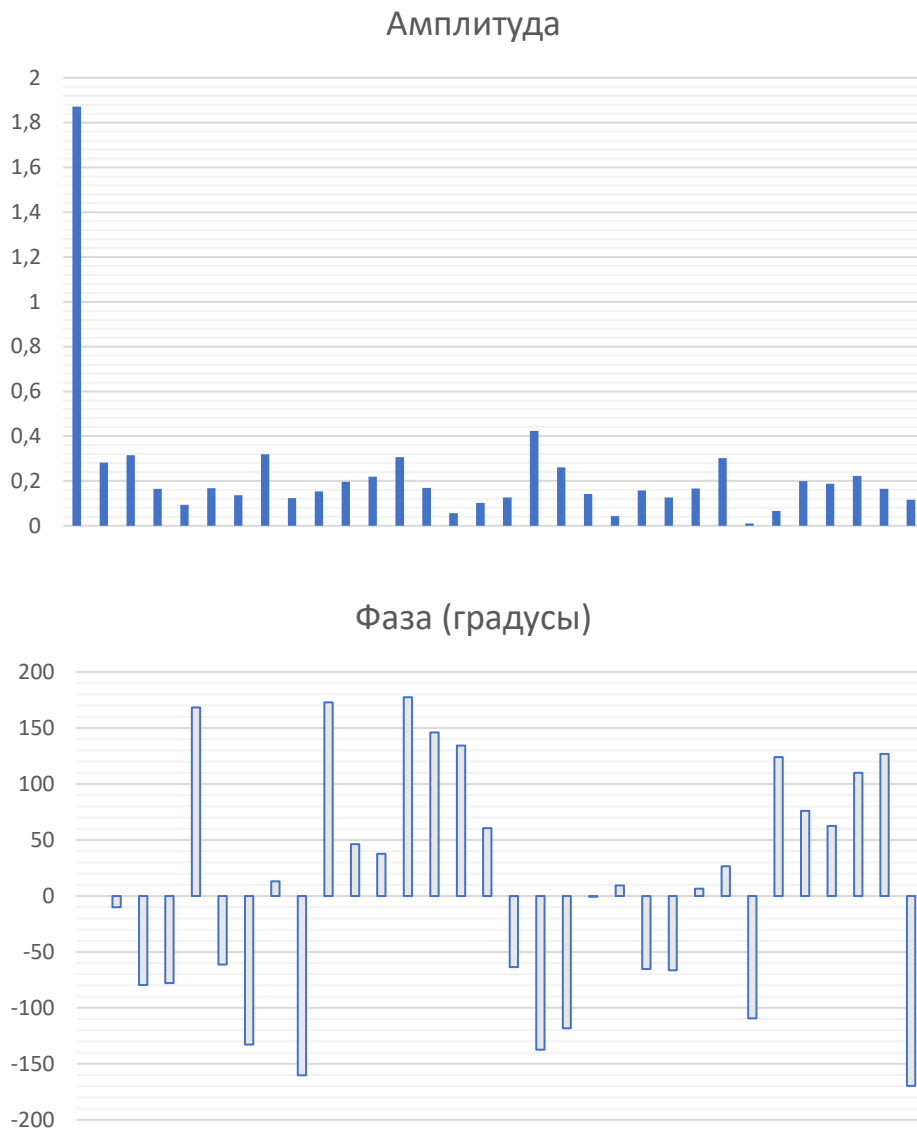
Источник: расчеты автора.

Рисунок 1.2.3 – Параметры разложения в ряд Фурье функции годовых темпов прироста ВВП в расчете на душу населения в России.

Одним из известных подходов¹⁶ к оцениванию шоков является подход, основанный на т.н. «парадигме Фриша – Слуцкого». Согласно этой парадигме, шоком для экономики является любое событие, которое может вывести экономику из состояния долгосрочного равновесия. По причине экзогенности

¹⁶ Зыченко И.А. Кризис детерминизма в теории экономических циклов // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 90. С. 899-908.

этого события, которое не вытекает из внутренних процессов в экономике, предсказывать такие шоки очень трудно и зачастую невозможно. В то же время, шок придает экономике импульс, возбуждающий в ней циклически повторяющиеся (колебательные) изменения. То есть, в рамках этой парадигмы разделяются собственно шоки и цикличность изменения показателей, характеризующих экономическую систему.

Источник: расчеты автора.

Рисунок 1.2.4 – Параметры разложения в ряд Фурье функции годовых темпов прироста ВВП в расчете на душу населения в целом в мире.

Примерами таких шоков могут служить стихийные бедствия – например, землетрясение в Турции в 2023 году, эпидемии и пандемии – например, COVID-19, торговые войны и торговые эмбарго – например, противостояние Китая и США и России со странами «коллективного Запада», обострившееся с 2014 года.

Такие события изначально выводят экономическую систему из равновесия, что в дальнейшем инициирует экономический цикл, который порождает изменения в экономике и в обществе, а ключевым фактором, импульсом для таких изменений являются шоковые события, которые зачастую невозможно предсказать. В итоге, можно обнаружить, что циклы являются результатом непредсказуемого, случайного процесса. Выявление закономерности в общем случае здесь не представляется возможным.

Точнее, закономерность может быть выделена, но лишь при апостериорном анализе. В этом смысле, методологически парадигма Фриша – Слуцкого является предтечей известной концепции «черных лебедей» Н.Н. Талеба¹⁷. В рамках этой концепции предполагается, что порой случаются редкие и непредсказуемые события, которые оказывают на дальнейшее развитие экономики и общества значительное влияние.

Такие события именуется «чёрными лебедями». «Чёрные лебеди» обладают тремя основными свойствами: (1) неожиданность (у таких события априорно ничтожно малая вероятность наступления); (2) существенность последствий; (3) «ретроспективная предсказуемость» (т.е. апостериори реализовавшемуся «чёрному лебедю» находится рациональное объяснение).

В силу значительного числа и разнообразия выделяемых в реальной экономической динамике гармонических (колебательных) составляющих, возникают сомнения в применимости в современных условиях «чистых», классических теорий цикличности. В этой связи, с позиций обеспечения

---

¹⁷ Талеб Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, 2011. 528 с.

стабильности и предсказуемости экономической динамики, достижения приемлемого уровня экономической безопасности, в контексте нашего исследования целесообразно отказаться от термина «экономический цикл», заменив его на термин «экономические колебания».

Выше они были рассмотрены и смоделированы на примере показателя темпов прироста ВВП на душу населения. Проводимые исследования показывают, что аналогичные колебания испытывают и иные макроэкономические показатели (национальный доход, валовой внутренний продукт, уровень безработицы, промышленный выпуск и др.). В частности, высокой колеблемостью – при рассмотрении длинных временных рядов – обладают основные показатели, позиционируемые в российской Стратегии экономической безопасности как индикаторы ее достижения (см. п. 27 Стратегии, где указаны такие показатели состояния экономической безопасности, как индекс физического объема ВВП; ВВП на душу населения, исчисленный по паритету покупательной способности; доля российского ВВП в мировом ВВП и т.д.).

Подчеркнем, что автор не намерен опровергать теорию цикличности развития рыночной экономики. Но в контексте нашего исследования, когда выбросы в макроэкономической динамике трактуются как шоковые изменения в национальной экономике и реализованные угрозы экономической безопасности, более корректно, по мнению автора, вести анализ не «цикличности», но «колебаний».

Также для изучения рассматриваемых явлений, по мнению автора, можно использовать методологию, разработанную в рамках теории длинных волн Н.Д. Кондратьева, на что мы указывали выше. Как известно, эта теория основывается на выделении долгосрочных фаз макроэкономической динамики длительностью 45-60 лет. Эти длинные волны связаны с технологическими изменениями в экономике. По мнению Н.Д. Кондратьева, колебания в процентных ставках, в спросе на деньги и в ценах на сырье

происходят постоянно, однако иногда они приобретают радикальный характер, что приводит к шоковому воздействию на экономику.

По мнению Н.Д. Кондратьева и его последователей, эти шоки присущи началу и концу цикла повышения длинной волны макроэкономической динамики. В современных условиях, применительно к российским реалиям, эта теория получила развитие в работах по теории технологических и мирохозяйственных укладов, разрабатываемой С.Ю. Глазьевым.

Оригинальной точки зрения на механизм влияния шоков на экономическую динамику придерживался академик РАН П.А. Минакир¹⁸. Согласно его концепции, шок является импульсом для кризиса, его триггером, при этом кризис не всегда может быть привязан к фазам экономических циклов, кризис может произойти даже в момент роста экономики в случае, если произойдет какой-либо серьезный шок для экономики. В качестве примера П.А. Минакир в своей статье¹⁹ рассматривает воздействие двух последовательных шоков на российскую экономику, наблюдавшихся в 2014 году:

- первый шок – нефтяной: с середины 2014 года, из-за переизбытка предложения на фоне слабого роста спроса, мировые цены на нефть достигли пятилетнего минимума и снизились при этом практически в 2 раза. Российская экономика, на тот момент сильно зависевшая от экспорта углеводородов, испытала из-за этого шок;

- второй шок – санкционный. В том же 2014 году вводятся первые пакеты «крымских» антироссийских санкций и принимаются ответные российские антисанкционные меры в формате продовольственного эмбарго. Эти события были связаны с зарождающимся политическим кризисом на Украине и распространением этого кризиса на зону жизненно важных российских экономических и политических интересов.

---

¹⁸ Минакир П.А. Шоки и институты: парадоксы российского кризиса // Пространственная экономика. 2016. № 1. С. 7-13.

¹⁹ Минакир П.А. Указ. соч.

Такой двойной шок привел к серьезному ослаблению курса рубля и оттоку капитала, падению производства, снижению реальных располагаемых доходов населения и т.д. Произошло существенное и одномоментное снижение уровня экономической безопасности страны. При этом, указанный автор отмечает, что последствием шоков явился «переход институционально-структурного кризиса российской экономики в форму классического циклического кризиса». Таким образом, П.А. Минакир в своей методологии исследования рассматривает шоки и как структурно-преобразующий, и как цикло-модифицирующий фактор для экономики.

Шоки вносят дисбаланс, дезорганизацию в экономическую систему. В этой связи, правомерно для их исследования использовать методы теории катастроф²⁰. На этой основе Я.М. Миркин для изучения шоковой экономической динамики рекомендует использовать методы «экономики катастроф»²¹. Высокая волатильность в «катастрофической» экономической системе, по его мнению, определяется частым наступлением экзогенных шоков, которые выражаются в техногенных катастрофах, природных бедствиях, глобальном потеплении. Также, к относительным «бедствиям» этот автор относит и рост инноваций, и технический прогресс, потому что эти события напрямую связаны с образованием «пузырей» на финансовых рынках.

Я.М. Миркин вводит такие понятия как «экономическая жертва» и «экономика страха», делает акценты на новом балансе между коллективизмом и индивидуализмом, переоценке моделей капитализма (рыночной экономики) в разных странах. «Экономика страха» по Миркину – это такое состояние экономики, в котором поведение экономических субъектов зачастую продиктовано опасениями из-за возможности развертывания системного

---

²⁰ Арнольд В. Теория катастроф. М.: Наука, 1990. 128 с.

²¹ Миркин Я.М. Трансформация экономической и финансовой структур мира: воздействие растущих шоков катастроф // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. № 4. С. 97-116.

кризиса под влиянием экзогенных шоков. В данной методологии мы усматриваем некоторые параллели с разработками Дж.М. Кейнса, который также значительное внимание уделял психологическим аспектам функционирования экономической системы²².

Значимость психологического фактора и недооценка влияния на реальную экономическую динамику шоков, определяемая как недостатками используемой методологии, так и неопределенностью человеческого поведения и восприятия, отмечается в работе специалистов Международного валютного фонда (МВФ) «Ошибки прогнозирования и шоки неопределенности»²³.

Эти специалисты отмечают, что недостаток оптимизма и высокая степень неопределенности может проявляться в экономике по причине шоков. И – напротив – действует и обратная зависимость: «Недавняя литература по проблеме неопределенности ... подчеркивает контрциклический характер совокупной макроэкономической неопределенности, проявляющийся в том, что шоки неопределенности оказывают большее влияние на макроэкономические переменные в периоды рецессий» (с. 212). Также отмечается наличие в прогнозах МВФ систематических ошибок (с. 215):

«Прогнозы МВФ в отношении роста глобального реального ВВП в следующем году в среднем слишком оптимистичны — примерно на 0,1 п.п. выше реальных показателей в 1995–2015 гг. и на 0,6 п.п. выше в 2011–2015 гг. Оптимистичные ошибки прогноза преобладают, особенно в последние годы, в результате чего 62% прогнозов по всем странам завышают темпы роста на следующий год в сравнении с реальными в 2011–2015 гг. Для стран «Группы двадцати» 80% прогнозов за последние годы слишком оптимистичны. Размер оптимистичных

---

²² Козлова М.А. Вклад Дж. М. Кейнса в анализ психологических мотивов экономического поведения // Вестник МГИМО. 2016. № 3 (48). С. 188-195.

²³ Чаттерджи П., Новак С. Ошибки прогнозирования и шоки неопределенности // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 2. С. 211-226.

ошибок колеблется от 1,9% для развитых стран и 2,8% для стран с формирующейся рыночной экономикой в 1995–2015 гг. до 1,5% для развитых стран и 2,1% для стран с низким доходом в 2011–2015 гг. Аналогичным образом прогнозы инфляции по большей части оптимистичны».

По нашему мнению, этот отмеченный систематический ошибочный оптимизм не может являться исключительно следствием проявления психологического фактора. Причина – в несовершенстве используемой методологии, которую не представляется возможным, по крайней мере пока (в том, что в распоряжении МВФ для этого есть необходимые интеллектуальные и иные ресурсы нет никаких сомнений), скорректировать. Причина того, что реальные макроэкономические показатели показывают худшую, в сравнении с прогнозами, динамику, состоит в воздействии на экономику шоков различной природы, предсказать которые не представляется возможным.

Так как шоки тесно связаны с циклическими (колебательными) процессами в экономике, для их изучения может использоваться инструментарий, разработанный в рамках теории реального делового цикла (Real Business-Cycle Theory, RBC Theory)²⁴. Эта теория основывается на трёх ключевых допущениях: цикл запускается вследствие существенных и внезапных изменений в доступной производственной технологии; безработица является ключевым индикатором цикла, она отражает изменения, которые претерпевает поведение людей, их готовность работать; монетарная политика неэффективна при регулировании, направленном на сглаживание RBC-колебаний. В RBC-теории делается вывод о том, что основным инструментом «выравнивания» экономической динамики и нейтрализации рисков и угроз национальной экономической безопасности являются

---

²⁴ Ребело С. Модели реальных деловых циклов: прошлое, настоящее и будущее // Вопросы экономики. 2010. № 10. С. 56-67.

институциональные меры, направленные на долгосрочные структурные преобразования экономики.

В силу сложности категории шока, ее противоречивости и многогранности, для исследования шоков может использоваться широкий спектр методов. При этом, наиболее предпочтительными, по нашему мнению, являются:

1. Анализ статистических данных. Этот подход заключается в анализе количественных статистических данных о социально-экономическом развитии. Данные могут быть использованы для определения тенденций и изменений в экономике, что может указывать на причины неэкономических шоков, а также позволяют выявить их вклад в обеспечение (или нарушение) экономической безопасности.

2. Экспертные оценки. Этот подход может быть использован для определения вероятных неэкономических шоков, их сценарного моделирования. Экспертами могут выступать не только специалисты-экономисты, но эксперты в иных областях, таких как политика, экология, здравоохранение, военное дело и др. Это определяется тем, что в рамках сугубо экономического анализа выявить предпосылки наступления неэкономического шока затруднительно.

3. Контент-анализ. В данном случае имеется в виду анализ новостей, данных средств массовой информации, различного рода отчетов и т.д. В силу неформализованности этих источников данных можно рекомендовать здесь использование методов работы с BigData, а также применение методов искусственного интеллекта. Во многом использование этого подхода связано с отмеченной нами психологической составляющей в возникновении и развитии шоков. Этот подход заключается в анализе новостных сообщений и отчетов СМИ для выявления событий, которые могут привести к неэкономическим шокам. В первую очередь, конечно, влияние оказывают не сами новости, а события, о которых они сообщают. К этим событиям также

можно отнести политические выступления, экологические проблемы, социальные потрясения и др.

4. Моделирование. Моделирование может использоваться для оценки последствий неэкономических шоков и сценариев их развития. Модели могут быть построены для анализа различных сценариев, таких как изменение климата, потеря рынков сбыта, изменение государственной политики, миграционные кризисы, вооруженные конфликты и пр.

В целом, оценка неэкономических шоков требует использования различных методических подходов, чтобы получить полную картину ситуации. В этой связи, соответствующая методология должна носить синтетический характер. Большинство учёных, концепции которых рассмотрены в этом параграфе, рассматривает экономические шоки как непредсказуемые события, влияние которых на экономику можно назвать «импульсным». При этом, каждый такой импульс может кардинально изменить цены на товары и услуги, ключевые ставки, эффективность инвестиций, серьёзно повлиять на соотношение импорта и экспорта, изменить его качественный состав и т.д.

В целом, идея, которая прослеживается у подавляющего большинства авторов, заключается в том, что шоки являются непредсказуемыми флуктуациями в экономике. Также, шоки зачастую могут рассматриваться как импульс для смены циклов в экономике, положительные шоки могут подтолкнуть экономику к выходу из кризисной ситуации, депрессии, в сторону роста. При этом, авторы в основном акцентируют внимание на том, что кризисы, которые порождаются негативными шоками, характеризуются своей короткой продолжительностью и не переходят в разряд системных, однако малое количество исследователей оценивает долгосрочные структурные последствия таких шоков, как, например, это сделано в рамках концепции «рубцового эффекта», которая будет нами рассмотрена в дальнейшем.

1.3 Ретроспективная оценка влияния неэкономических шоков на российскую экономику и на национальную экономическую безопасность

Ретроспективная оценка влияния неэкономических шоков на реальный сектор национальной экономики может быть выполнена с помощью анализа временных рядов экономических показателей, таких как ВВП, промышленное производство, занятость и т.д. Перечислим некоторые методы, которые могут быть использованы для этой цели:

1. Метод разностей в разностях (Difference-in-Differences). Этот метод позволяет оценить влияние неэкономических шоков на экономику, сравнивая изменения экономических показателей в регионах или отраслях, которые подверглись шоку, с изменениями в регионах или отраслях, которые не подверглись шоку. Например, можно сравнить изменения ВВП в регионах, пострадавших от наводнения или иного стихийного бедствия, с изменениями в регионах, не пострадавших от него. В случае системных шоков, таких как пандемия, этот метод неприменим, т.к. системные шоки охватывают национальную экономику в целом.

2. Метод анализа случаев (Case Study). Этот метод позволяет оценить влияние неэкономических шоков на экономику, изучая определенные конкретные случаи, когда шоковое событие произошло. Например, можно изучить влияние террористических актов на экономику города или региона, этот метод применим и для отдельных стран или даже групп стран²⁵.

---

²⁵ Dvoryadkina E.B., Guseynly K.M., Sobyenin A.A. Economic Security of the Region's Periphery in Conditions of Digitalization, Urbanization and COVID-19 // SHS Web of Conferences. 2021. Vol. 93. P. 05019.

Hallgren H., Ghiasy R. Security and economy on the Belt and Road: three country case studies // IPRI Insights on Peace and Security. 2017. № 4. 12 p.

Pop N., Dragoi A.E. Economic Security in the Black Sea Area: Case Study Romania // Global Economic Observer. 2018. Vol. 6 (2). P. 147-157.

Rodionov A.V., Andreeva G.B., Baidova N.V. Economic security provision models of national industrial development (case study of Russia, Post-Soviet countries and English-speaking

3. Метод анализа событий (Event Study). Этот метод позволяет оценить влияние неэкономических шоков на экономику, изучая изменения цен на акции или другие финансовые показатели, которые могут отражать влияние шока на рынок. Например, можно изучить изменения цен на акции компаний в отраслях, подвергшихся шоку²⁶.

4. Метод экспертных оценок (Expert Assessment). Этот метод позволяет оценить влияние неэкономических шоков на экономику, используя мнение экспертов в отраслях или регионах, которые подверглись шоку. Например, можно провести опрос экспертов по вопросам, связанным с влиянием наводнения на экономику. Следует отметить, что данный метод весьма распространен, что обусловлено тем важным обстоятельством, что для изучения шока и его влияния на национальную экономику и обеспечение экономической безопасности зачастую недостаточно исходных данных, особенно количественных. В этом случае приходится прибегать к использованию знаний (в том числе слабо формализованных) и опыта экспертов.

Ретроспективная оценка влияния неэкономических шоков на национальную экономику может быть выполнена с помощью различных методов анализа данных и экспертных оценок. Строго говоря, всякий раз при проведении подобного исследования конструируется индивидуальная методика анализа, базирующаяся на использовании приемов и инструментария различных методов. Результаты такой оценки могут быть использованы для разработки стратегий управления экономическими рисками в будущем, а также для корректировки проводимой политики обеспечения национальной экономической безопасности.

---

countries of G-20 // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2020. Том 13, № 11. С. 1793-1807.

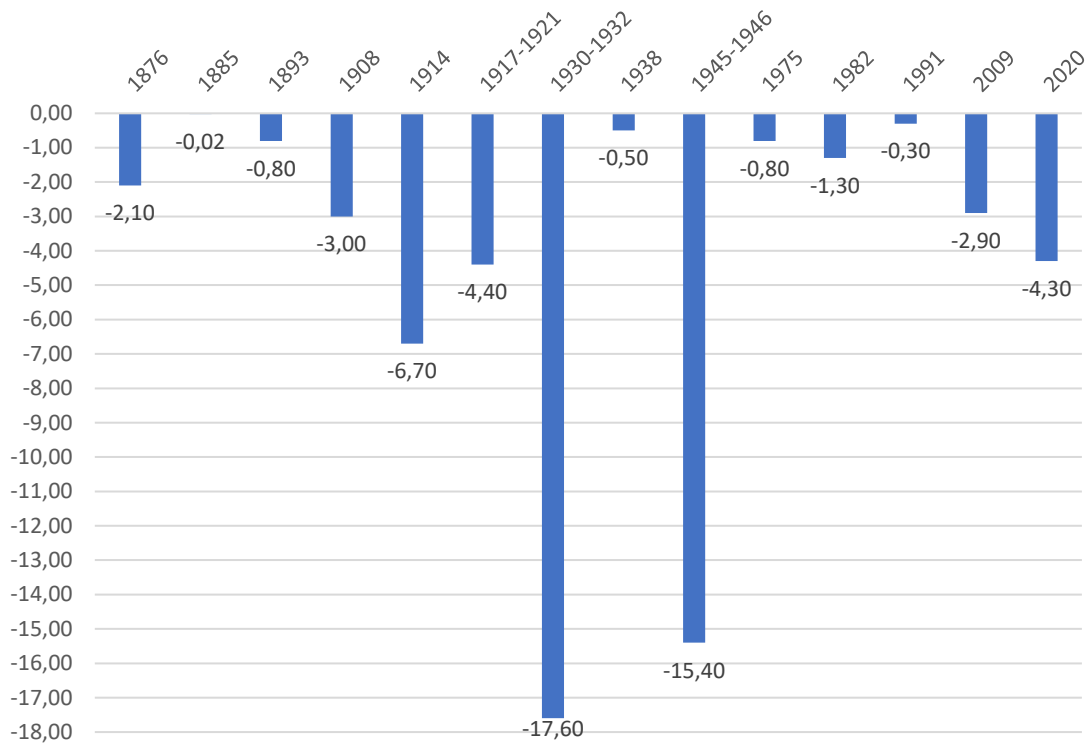
²⁶ Шривастава Х., Соломон П., Сингх С.П. Реагируют ли экзогенные шоки в макроэкономических переменных на изменение цен на акции? // Финансы: теория и практика. 2022. № 6. С. 104-114.

В последние годы российская экономика переживает ряд кризисов, обусловленных внешними (неэкономическими) причинами. Так, в 2020 году мир погрузился в самую глубокую, со времен Второй Мировой войны, рецессию на фоне пандемии Covid-19. Эта рецессия сопровождалась нарушением глобальных цепочек поставок, ослаблением курсов национальных валют, сложностями с регулированием экономики и т.д. Затронула эта рецессия и российскую экономику.

Следует отметить, что несмотря на беспрецедентный, как представлялось современникам, характер пандемического спада в экономике, он не является уникальным. На протяжении последних полутора столетий экономические спады были достаточно часто повторяющимися. Так, согласно данным Всемирного банка, с 1870 года мировая экономика пережила 14 глобальных рецессий, которые наблюдались в 1876, 1885, 1893, 1908, 1914, 1917-1921, 1930-1932, 1938, 1945-1946, 1975, 1982, 1991, 2009 и 2020 годах (см: <https://economictimes.indiatimes.com/news/international/business/global-economy-to-plunge-into-worst-recession-since-ww-ii-world-bank/article-show/76267007.cms>).

Соответствующие данные в графической форме приведены на рисунке 1.3.1. Как следует из этих данных, спад, вызванный пандемией Covid-19, не является драматичным на фоне Великой депрессии и экономических кризисов, вызванных I и II Мировыми войнами.

Заметим, что мы не приводим здесь данные за 2022 год, ознаменовавшийся беспрецедентными санкциями, введенными против России рядом недружественных стран, т.к. влияние этого шока не носит глобального характера, оно затронуло российскую экономику, а также экономики ряда стран, в той или иной мере вовлеченных в глобальное политическое противостояние с Россией. В целом же по миру в 2022 году наблюдался экономический рост, хотя в разных странах и группах стран темпы этого роста различались (таблица 1.3.1).

Составлено автором по данным Всемирного банка.

Рисунок 1.3.1 – История мировых кризисов: падение ВВП, %.

В 2022 году, из-за событий на Украине, произошло резкое изменение геополитической ситуации в мире, которое повлекло за собой очередной всплеск волатильности курса национальной валюты РФ и попытку тотальной изоляции России. По экономической безопасности страны был нанесен мощный удар извне.

Тем не менее, это не вызвало критического ослабления российской экономики, хотя и привело к ее структурной разбалансировке. Влияние геополитического противостояния 2022 года Россия – Запад на мировую экономику еще только предстоит оценить, так как многие запущенные этим шоком процессы носят долгосрочный характер, поэтому говорить о результатах их протекания, по мнению автора, пока что преждевременно,

неопределенность ситуации чересчур высока для того, чтобы можно было строить достоверные прогнозы.

Таблица 1.3.1 – Темпы роста ВВП некоторых стран мира в 2022 г., %

Мировой объем производства	3,5
Страны с развитой экономикой	2,6
в том числе	
США	2,1
Зона евро	3,3
в том числе	
Германия	1,8
Франция	2,5
Италия	3,7
Испания	5,8
Япония	1,0
Великобритания	4,1
Канада	3,4
Другие страны с развитой экономикой	2,6
Страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны	4,1
в том числе	
В Азии	4,5
в том числе	
Китай	3,0
Индия	7,2
В Европе	0,8
в том числе	
Россия	-2,1
В Латинской Америке и Карибском бассейне	4,1
в том числе	
Бразилия	2,9
Мексика	3,9
На Ближнем Востоке и в Центральной Азии	5,6
в том числе	
Саудовская Аравия	8,7
В Африке к югу от Сахары	4,0
в том числе	
Нигерия	3,3
Южная Африка	1,9

Источник: Международный валютный фонд²⁷.

²⁷ Перспективы развития мировой экономики: адаптация к расхождениям в мировой экономике / Международный валютный фонд. Вашингтон, 2023. 192 с.

Следует отметить, что и текущие структурные и объемные изменения в производстве (реальном секторе экономики) в России пока что не могут быть оценены однозначно. В одной стороны, текущее положение экономики России сильно отличается от тех идеальных представлений и моделей, к которым стремились власти в течение всего периода реформ после распада Советского Союза. С другой стороны, сегодня есть шанс на оздоровление российской экономики: нежизнеспособная (по мнению многих специалистов) модель, которая была основана на встраивании российской экономики в мировую на начальных звеньях технологических цепочек, тесном сотрудничестве с более развитыми странами в поставках «сырых» ресурсов, теперь и вовсе мертва. Это актуализирует вопросы перестройки имеющейся экономической модели.

По нашему мнению, вряд ли текущие события приведут к полному отказу от открытости в российской экономической политике, к опусканию «железного занавеса» и развитию по принципам автаркии с опорой на мобилизационную модель экономики, но внешнеэкономические связи сегодня кардинально меняются, это касается как их географии, так и товарной структуры, кроме того очередной импульс получили процессы импортозамещения и формирования технологического суверенитета. Эти процессы требуют теоретического осмысления, с позиций выстраивания новых подходов к реализации национальной экономической политики, адекватной современным реалиям и ориентированной на надежное обеспечение национальной экономической безопасности.

Можно обсуждать эффективность или неэффективность мер, которые принимались в период пандемии Covid-19, но одно можно сказать точно – события 2020-2021 годов позволили стабилизировать российскую экономику в 2022 г. гораздо легче, чем если бы пандемии не было. В пандемический период органы публичного управления и в России, и в мире прошли своеобразную «тренировку», получили компетенции быстрого реагирования на шоки неэкономической природы.

Коронавирусный шок был всесторонним: наблюдалось радикальное снижение предложения из-за фактического запрета на функционирование торговых центров, точек общественного питания, учреждений культуры и сервисных предприятий, также происходило изменение поведенческих привычек населения, возник негативный эффект разрыва логистических цепочек и др.

Если рассмотреть эти события более детально, можно найти сходства в кризисах 2020 и 2022 годов. Различий, конечно, гораздо больше, что не отменяет того факта, что в обоих случаях трансформировался спрос из-за неуверенности населения и бизнеса в завтрашнем дне (особенно в острых фазах кризиса), менялось предложение, причем в обоих случаях на него существенно влияли государственные органы. В 2020 директивные меры властей прямо запрещали организациям ряда секторов экономики функционировать, хотя власти и обещали взамен определенные меры по поддержке бизнеса, тогда как в 2022 году прямых запретов на ведение бизнеса в России никто не вводил, однако из-за непубличного политического давления властей недружественных стран с российского рынка ушли даже те иностранные компании, которые изначально заявляли, что точно на нём остаются.

Например, среди избравших такую линию поведения компаний можно назвать японскую Fast Retailing, владеющую брендом Uniqlo. Эта компания закрыла в 2022 году свои магазины в России, сославшись на проблемы с логистикой, однако продолжает реализовывать свою продукцию, включая новые коллекции одежды, через различные торговые площадки. Другой пример – бренд H&M, который «уходил» из России на протяжении полугода, при закрытии магазинов с помпой проводились «последние распродажи», но вскоре продукция этого бренда появилась на интернет-площадке Wildberries.

Характерен пример и с McDonald's, владельцы которого продали свой бизнес в стране местным предпринимателям полностью, от зданий со всем

необходимым оборудованием до фирменного мобильного приложения. Этот бизнес по сути своей сохранился и продолжает успешную работу в России под новым наименованием и с новыми владельцами. И таких примеров довольно много.

Изначально было ожидаемо, что ряд компаний, громко заявивших о своем уходе с российского рынка под влиянием давления со стороны своих правительств, уже вернулся в Россию в том или ином виде – наладив поставки в формате параллельного импорта или же передав управление бизнесом в руки местных партнёров. Формат этих организационных преобразований, по нашему мнению, не играет особой роли, важен тот факт, что международному бизнесу интересен и важен российский рынок, поэтому в ближайшее время можно ожидать очередных переименований очередных иностранных компаний на рынке России или же их скрытого возвращения. Так, например, после кратковременного «закрытия» в Россию вернулись Apple, Microsoft, Paulig, Valio и др.

Интересно, что даже при относительном укреплении курса рубля, после его резкого ослабления весной 2022 года, цены на импортные товары снижаются незначительно после периода взрывного роста в марте-мае 2022 года. Это обусловлено не только высокой неопределенностью ситуации, стремлением бизнеса застраховаться от колебаний курса национальной валюты, но и факторами более долгосрочными и фундаментальными: нарушением цепочек поставок, кардинальной перестройкой логистики, в результате которой доля стоимости доставки в цене товара значительно вырастает, т.е. растут транзакционные издержки, что отдаляет реальную экономику от идеальной рыночной модели.

Как известно, именно отсутствие транзакционных издержек делает теоретическую модель рынка совершенной конкуренции, которая на протяжении последних десятилетий, после распада СССР, идеализировалась многими теоретиками настолько, что делались попытки ее практического

воплощения, «совершенной». Рынок совершенной конкуренции – это аналог механического мира без трения, в последнем, как известно, возможен если не вечный двигатель, то, по крайней мере, вечное движение. Очевидна утопичность подобных теоретических моделей (что не умаляет потенциала их использования в чисто теоретических изысканиях).

«Рыночный фундаментализм» показал свою несостоятельность. Он не способен обеспечить устойчивость экономики в кризисных ситуациях, а также надежно гарантировать национальную экономическую безопасность. Следовательно, активизация государственного вмешательства в современных условиях становится не только ожидаемой, но и желательной, т.к. только таким путем можно преодолеть несовершенства складывающейся экономической модели, находящейся под постоянными шокowymi ударами.

И опять здесь следует обратиться к опыту пандемии. Пандемийный кризис был частично подавлен масштабными мерами государственной поддержки экономики и населения, поэтому сегодня необходимо понимать, какими возможностями обладает российская экономическая система, какой у неё запас прочности и возможности для поддержки и развития того бизнеса, который выдержал санкционный шок и продолжает функционировать.

Несмотря на все пессимистичные прогнозы, особенно те, что давались в 1-2 квартале 2022 года²⁸, российская экономика по итогам 2022 года показала хотя и серьёзное, но вовсе не катастрофичное падение. Так, согласно официальным данным Росстата (см.: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/22_20-02-2023.html), приведенным в таблице 1.3.2, за 2022 год ВВП России

---

²⁸ Заметим, что имеются научно доказанные аргументы, показывающие политическую ангажированность такого рода прогнозов, особенно подготовленных международными организациями, находящимися под контролем или сильным влиянием США и их геополитических союзников. Эти аргументы изложены, например, в статье директора ЦЭМИ РАН: Бахтизин А.Р. Вопросы прогнозирования в современных условиях // Экономическое возрождение России. 2023. № 2 (76). С. 53-62. То есть такого рода прогнозы не являются объективными, они используются как инструмент политико-экономического давления на Россию со стороны стран «коллективного Запада» с целью ослабления экономики нашей страны.

снизился всего на 2,1%, тогда как ряд экспертов, в том числе и внутри страны, не говоря уже о зарубежных, предрекал крах российской экономической системы и «откат в каменный век» с падением ВВП величину до 20%.

Таблица 1.3.2 – Динамика элементов использования ВВП РФ (в постоянных ценах, в % к предыдущему году)

Показатель	2022	2021
Валовой внутренний продукт	97,9	105,6
в том числе:		
расходы на конечное потребление	99,4	108,0
домашних хозяйств	98,2	110,0
государственного управления	102,8	102,9
некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства	95,8	106,8
валовое накопление	96,8	114,2
экспорт	н.д.	103,3
импорт	н.д.	119,1

Составлено автором по данным Росстата.

По-видимому, геополитическое противостояние не только России, но и группы дружественных нам стран со странами коллективного Запада в средне- и, возможно даже, в долгосрочной перспективе продолжится, что делает весьма вероятным сценарий «островного развития». Поэтому весьма вероятным нам видится сценарий, при котором глобализация сменится регионализацией. То есть, вместо тенденции к конвергенции и гармонизации

национальных экономических интересов мы увидим их дивергенцию, вплоть до перехода к фазе антагонистического противостояния и усиления «экономических войн».

Заметим, что ничего необычного в таком сценарии нет: в течение большей части XX века мирохозяйственное развитие происходило в формате противостояния двух систем – капиталистической и социалистической, при наличии значительного числа т.н. «неприсоединившихся» стран, которые, тем не менее, тяготели к одному из полюсов в мировой экономике: советскому или американскому.

Определённые сигналы о возможности такого развития были даже в пандемийном кризисе – вспомнить можно и «пиратство» США в отношении партий защитных масок, которые предназначались для Германии и Франции, но были «перехвачены» американскими компаниями (или властями?) в китайских терминалах отгрузки, и «вакцинную гонку», когда различные фармацевтические компании, при непосредственной поддержке правительств, старались первыми произвести действующую вакцину от коронавируса и заблокировать доступ на внутренний рынок своих стран вакцин иностранных производителей, не считаясь с показателями собственно медицинской эффективности различных вакцин.

Можно увидеть в этом заботу правительств о своих гражданах, но немаловажным аспектом является и финансовая составляющая – желание продать побольше доз вакцины, чтобы окупить вложенные в её разработку средства, в том числе с использованием силового давления государства на конкурентов.

То есть – налицо дивергенция национальных экономических интересов, даже в группе формально-дружественных стран, обозначаемых в отечественном дискурсе «коллективным Западом», в чем угадывается некое единство этого «коллектива». Но оно иллюзорно, действующим началом такого единства все чаще оказывается не стремление к взаимному выигрышу

в рамках «коллектива» в соответствии с постулатами теории Нэша, но наличие неэкономического принуждения одних партнеров со стороны других.

Мы полагаем, следуя известной концепции базиса и надстройки К. Маркса, что размывание экономического фундамента взаимодействия стран неизбежно приведет к распаду или, по крайней мере, ослаблению имеющихся альянсов. И одним из примеров, подтверждающих возможность такого развития событий, является «Брекзит»: выход Великобритании из состава Европейского Союза.

Характерным примером непосредственно для текущей ситуации является пример снарядного голода, который испытывает противостоящая России на полях сражений в специальной военной операции группировка украинских войск, действующая в коалиции с многочисленными формированиями «добровольцев» и наемников из стран НАТО.

Имеющиеся производственные мощности стран НАТО работают фактически на пределе производственных возможностей для удовлетворения потребностей воюющей группировки в артиллерийских снарядах, а развитие инфраструктуры (расширение производственных мощностей) займёт немало времени. При этом, наладить эффективную кооперацию в этом вопросе, несмотря на наличие политической решимости, не удастся: в рядах НАТО одним из самых больших препятствий на пути к увеличению производства снарядов является стремление некоторых государств-членов альянса самостоятельно закупать оружие и боеприпасы для собственных систем, а не сотрудничать с другими странами, даже несмотря на сложность военно-политической ситуации (см.: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-02-16/when-will-ukraine-war-end-ammo-shortage-risks-prolonged-conflict>).

Если говорить о позиционировании России в мировой экономике, то можно предположить, что в условиях наблюдаемой турбулентности прогнозировавшийся и планировавшийся энерго-переход, по-видимому,

задерживается. Это означает, что спрос на энергоресурсы если и не будет в краткосрочной перспективе расти, то, по крайней мере, не снизится.

Следовательно, несмотря на декларируемый акцент на высоко- и средне-технологическое импортозамещение в промышленной политике, поддержка отечественного топливно-энергетического комплекса (ТЭК) должна оставаться одним из приоритетов экономической политики. Несмотря на сложности с доступом на мировые рынки для российских нефти, нефтепродуктов и газа, обусловленные западными санкциями, ТЭК является важным сектором экономики России, обеспечивающим ее устойчивость и достижение необходимого уровня экономической безопасности²⁹.

До настоящего времени санкции не оказали существенного влияния на российский нефтяной экспорт, так, по данным ВР, «в 2021 Россия поставляла на экспорт 263.6 млн тонн сырой нефти (доля в глобальных поставках 12.8%), в 2022 году – 264.7 млн тонн (доля мирового экспортного рынка – 12.4%), а в 2023 – 240.8 млн тонн (доля – 11.3%)» (цит. по: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Экспорт_нефти_из_России). Такой крупный поставщик энергоресурсов, как Россия, даже в условиях санкционного противостояния, не сможет остаться в стороне от процессов глобального энергообеспечения, в том числе с учетом возможных изменений географической структуры экспорта.

Поддержка ТЭК в среднесрочной перспективе, в свете изложенного, гарантирует устойчивое развитие (благодаря системе межотраслевой

---

²⁹ Пешкова Г.Ю., Супатаев Т.М. Методическое сопровождение системы обеспечения экономической безопасности предприятия нефтегазовой отрасли // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 2 (134). С. 74-78.
Пичугин З.А., Салимьянова И.Г. Проблемы инновационного развития нефтегазовой отрасли в условиях современных вызовов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 1 (145). С. 72-76.
Погодина В.В., Редькина Т.М., Смирнов А.А. Вызовы экономической безопасности России в условиях проведения специальной военной операции // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2023. № 5 (143). С. 82-85.
Славецкая Н.С., Миэринь Л.А. Ценовой потолок как метод санкционного давления на российский нефтяной экспорт // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 5-2 (137). С. 21-27.

кооперации) или хотя бы относительную стабильность российской экономической системе в переходный период к новому состоянию. То есть, поддержка ТЭК должна являться одним из направлений реализации политики обеспечения национальной экономической безопасности.

Успешное развитие любой страны в XXI веке видится невозможным без инвестиций в сферу информационных технологий и активной цифровизации и цифровой трансформации. Не случайно одной из национальных целей Российской Федерации до 2030 года является цифровая трансформация (см. Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года").

Оценку качества и уровня этой цифровой трансформации предлагается производить с применением целевых показателей, приведенных в Приложении Б. Успешная и своевременная цифровая трансформация экономики в условиях новой технологической революции становится ключевым фактором ее защищенности от рисков и угроз, без ее проведения невозможно обеспечить национальную экономическую безопасность.

Вопрос цифровой трансформации становится особенно актуальным в свете эмиграции части ИТ-специалистов в 2022 году, после объявления в стране частичной мобилизации (см.: Указ Президента Российской Федерации от 21.09.2022 № 647 "Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации"). Всего, по разным оценкам отраслевых специалистов (см., например: <https://habr.com/ru/news/690616>), в 2022 году из Российской Федерации выехало за рубеж около 100 тыс. ИТ-специалистов. Точных количественных показателей по этому вопросу нет, официальная статистика не ведется. Тем не менее, ущерб для ИТ-отрасли от этой миграционной волны был существенным.

При этом, следует понимать, что информационные технологии – это не только и не столько программное обеспечение. Это, в том числе,

усовершенствование производственных процессов, ускорение расчётов, снижение зависимости качества производства от рабочей силы, внедрение искусственного интеллекта в процессы управления и пр. Такие изменения не происходят одномоментно, однако сейчас необходимо выбрать ориентиры и приоритеты для дальнейшего развития с учётом изменившихся условий. В этой связи, государственная поддержка и стимулирование развития (прежде всего – через целевой госзаказ) ИТ-отрасли должны явиться одним из приоритетов обеспечения национальной экономической безопасности.

Если говорить об отраслевых приоритетах, то наиболее перспективными для России точками приложения усилий, по нашему мнению, можно считать машиностроение, микроэлектронику, фармацевтическую отрасль, сельское хозяйство, химические производства в общем и нефтехимию, в частности. Очевидное отставание России от мировых лидеров в этих сферах должно быть сокращено в кратчайшие сроки. Например, доля химического комплекса в ВВП России составляет 1,1%, а к 2030 году планируется ее рост до 2,0%. В Китае же эта доля уже сейчас составляет 8,9%, в Японии – 8,2%, в Германии – 6,9%, в США – 6,1% (см: <https://rg.ru/2021/03/30/pochemu-strategicheski-vazhnye-dlia-strany-razrabotki-ostaiutsia-v-kolbe.html>).

Сельское хозяйство сегодня может стать не менее важной экспортной отраслью, чем ТЭК. Несмотря на то, что за период 2000-2020 гг. рост производства продукции сельского хозяйства составил 169,8% со среднегодовым темпом прироста 2,6% на фоне 179,1% роста ВВП при среднегодовом темпе прироста 2,8%, Россия всё еще может наращивать темпы роста в сельском хозяйстве.

Свободные посевные площади (в особенности на воссоединенных в 2022 г. исторически российских территориях с качественной плодородной почвой и достаточно благоприятными климатическими условиями) позволяют в краткие сроки нарастить валовые сборы продукции растениеводства, которую можно направить как на экспорт, так и на цели внутреннего

потребления. Внешние поставки российской продукции также можно диверсифицировать и расширить – сегодня во всем мире Россия известна как крупный экспортёр растительных масел и зерна, однако сохраняется потенциал производства на экспорт мяса, кондитерских изделий, а также продуктов переработки зерна, в частности муки.

Также стоит рассмотреть вопрос стимулирования внутреннего спроса на продовольствие. Сегодня потребление молочной, мясной продукции, фруктов, ягод и овощей в России уступает среднему потреблению развитых стран, а по ряду продуктов – ниже, чем рекомендованные медицинские нормы потребления. Безусловно, это – вызов продовольственной и экономической безопасности в целом. Это обусловлено более низкими доходами россиян и иными пищевыми привычками, в сравнении с жителями развитых стран. Эти изменения в дальнейшем повлияют и на демографическую ситуацию в стране, в частности, на продолжительность жизни, увеличение которой является одним из национальных приоритетов.

Как известно, рост производства и рыночного предложения обычно приводит к снижению цен на продукцию (даже доминирующая на мясном рынке России компания «Мираторг» удерживает цены на достаточно низком уровне), так что объемы потребления вышеозначенных категорий продуктов можно повысить, как показывают расчеты специалистов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, в среднем на 15%, при этом снизив объемы потребления картофеля, зерновых, сахара, растительного масла и хлеба. Высокая питательная ценность и относительная дешевизна этих продуктов обуславливает их высокие объемы потребления. Однако, это приводит к росту количества хронических заболеваний и снижению качества жизни населения.

Конечно, предлагаемые новые вектора развития реального сектора экономики невозможны без одновременных социальных изменений, в частности, необходимо изменение отношения к науке и образованию.

Необходимо, по нашему мнению, реализовать комплекс действий в этой сфере, среди первоочередных из них следует выделить модернизацию науки, в том числе через привлечение новых кадров, смену приоритетов. Без этого невозможна ни модернизация производства, о которой активно говорят ещё со времён «крымских» санкций, ни трансформация социума.

К сожалению, несмотря на понимание важности поддержки науки, как драйвера инновационного развития экономики, на наличие многочисленных разработок, доказывающих необходимость первоочередной поддержки науки, ее финансирование (см. табл. 1.3.3) сохраняется на невысоком уровне. Хотя в абсолютных показателях финансирование и растёт, в удельных показателях оно стагнирует, что, к сожалению, не позволяет рассчитывать на инновационные прорывы.

Несмотря на акцент в развитии на реальный сектор экономики, от которого зависит обеспечение и экономического суверенитета России, и устойчивость всей социально-экономической системы в период современной турбулентности, вызванной последовательными макрошоками, оказавшими воздействие на российскую экономику, значимость финансового сектора также не следует приуменьшать.

В 2022 году, с целью защиты национальной финансовой системы от шока, вызванного массированными западными санкциями, Центральный банк РФ активно манипулировал ключевой ставкой (см. рис. 1.3.2). Это, конечно же, сказалось на стоимости кредитов, привело к сложностям в финансировании и частных, и государственных (прежде всего – инфраструктурных и социальных) проектов. В 2023-2024 гг. неустойчивость уровня ключевой ставки сохранилась, она неуклонно повышается.

Следовательно, необходимо развитие инструментов долгосрочного финансирования. Крупные национально значимые инвестиционные проекты зачастую рассматриваются банками как высокорисковые из-за того, что их доходность не будет покрывать проценты по кредиту, а также из-за

значительного потенциала изменения профилей рисков вследствие долгосрочности такого рода проектов. Для таких проектов еще несколько лет назад можно было бы привлечь финансирование с применением, например, инфраструктурных облигаций, однако сегодня для таких инструментов будет сложно найти покупателей.

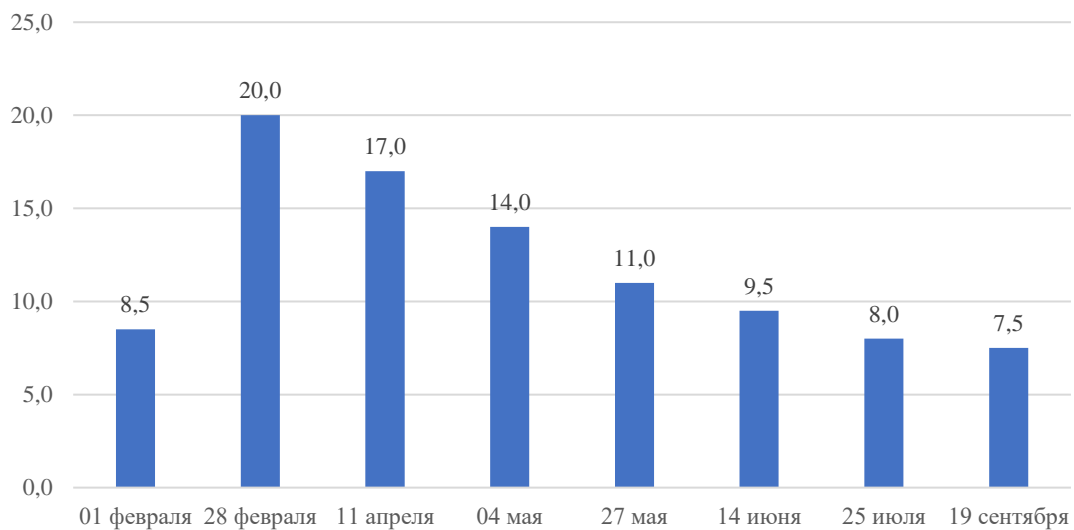
Таблица 1.3.3 – Финансирование науки в России из средств федерального бюджета

	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Расходы на гражданскую науку из средств федерального бюджета, млн. руб.	377882,2	420472,3	489158,4	549602,2	626574,3	631701,6
в том числе:						
на фундаментальные исследования	116977,6	149550,0	192495,0	203246,8	225152,7	247286,9
на прикладные исследования	260904,6	270922,3	296663,1	346355,4	401421,6	384414,8
в процентах:						
к расходам федерального бюджета	2,30	2,52	2,69	2,41	2,53	2,51
к валовому внутреннему продукту	0,41	0,40	0,44	0,51	0,48	0,41

Источник: данные Росстата, приведённые на его официальном сайте: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>.

Поэтому на первый план выходит деятельность институтов развития, таких как ВЭБ.РФ, Фонд развития промышленности и др. От их активности и результативности сегодня зависят не только инвестиционные перспективы

российской экономики, но и уровень обеспечения национальной экономической безопасности. Эти институты позволяют привлекать финансирование иными путями, создавать государственные (и аффилированные с государством) фонды, наполнение которых может быть осуществлено при помощи средств, которые ранее аккумулировались в международных резервах страны.

Составлено автором по данным Центрального Банка Российской Федерации.

Рисунок 1.3.2 – Изменения ключевой ставки ЦБ РФ в 2022 году, %

Например, это можно сделать в отношении федерального Фонда развития промышленности, флагманской программой которого являются «Проекты развития», направленные на импортозамещение и выпуск конкурентоспособной продукции (см. табл. 1.3.4). Финансирование таких проектов можно было бы осуществлять с применением инфраструктурных или концессионных облигаций, однако до сих пор отсутствует проработанная законодательная база, правоприменительная практика и льготы для всех заинтересованных сторон.

Таблица 1.3.4 – Характеристика проектов развития, финансируемых Фондом развития промышленности

Показатель	Значение
Сумма займа, млн рублей	от 100 до 1 000
Срок займа, лет	до 5
Процентная ставка, годовых	1% в первые три года при наличии банковской гарантии и 3% при других видах обеспечения; ставка в 1% на весь срок доступна при покупке российского оборудования или отечественного программного обеспечения на сумму более 50% от суммы займа

Составлено автором по данным Фонда развития промышленности.

Макрошок 2022 года и вызванный им кризис в России можно считать системным продолжением кризиса 2020 г., потому что реального восстановления экономики после пандемии и перед очередным витком санкционного противостояния не произошло. По прошествии некоторого времени после начала специальной военной операции можно строить осторожные прогнозы о дальнейшей траектории развития российской экономики. Беспрецедентное количество санкций против России не привело к ожидаемому авторами этих санкций эффекту, снижение ВВП оказалось серьёзным, однако, не превышающим снижения 2020 г. (2,1% против 2,7% в пандемийный год).

Для того, чтобы нивелировать последствия кризиса и ещё прочнее стабилизировать экономику, предлагается ряд мер поддержки реального сектора экономики. Эти меры позволят не только исправить текущее положение, но и подготовиться к следующим кризисам, которых не избежать,

потому что механизмов предупреждения неэкономических шоков пока что не разработано.

Так, нами предлагаются к созданию стабилизационные инвестиционные фонды, средства которых могут пойти на низкодоходные и долгие в реализации социальные и инфраструктурные проекты. Особого внимания заслуживает поддержка производственных проектов, прежде всего ориентированных на импортозамещение и обеспечение технологического суверенитета России.

В целом, имеющиеся данные показывают, что Правительство России научилось преодолевать последствия кризисов, однако обеспечение макроэкономической стабильности ценой качества жизни населения и отсутствие реального экономического роста, отсутствие выверенной траектории развития экономики является на долгосрочном периоде куда большей проблемой, чем один конкретно взятый кризис. На этом фоне, к сожалению, формируется кризис доверия к государству, частный бизнес неактивно инвестирует в страну, в которой зарабатывает деньги. Эта ситуация требует исправления.

Бизнес не готов брать на себя риск в кризисной ситуации, которая определяется факторами макро- или даже международного уровня, на которые бизнес повлиять не может. Между тем, в последнее десятилетие кризис – перманентное явление. Несправедливость в распределении ресурсов и вывод средств за границу людьми, которые ближе всех находятся к этим ресурсам, не позволят выбраться из кризиса никогда. Только здоровая конкуренция и корректировка законодательства, направленная на защиту частного предпринимательства, поможет в этом. И для решения этих задач (по крайней мере, на текущей исторической стадии экономического развития России) необходимо усиление вмешательства государства в экономические процессы.

То есть, по нашему мнению, в теоретическом противостоянии кейнсианства и неоклассической школы в современной ситуации следует

отдавать предпочтение кейнсианским подходам, что на практике, применительно к экономике смешанного типа, модель которой выстроена в России, означает усиление планового начала в экономическом регулировании, некоторое ослабление рыночных регуляторов. Лишь на такой методологической и теоретической основе, по мнению автора, удастся не только купировать кризисные проявления текущих макрошоков, но и создать задел для обеспечения экономической безопасности России на перспективу.

2 Методический инструментарий исследования воздействия неэкономических шоков на национальную экономическую безопасность

2.1 Методика оценки структурных изменений в национальной экономике как реакции на неэкономический шок и индикатора экономической безопасности

Как было раскрыто в первой главе диссертации, шоки, воздействующие на экономическую систему, позиционируются как реализованные угрозы экономической безопасности. Шоки характеризуются достаточно существенным и быстрым изменением значимых переменных, характеризующих условия ведения экономической деятельности. Из-за того, что реальная экономическая система к этим изменениям не готова, в ней возникают диспропорции, следствием чего выступают негативные изменения в показателях и параметрах, характеризующих экономическую безопасность.

Заметим, что перечень возможных показателей, характеризующих национальную экономическую безопасность, довольно обширен. Например, в п. 27 «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» перечислено 40 показателей состояния экономической безопасности, характеризующих экономику на макроуровне; негативные изменения этих показателей расцениваются как признак нарушения экономической безопасности Российской Федерации. Заметим, что приведенный в Стратегии перечень показателей не является единственно возможным. В литературе используются и другие аналогичные перечни³⁰.

---

³⁰ Калина А.В., Савельева И.П. Формирование пороговых значений индикативных показателей экономической безопасности России и ее регионов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2014. Т. 8, № 4. С. 15-24.

Караваева И.В., Иванов Е.А., Лев М.Ю. Паспортизация и оценка показателей состояния экономической безопасности России // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10, № 8. С. 2179-2198.

При этом заметим, что типичной является ситуация, при которой в такого рода перечни включаются показатели, оказывающие друг на друга существенное влияние. Для придания конкретности нашим рассуждениям, приведем в качестве примеров показатели, упомянутые в Стратегии, указывая в скобках номер соответствующего показателя в ее п. 27:

- в этом перечне, в частности, указаны: «индекс физического объема валового внутреннего продукта» (1), «валовой внутренний продукт на душу населения (по паритету покупательной способности)» (2), доля российского валового внутреннего продукта в мировом валовом внутреннем продукте (3). Очевидно, что эти три показателя линейно зависимы, для их расчета по несложным арифметическим формулам используется численное значение ВВП, поэтому учет их всех недостаточно информативен, т.к., по существу, при таком подходе информация дублируется. В то же время, рассмотрение этих показателей в общем контексте Стратегии и в практике обеспечения экономической безопасности РФ оправдано, т.к. при решении конкретных задач анализа и управления уровнем национальной экономической безопасности более подходящим может оказаться тот или иной конкретный показатель из трех вышеупомянутых;

- также в рассматриваемом перечне, в частности, указаны: «индекс денежной массы (денежные агрегаты М2)» (8) и «уровень инфляции» (9). Если принять гипотезу о преимущественно монетарном характере инфляции, а она лежит в основе реализуемой ЦБ РФ монетарной политики, то очевидно, что эти два показателя взаимосвязаны. Другой пример – это наличие в перечне показателей следующих: «доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг» (17) и «доля высокотехнологичной и наукоемкой продукции в валовом внутреннем продукте» (18). Инновационные товары, как правило являются

высокотехнологичными и/или наукоемкими, поэтому и здесь мы наблюдаем некоторое дублирование информации. Но оно является неполным, т.к., строго говоря, во-первых, гипотеза о монетарном характере инфляции является лишь гипотезой, во-вторых, инновационность и высокотехнологичность (наукоемкость) – не синонимические понятия.

Полностью избежать описанных (можно привести и многочисленные иные примеры – в данном случае автор не ставит перед собой целью выявить все подобные несоответствия и спорные моменты) примеров информационного дублирования, по нашему мнению, невозможно, т.к. национальная экономика является сложной системой, со значительным числом внутренних связей, не всегда четко специфицированных, кроме того, эти связи не всегда строго детерминированы, они могут носить стохастический характер.

Оценка об уровне национальной экономической безопасности делается на основе наблюдаемых значений показателей и их параметров, поэтому некоторая информационная избыточность служит для того, чтобы своевременно (и – желательно – с упреждением) и более полно оценить возможные нарушения достигнутого уровня экономической безопасности. В то же время, наблюдаемые показатели являются производными от внутреннего состояния экономической системы, ее структуры.

Заметим, что имеется множество трактовок категории «структура» применительно к экономике. В качестве рабочего определения, достаточно адекватно оценивающего существо этой категории, можно принять следующее³¹: «Структура экономики – это соотношение различных элементов экономической системы, которое характеризует пропорции народного хозяйства и состояние общественного разделения труда. Количественно характеристику структуры можно определить как долю отдельных

---

³¹ Смирнова Е.А., Коновалов А.В., Зиневич Т.Ю., Гайсина К.Ф. Структура экономики РФ // Экономика и социум. 2015. № 2-4 (15). С. 458-462.

структурных элементов в составе всей структуры». При этом, «структура экономики имеет важное значение для обеспечения сбалансированного развития национального производства, эффективного и устойчивого его развития, удовлетворения потребностей общества в кратко- и долгосрочном периодах», т.е. структура экономики тесно связана с уровнем экономической безопасности.

Следовательно, оценка структурных изменений в национальной экономике, в частности происходящих вследствие неэкономического шока, может правомерно рассматриваться как способ оценивания экономической безопасности. В литературе описано значительное число подходов к оценке структуры экономической системы, соответствующий методический аппарат довольно хорошо проработан³². В то же время, применительно к обеспечению национальной экономической безопасности, с учетом специфики влияния на ее обеспечение неэкономических шоков, эти методы, по мнению автора, пока еще применяются недостаточно активно.

Во многом, по нашему мнению, это связано с тем, что показателей, оценивающих структурные сдвиги в экономике, довольно много, а результаты их использования не всегда можно представить достаточно наглядно. Большинство показателей, характеризующих структурные изменения в

---

³² Атаев Д.М. Оценка структурных сдвигов в экономике промышленного сектора региона // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. № 3. С. 409-417.
Вертакова Ю.В., Положенцева Ю.С., Корхов А.В. Оценка структурных трансформаций региональных промышленных комплексов // Экономика и управление. 2020. № 8. С. 816-822.

Казинец Л.С. Темпы роста и структурные сдвиги в экономике (показатели планирования и анализа). М.: Экономика, 1981. 184 с.

Перстенёва Н.П. Критерии классификации показателей структурных различий и сдвигов // Фундаментальные исследования. 2012. № 3 (часть 2). С. 478-482.

Спасская О.В. Макроэкономические методы исследования и измерения структурных изменений // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2003. № 1. С. 20-39.

Трифонов Ю.В., Веселова Н.В. Методологические подходы к анализу структуры экономики на региональном уровне // Вопросы статистики. 2015. № 2. С. 37-49.

Юдина М.А. Структурные сдвиги и их влияние на развитие Российской экономики // Проблемы современной экономики. 2013. № 3 (47). С. 132-136.

экономике, являются безразмерными нормированными величинами, не имеющими очевидного «физического» смысла, кроме того, их изменения, как правило, незначительны по модулю, что создает у исследователя (или лица, принимающего решение) впечатление незначительности структурных изменений.

В качестве подтверждающего этот тезис примера на рисунке 2.1.1 приведена заимствованная нами из работы Лякина А.Н. (с. 41) таблица с численными значениями коэффициентов структурных сдвигов в российской экономике. Хотя эти данные относятся к первому десятилетию текущего столетия, на динамику абсолютных значений коэффициентов это не оказывает существенного влияния. Из этого рисунка хорошо видно, что эти абсолютные значения довольно малы.

**Динамика коэффициентов, характеризующих структурные сдвиги
в российской экономике по видам экономической деятельности с 2003 по 2011 г.
(по 15 секторам и в детализированной разработке по 62 видам экономической деятельности)**

Коэффициенты \ Годы	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
$K^{\Gamma(15)}$	0,0315	0,0301	0,0287	0,0373	0,0398	0,0374	0,0386	0,024	0,0141
$K^{\Gamma(62)}$	—	0,0027	0,0014	0,0027	0,0032	0,0012	0,0031	0,0009	0,0005
$K^K(15)$	0,0031	0,0025	0,0027	0,0031	0,0036	0,003	0,0034	0,0022	0,0013
$K^K(62)$	—	0,0011	0,0008	0,0009	0,0012	0,0009	0,0014	0,0007	0,0005
$K^P(15)$	0,0222	0,0213	0,0203	0,0264	0,0281	0,0264	0,0273	0,017	0,010
$K^P(62)$	—	0,0369	0,0261	0,0369	0,0401	0,028	0,0394	0,0214	0,0161

Источник: расчеты Лякина А.Н.³³

**Рисунок 2.1.1 – Пример динамики коэффициентов, характеризующих
структурные сдвиги в экономике России.**

³³ Лякин А.Н. Структурные сдвиги в российской экономике и промышленная политика // Вестник СПбГУ. Серия 5. 2013. Вып. 1. С. 39-52.

На рисунке 2.1.2 приведена аналогичная таблица, характеризующая структурные изменения в российской экономике последних лет, приводимая в статье Плотникова В.А. (с. 21). По ней можно сделать аналогичные выводы. При этом отметим, что этот автор указывает, что коэффициенты структурных изменений в экономике страны можно использовать для оценки уровня национальной экономической безопасности, но эта идея не получает развития: конкретной методики, как именно следует выполнять эту оценку, не приводится.

Кэф- фициент	2011/ 2012	2012/ 2013	2013/ 2014	2014/ 2015	2015/ 2016	2016/ 2017	2017/ 2018	2018/ 2019	2019/ 2020	2020/ 2021	2021/ 2022
$k_{лг}$	0,180	0,250	0,141	0,308	0,223	0,214	0,350	0,160	0,500	0,434	0,184
$k_{кг}$	0,077	0,116	0,042	0,175	0,166	0,141	0,410	0,055	0,732	0,736	0,084
$k_{сг}$	0,033	0,039	0,022	0,044	0,037	0,023	0,038	0,027	0,069	0,060	0,027
$k_{тг}$	0,029	0,036	0,022	0,045	0,044	0,041	0,069	0,025	0,093	0,093	0,031

Источник: расчеты Плотникова В.А.³⁴

Рисунок 2.1.2 – Пример динамики коэффициентов, характеризующих структурные сдвиги в экономике России.

С позиций наглядности и адекватности отражения происходящих в экономике структурных сдвигов более предпочтительным нам представляется использование векторного подхода³⁵. Ее суть заключается в том, что структурные изменения экономики моделируются как изменение угла

³⁴ Плотников В.А. Структурные трансформации российской экономики под воздействием шоков и национальная экономическая безопасность // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2023. № 1. С. 15–25.

³⁵ Вертакова Ю.В., Козьева И.А., Пиняева А.Е. Оценка и прогнозирование структурно-динамических сдвигов в региональном экономическом пространстве за счет кластеризации // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. Т. 10, № 1. С. 73–79.

Спаская О.В. Макроэкономические методы исследования и измерения структурных изменений // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2003. № 1. С. 20–39.

поворота на плоскости описывающего ее вектора. В основе этих расчетов лежат следующие математические соотношения:

$$\alpha_t = \arccos\left(\frac{\sum_{i=1}^n (d_{i,t} \times d_{i,t-1})}{\sqrt{(\sum_{i=1}^n d_{i,t}^2) \times (\sum_{i=1}^n d_{i,t-1}^2)}}\right), \quad (2.1.1)$$

$$Y_t = \sqrt{\sum_{i=1}^n (d_{i,t} - d_{i,t-1})^2}, \quad (2.1.2)$$

где α_t – угол поворота вектора, описывающего структурные преобразования экономики в период t ;

Y_t – длина вектора, описывающего структурные преобразования экономики в период t ;

$d_{i,t}, d_{i,t-1}$ – доля i -го структурного элемента экономики в период t и период $(t-1)$, соответственно. При этом, действует очевидное правило нормировки для любого рассматриваемого периода:

$$\sum_{i=1}^n d_{i,t} = 1, \forall t; \quad (2.1.3)$$

n – количество структурных элементов экономики, рассматриваемых в рамках проводимых расчетов

В качестве элементов структуры экономики будем рассматривать виды экономической деятельности, в разрезе которых ведется официальное статистическое наблюдение динамики валового внутреннего продукта и валовой добавленной стоимости (ВДС), сведения о результатах которого приведены на сайте Росстата (см.: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>).

Отметим, что с 2011 года сведения о ВДС публикуются в разрезе ОКВЭД2. В настоящее время на сайте Росстата доступны данные за период 2011-2023 гг., применительно к этому периоду и будут проведены дальнейшие расчеты. В укрупненной классификации статистическое наблюдение ведется по 20-ти видам экономической деятельности (т.е. в вышеприведенных формулах (2.1.1) – (2.1.3) следует принять, что $n = 20$), полный перечень которых представлен в таблице 2.1.1. В Приложении В приведены исходные данные для проведения расчетов.

Таблица 2.1.1 – Отраслевая структура национальной экономики по ОКВЭД2

Код	Отрасль
Раздел А	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство
Раздел В	Добыча полезных ископаемых
Раздел С	Обрабатывающие производства
Раздел D	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха
Раздел E	Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений
Раздел F	Строительство
Раздел G	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов
Раздел H	Транспортировка и хранение
Раздел I	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания
Раздел J	Деятельность в области информации и связи
Раздел K	Деятельность финансовая и страховая
Раздел L	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом
Раздел M	Деятельность профессиональная, научная и техническая
Раздел N	Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги
Раздел O	Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение
Раздел P	Образование
Раздел Q	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг
Раздел R	Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений
Раздел S	Предоставление прочих видов услуг
Раздел T	Деятельность домашних хозяйств как работодателей; недифференцированная деятельность частных домашних хозяйств по производству товаров и оказанию услуг для собственного потребления

Расчеты были выполнены с использованием стандартного редактора таблиц MS Excel, их результаты представлены в таблице 2.1.2, в которой, для сравнения, также приведены значения индексов физического объема валовой добавленной стоимости по отраслям экономики, исчисленной в процентах к предыдущему году, за тот же период (источник данных – тот же).

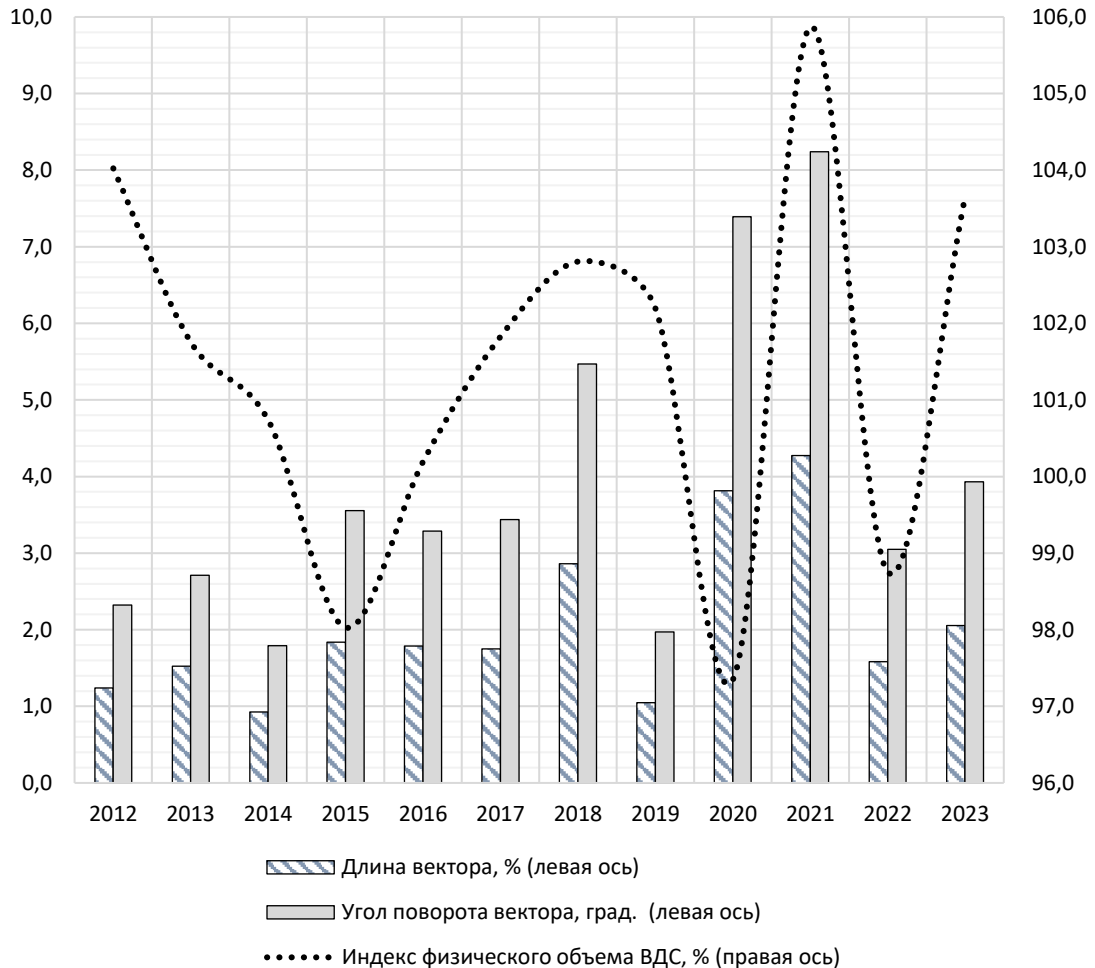
Таблица 2.1.2 – Результаты моделирования структурных изменений в российской экономике (расчеты автора)

Год	Длина вектора структурного сдвига, %	Угол поворота вектора структурного сдвига, градусов	Индекс физического объема ВДС, %
2011	-	-	-
2012	1,2	2,3	104,0
2013	1,5	2,7	101,8
2014	0,9	1,8	100,7
2015	1,8	3,6	98,0
2016	1,8	3,3	100,2
2017	1,7	3,4	101,8
2018	2,9	5,5	102,8
2019	1,0	2,0	102,2
2020	3,8	7,4	97,3
2021	4,3	8,2	105,9
2022	1,6	3,0	98,8
2023	2,1	3,9	103,6

На рисунке 2.1.3 приведены результаты моделирования в графическом виде, которые позволяют наглядно продемонстрировать наличие зависимостей между рассчитанными показателями и макроэкономической динамикой в целом, которая отражает состояние национальной экономической безопасности.

В частности, судя по величине индекса роста ВВП (ВДС), состояние национальной экономической безопасности нарушалось в 2015 г. (неэкономический шок, обусловленный «крымскими» санкциями), 2020 г. (неэкономический шок, обусловленный пандемией Covid-19), 2022 г. (неэкономический шок, обусловленный антироссийскими санкциями,

связанными с началом специальной военной операции). При этом, шок-2015 сопровождался интенсивными структурными сдвигами, подобное явление наблюдаюь и в условиях шока-2020.

Источник: авторские расчеты.

Рисунок 2.1.3 – Графическое представление результатов моделирования.

Из этого можно сделать первый вывод: *реализованные угрозы национальной экономической безопасности, вызванные неэкономическим шоком, сопровождаются структурными отраслевыми сдвигами в национальной экономике.* Аномальное, с позиций этого вывода, явление наблюдалось в условиях шока-2022. Дадим по этому вопросу пояснения.

Действительно, если обратиться к рисунку 2.1.3, то на нем заметно, что шоковые процессы, вызванные антироссийскими санкциями, активно вводившимися «коллективным Западом» в 2022 году, после начала Российской Федерацией специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины, не сопровождались столь же активными, как это наблюдалось ранее, структурными сдвигами. Но здесь следует обратить внимание на предысторию этих событий:

- накануне шока-2015 и шока-2020 структурные изменения в российской экономике были несущественными, даже – напротив – они замедлялись. Это четко прослеживается по обоим параметрам, избранным нами для моделирования структурных сдвигов – α_t и Y_t ;

- накануне шока-2022 происходили самые активные, за весь период наблюдений, структурные сдвиги в экономике. Значения характеризующих их параметров достигли: $\alpha_t = 8,2^0$ и $Y_t = 4,3\%$. То есть, экономическая система «структурно подготовилась» к наступившему шоку, в силу этого в ходе его воздействия активной структурной перестройки не потребовалось, т.к. эта перестройка произошла заблаговременно.

Справедливость наших рассуждений подтверждается и тем, насколько сильным был «удар» по национальной экономической безопасности (при оценке ее уровня при помощи индекса физического объема ВВП /ВДС) в структурно неподготовленной экономике от шока-2020: падение ВВП составило 2,7%. При этом, в структурно подготовленной экономике значительно более жесткий санкционный шок 2022 года вызвал падение ВВП лишь на 1,2%, против падения на 2,0% от аналогичного по экономическому содержанию, но гораздо более мягкого санкционного шока 2015 года.

Из представленных рассуждений можно сделать второй вывод: *способность национальной экономики противостоять угрозам национальной экономической безопасности, вызванным неэкономическим шоком, связана с уровнем структурной готовности к ним экономической системы. Эта*

структурная готовность определяется тем, что в экономике заблаговременно, в дошоковый период произошли структурные изменения, которые повысили ее сопротивляемость к наступившему шоку.

Кстати, в свете выявленных закономерностей новое смысловое наполнение получает тезис, распространившийся в общественно-политическом дискурсе последних лет, о том, что в период пандемии экономика и органы власти получили своеобразную «тренировку», накопили опыт действий в кризисной ситуации (см., например: <https://www.rbc.ru/economics/04/01/2023/63a02e769a79471e00e74746>). Поэтому санкционный шок был преодолен сравнительно более легко, нежели ожидалось. Не сбрасывая со счетов результаты подобной «тренировки», мы, тем не менее, на основе количественного анализа показали, что причиной этой резистентности национальной экономики к шоку-2022 могла стать ее заблаговременная структурная перестройка.

Таким образом, проведенная нами оценка структурных изменений в национальной экономике, как реакции на неэкономический шок и индикатора экономической безопасности, показала, что результативным инструментом повышения резистентности (сопротивляемости) национальной экономики к неэкономическим шокам и обеспечения, на этой основе, защиты от обусловленных шоком угроз экономической безопасности является структурная политика. Динамичные и целесообразные структурные изменения экономики повышают ее «запас прочности» и способствуют нейтрализации рисков и угроз экономической безопасности.

При этом, первостепенное внимание следует уделять, по нашему мнению, структурной перестройке реального сектора экономики. Реальный сектор национальной экономики – это сектор, в котором производятся материальные блага и услуги, непосредственно связанные с материальным производством. Мы солидарны с мнением члена-корреспондента РАН С.Д. Бодрунова, что именно материальное производство (т.е. реальный сектор

экономики), несмотря на декларируемый переход к постиндустриальной экономике и постиндустриальному обществу, играет определяющую роль с позиций устойчивости развития³⁶, т.е. с позиций обеспечения национальной экономической безопасности.

Демаркация границ реального сектора национальной экономики происходит по принципу производства материальных благ и услуг. Так, например, сектор образования или здравоохранения не относится к реальному сектору экономики, так как они производят нематериальные блага и услуги. Однако, границы реального сектора экономики могут быть нечеткими, так как некоторые отрасли могут производить как материальные, так и нематериальные товары и услуги.

Например, промышленность может производить как материальные товары, так и услуги по ремонту и обслуживанию оборудования. Также, сектор услуг может производить материальные блага, такие как приготовленные продукты питания, которые подаются в кафе и ресторанах. Реальный сектор национальной экономики включает в себя несколько секторов, таких как:

1. Сельское хозяйство – производство сельскохозяйственных культур, животноводство, рыболовство и лесное хозяйство.
2. Промышленность – производство промышленных товаров, таких как машины, оборудование, электроника, текстиль, пищевые продукты и т.д.
3. Строительство – строительство зданий, дорог, мостов, тоннелей и других объектов инфраструктуры.
4. Транспорт и связь – транспортные услуги, телекоммуникации, почтовые услуги и т.д.

---

³⁶ Бодрунов С.Д. Ноономика: монография. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.

2.2 Ретроспективный анализ воздействия неэкономических шоков на динамику макроэкономических показателей, как индикаторов уровня национальной экономической безопасности

Приведенные в предыдущем параграфе диссертации данные позволяют утверждать, что первичная структурная перестройка российской экономики, благодаря как энергичным действиям властей, так действию рыночного саморегулирования (предпринимательской инициативе), в целом произошла, угрозы стабильности ее развития и функционирования преодолены, экономическая безопасность страны в целом после последнего неэкономического шока 2022 года восстановлена.

Наступает период постсанкционного экономического роста, не лишенный проблем, но, тем не менее, не вызывающий критических опасений относительно его наличия. Например, согласно майского (2024 г.) доклада Организации экономического сотрудничества и развития, прирост ВВП России в 2024 г. составит 2,6%, а в 2025 г. он замедлится до 1,0%, но всё же продолжится (см.: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2024/05/02/1035032-oesr-povisila-prognoz-po-rostu-vvp>). По апрельским (2024 г.) оценкам Минэкономразвития России, прогноз прироста ВВП России в 2024 году аналогичен – 2,8% (см.: <https://www.interfax.ru/business/957336>).

В России в целом отлажены механизмы противодействия санкциям, это позволяет предположить, что уровень угроз национальной экономической безопасности для России в ближайшей перспективе будет снижаться (при условии, что не возникнут новые шоки, наступление которых, как мы указывали в первой главе диссертации, непредсказуемо с достаточной степенью достоверности).

Итак, восстановление российской экономики после серии макрошоков, вызвавших турбулентность в ее динамике, судя по количественным показателям, к настоящему времени произошло. Положительная динамика отчетливо наблюдается в годовом разрезе (таблица 2.2.1), в 2021 и 2023 гг.

произошел ярко выраженный «посткризисный отскок» после шоков предыдущих годов. Интересно отметить, что величина этого «отскока» была сопоставимой по ее численному выражению.

Таблица 2.2.1 – Индексы физического объема ВВП РФ, % к предыдущему году

Год	2019	2020	2021	2022	2023
Индекс	102,2	97,3	105,9	98,8	103,6

Источник: Росстат, см.: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>.

Так, после падения ВВП на 2,7% в 2020 году, его прирост в 2021 году составил 5,9% (в совокупности произошла компенсация падения предыдущего года и чистый прирост ВВП на $5,9 - 2,7 = 2,2\%$), а после падения на 1,2% в 2022 году, прирост в 2022 году составил 3,6% (в совокупности произошла компенсация падения предыдущего года и чистый прирост ВВП на $3,6 - 1,2 = 2,5\%$).

Еще более явно проявляется восстановление положительных темпов прироста в постшоковый период при рассмотрении поквартальной динамики ВВП (таблица 2.2.2). При пандемическом макрошоке резкое снижение ВВП произошло во II квартале 2020 года, затем падение замедлилось, а уже с I квартала 2021 года начался постепенный рост экономики.

Таблица 2.2.2 – Индексы физического объема ВВП РФ, % к соответствующему кварталу предыдущего года

	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал
2020	101,5	92,7	96,7	98,7
2021	100,9	111,4	105,2	106,1
2022	103,7	96,5	97,2	98,2
2023	98,4	105,1	105,7	104,9
2024	105,4	н.д.	н.д.	н.д.

Источник: Росстат, см.: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>.

Аналогично этому, санкционный шок вызвал резкое снижение ВВП во II квартале 2022 года, а восстановление началось несколько позже – через год, со II квартала 2023 года, но происходило более высокими темпами. За 2024 год в момент написания данного материала имелись официальные статистические данные лишь за I квартал, но они указывают, что квартальный прирост ВВП устойчиво держится на уровне около 5% в течение уже года, что позволяет оптимистично оценивать перспективы постшокового экономического развития.

Означает ли представленная выше информация, что угрозы национальной экономической безопасности в целом купированы? Ответ на этот вопрос не может быть положительным, т.к. помимо динамики ВВП для оценки уровня экономической безопасности страны в целом используются и иные макроэкономические показатели, как количественные, так и качественные.

Так, согласно одной из современных концепций, ориентированных на структуризацию национальной экономики³⁷, в ней существует два сектора – пионерный (инновационный) и базовый (традиционный) сектор. Основываясь на этой теории, любая хозяйственная система в своей основе имеет два сектора – пионерный и базовый. Базовый сектор является источником ресурсов, так как он производит обычные ресурсы. Пионерный сектор, в свою очередь, требует для своего функционирования приток ресурсов извне, так как он не является самодостаточным. В итоге, экономика приходит к ситуации, когда происходит постоянный переток ресурсов из базового сектора в пионерный.

Вполне естественным в сегодняшних кризисных условиях будет изменение структуры такого строения экономической системы. Пропорции базового и пионерного сектора будут меняться – роль пионерного сектора будет возрастать, по причине того, что вследствие антироссийских санкций, а

---

³⁷ Миропольский Д.Ю. Пирамида Хеопса и развитие экономики на инновационной основе // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2012. № 1 (73). С. 7-13.

ранее – пандемических ограничений, страна отрезана от современных технологий, поставщиками которых являются зачастую страны Запада, отношения с которыми на текущий момент можно назвать сложными. Возникает стимул, чтобы частный сектор передавал ресурсы из высокодоходного базового в дефицитный пионерный сектор, т.к. в противном случае, работа базового сектора будет приостановлена из-за отсутствия зарубежных технологий.

Схожая ситуация в экономике прослеживалась в 2012-2014 годах, когда были приостановлены работы на Штокмановском месторождении, по причине того, что проект оказался нерентабельным на фоне развития более дешевых в добыче сланцевых месторождений и возросшей по этой причине конкуренции на мировых рынках углеводородов. А после 2014 года и введения «крымских» санкций разработка этого месторождения стала попросту невозможна по причине отсутствия у России собственных технологий, которые могли бы помочь сократить издержки в процессе добычи газа на Штокмановском месторождении.

То есть, приведенные примеры, касающиеся соотношения инновационного и традиционного секторов в экономике, указывают на то, что угрозы национальной экономической безопасности в форме формирования и накопления её технологической отсталости, сохраняются и после преодоления в целом последствий негативного влияния неэкономического шока на экономическую систему.

Современные экономические системы отличаются динамичным развитием, в ходе которого они могут сталкиваться с различными шоками, как экономической природы, так и неэкономической. Некоторые из них являются относительно мягкими, растянутыми во времени – к их числу можно отнести, например, внедрение ESG и иных концепций устойчивого развития, распространение зеленых проектов: можно назвать такие изменения «контролируемыми» или «запланированными».

Некоторые, напротив, являются гораздо более резкими и неожиданными, к таким шокам, зачастую неэкономической природы, можно отнести, например, пандемию COVID-19 и сопутствующий ей локдаун, санкционное давление на РФ от стран Европы, США и их союзников (более мягкое и слабое влияние в 2014-2022 гг. и гораздо более серьезное после начала специальной военной операции в феврале 2022 года).

Развитие экономических систем в таких условиях замедляется, институциональная структура национальной экономики претерпевает изменения, а экономический потенциал снижается, частично разрушается. В этой связи, выявление причин таких шоков и механизма их влияния на реальный сектор национальной экономики является необходимым для государства, если оно преследует цели обеспечения экономической безопасности.

Как показывает опыт, к сожалению, реакция государства на происходящие шоки не всегда видится логичной и обоснованной, что характерно не только для России, но и для многих других стран мира. Так, одним из последствий экономических кризисов всегда является рост инфляции. Из недавних событий можно указать на глобальное ускорение инфляции в 2020-2022 годах, вызванное сначала пандемией, которая характеризовалась нарушением цепочек поставок, сокращением экономической активности, потерей рабочих мест и возросшей смертностью, а затем и резким обострением политического противостояния России со странами «коллективного Запада», которое вылилось в обострение ситуации на Украине в конце февраля 2022 года.

Что характерно, оба кризиса сопровождаются ростом инфляции. Однако, кризис 2022 года характеризуется также и ростом ключевых ставок центральных банков в большей части стран мира. При этом, в обоих случаях, начало кризиса характеризовалось активным ростом индекса потребительских цен. В 2020 году это было вызвано грядущим ограничением на передвижение

и потенциальное закрытие непродовольственных магазинов в период самоизоляции. Население активно скупало продукты долгого хранения, строительные материалы, медицинские препараты и др. В марте-мае 2020 года многие люди в купных городах РФ переехали за город, и угроза закрытия строительных магазинов могла бы помешать строительству.

В 2022 году же характер спроса изменился – в первую очередь потребители старались приобрести товары тех брендов и тех категорий, на которые наиболее серьезно влияет курсовая динамика. Эти внеплановые покупки россиян определялись опасениями роста курса иностранных валют по отношению к рублю. К таким товарам можно отнести парфюмерию, технику, предметы роскоши. Также, к определенным сходствам двух кризисов можно отнести и поддержку государства, направленную на бизнес и население – выдавались гранты для бизнеса, оказывалась гарантийная поддержка по кредитам, распределялись субсидии, производилась индексация пенсий, осуществлялись выплаты семьям с детьми и т.д.

Ключевое отличие кризисов, вызванных двумя рассматриваемыми макрошоками, состоит в том, что коронакризис можно было назвать кризисом неизбежным – не было таких стран и не было таких людей, которые не ощутили бы его мощное влияние, а само влияние было схожим для всех. Кризис, связанный с санкционным давлением на Россию, действует выборочно и очень избирательно. Давление, которое в первую очередь оказывалось на нашу страну, стало не менее сильно влиять как на страны «коллективного Запада», так и на нейтральные или дружественные России страны, связанные с Россией внешнеэкономическими взаимодействиями.

В качестве примера, подтверждающего высказанный тезис, можно проследить за риторикой властей Германии. Например, 20 апреля 2022 года глава МИД ФРГ А. Бербок заявила, что российские энергоресурсы Германии больше не нужны, 14 июля Евросоюз договорился с Азербайджаном о новых поставках и замене российского газа, а уже 22 ноября, через неделю после

заключения договора между Россией и Азербайджаном, представители Минэкономики и МИД ФРГ сделали заявление, что Германия не видит противоречий в планах Евросоюза закупать газ у Азербайджана, несмотря на то, что он может быть российского происхождения. Такая противоречивая и лишённая внутренней логики риторика в очередной раз доказывает, что этот кризис – глобальный, за которым последует серьёзная перестройка мировой финансовой системы, мировых денежных потоков, отношений между странами. В этой связи, его влияние на экономическую безопасность не ограничивается национальным и региональным уровнями, это влияние глобально.

Этот кризис характеризуется взрывным ростом посредничества в торговле – рост экспорта российских нефти и газа в третьи страны, с дальнейшими поставками в «недружественные» России страны. Рост количества посредников неизменно приводит к росту цен на конечную продукцию, даже если эта продукция изначально продавалась с дисконтом. Отвечать за недалёковидную политику властей будет конечный потребитель, отопление жилища которого будет либо недостаточным, либо чрезмерно дорогим, качество и количество продуктов питания будет снижаться, а личный автомобиль придется заменить на общественный транспорт. И подобную цепочку макроэкономических последствий можно продолжить. То есть, с позиций экономической безопасности, шок, вызванный санкциями, обладает значительным по масштабам и пролонгированным по времени мультиплицирующим влиянием.

При этом, раз структурные изменения в экономике неизбежны и необходимы, стоит уже сейчас заняться вопросами подготовки этих изменений, на что мы обращали внимание выше. Одним из вариантов обеспечения эффективной защиты от угроз национальной экономической безопасности, вызванных неэкономическими шоками, по мнению автора, будет введение смешанной планово-рыночной системы регулирования в

российской экономике, возможность которого обсуждается в отечественной экономической науке весь постсоветский период ее развития.

Так или иначе, сегодня существование любой коммерческой структуры без плановых механизмов практически невозможно. Текущее санкционное противостояние будет длительным и изматывающим, преодолеть его можно только при вводе формата мобилизационной экономики хотя бы в «мягком» (смешанном / гибридном) формате, в котором будут пересекаться плановые и рыночные механизмы.

При этом, необходимо выделить ряд отраслей экономики, в которых директивное планирование и плановые механизмы будут превалировать над рыночными. По авторскому мнению, к ним можно отнести станкостроение, магистральный транспорт (частичная госмонополия в этой сфере в данной ситуации является положительным аспектом), энергетику, оборонно-промышленный комплекс и добычу ключевых видов полезных ископаемых. В какой-то степени в данном вопросе можно основываться на опыте Китайской Народной Республики, но с учётом российских реалий.

В целом же, текущий кризис в экономике, вызванный санкциями и – ранее – пандемией, в очередной раз подтвердил необходимость использовать не универсальные подходы к формированию российской национальной экономической модели, но учитывающей институциональную евразийскую специфику. Это позволит обеспечить устойчивость российской экономики в условиях неэкономических шоков.

Экономический рост является важной характеристикой экономики любой страны, в процессе его достижения обеспечивается решение фундаментальной задачи хозяйственной деятельности – приближение к состоянию максимального удовлетворения потребностей населения в материальных и духовных благах. С позиций теории безопасности это означает достижение безопасного состояния национальной экономики.

Кроме того, высокие темпы экономического роста способствуют росту экономической и национальной безопасности, укрепляют экономический суверенитет государства, что особенно важно в современных условиях политико-экономического развития, когда происходит переход к новой модели многополярного мироустройства, в которой экономические полюса из стран «глобального Севера» мигрируют в страны «глобального Юга».

Важную роль в разработке теории экономического роста сыграли труды С. Смита³⁸, основателя количественного подхода в теории экономического роста. Он считал, что экономический рост определяется как долгосрочное увеличение естественного уровня производства, которое неизбежно сопровождается улучшением качества жизни населения. Следует отметить, что указанный ученый был одним из первых, кто в определении понятия экономического роста стал использовать не только количественные показатели, но и стал оценивать вклад научно-технического прогресса.

В современной науке выделяется значительное число подходов к описанию экономического роста. Укажем на некоторые из известных и весьма популярных у современных исследователей теорий:

- экспортно-импортный подход. Он основывается на внешних связях национальной экономики, связях ее с макроэкономическим субъектом «заграница», а также на изучении торгового и платежного балансов. Согласно данному подходу выделяют импортозамещающий и экспортно-ориентированный типы экономического роста. Отметим, что в последние годы, после активного введения с 2014 года антироссийских санкций, вопросам импортозамещения в отечественной экономической науке стало уделяться значительное внимание.

В то же время, это рассмотрение, как правило, ориентировано на сохранение и восстановление национального экономического (и его частных составляющих – продовольственного, технологического и др.) суверенитета,

---

³⁸ Абрамовиц М. Саймон Кузнец (1901–1985) // Thesis. 1993. Вып. 2 С. 228-234.

укрепление национальной экономической безопасности. Вопросы импортозамещающего и экспортно-ориентированного экономического роста в современной литературе находят меньшее отражение, что, по мнению автора, требует исправления;

- факторный подход. В рамках данного подхода типы экономического роста рассматриваются на основе анализа условий, порядка и особенностей использования факторов производства. При этом, традиционно речь идет о том, какой аспект факторов производства является преобладающим для достижения экономического роста – количественный или качественный. Первый тип роста получил название «экстенсивный», второй – «интенсивный». Последний тесно связан с инновационным развитием экономики, так как в условиях достаточно полного использования всех имеющихся ресурсов (при нахождении национальной экономики в состоянии «полной занятости» в терминах неоклассической экономической теории), увеличить отдачу от них можно лишь за счет инноваций.

Принято считать, что интенсивный рост более предпочтителен, нежели экстенсивный, т.к. направлен на более экономически эффективное использование имеющихся ограниченных ресурсов. В то же время, это суждение, по мнению автора, не всегда верно. Все определяется ситуацией в конкретной национальной экономике. Если в ней имеются значительные запасы недоиспользуемых ресурсов, то вовлечение их в хозяйственную деятельность в рамках экстенсивной модели роста более предпочтительно, т.к. не требует перестройки системы регулирования и корректировки институциональной среды.

Заметим, что сведение факторного подхода исключительно к рассмотрению экстенсивного и интенсивного роста обедняет теоретические представления об экономическом росте. В экономической теории, при рассмотрении спроса и предложения (в том числе – в макроэкономике – совокупных спроса и предложения), принято выделять неценовые факторы.

Это – любые факторы, которые могут сместить график функции спроса / предложения. Их перечень, строго говоря, открытый. Это дает право различным исследователям выделять нетипичные факторы экономического роста, учет подобных позиций позволяет расширить практику регулирования экономического роста и обеспечения национальной экономической безопасности в современной России;

- эволюционный подход. В рамках данного подхода делается акцент на развитии техники и технологий производства, исходя из которых меняется и экономическая организация, и устройство общества. Примером такого рода подхода является концепция базиса и надстройки К. Маркса, совместное и, зачастую, противоречивое, конфликтное развитие этих двух элементов определяют долгосрочный прогресс экономики, который неотделим от технического и общественного прогресса и происходит через смену общественно-экономических формаций.

Также популярна точка зрения в рамках данного подхода, которая состоит в том, что прогресс техники и технологий приводит к последовательному прохождению экономической системой стадий доиндустриального, индустриального и постиндустриального развития, каждой из которых соответствует свой индивидуальный тип экономического роста. При этом, на последней из стадий, принято выделять такие подстадии эволюции экономики, которым соответствуют модели информационного развития, цифрового развития, знание-ёмкого (знание-интенсивного) развития и др.

Последние из моделей активно продвигаются представителями отечественной экономической школы социально-экономической эволюции, основателем которой является член-корреспондент РАН С.Д. Бодрунов, в рамках которой постиндустриальное развитие отрицается (используется термин «мираж постиндустриализма»). По мнению этой группы авторов вслед за стадией индустриального развития следует сначала стадия нового

индустриального развития (авторство соответствующей теории приписывается Дж.К. Гэлбрейту – старшему; отметим, что уточнение «старший» нами введено для различения Джона Кеннета Гэлбрейта и его сына – Джеймса Кеннета Гэлбрейта, которые имеют одинаковые инициалы; заметим также, что Дж.К Гэлбрейт – младший является сторонником ноономической школы), затем НИО.2 (новое индустриальное общество второго поколения), а затем – ноономика.

Таким образом, приведенный выше обзор, который не претендует на полноту, но отражает наиболее существенные, по мнению автора, точки зрения на экономический рост, указывает на отсутствие единства в теоретических концепциях экономического роста. Они довольно разнообразны. И это естественно. Такая ситуация обусловлена тем обстоятельством, что экономический рост – сложный феномен. Это не только усложняет его изучение, но и формирует теоретико-методические барьеры для реализации политики стимулирования экономического роста, которая является неотъемлемой частью политики обеспечения национальной экономической безопасности.

Между тем, такого рода политика в современной России становится весьма востребованной. Точнее – имеется ярко выраженный запрос на повышение ее эффективности, что вызвано сложной макроэкономической ситуацией, обусловленной чередой серьезных шоков, отклоняющих развитие российской экономики от долгосрочной траектории экономического роста. Основная сложность запуска и поддержания экономического роста, как ключевого условия обеспечения экономической безопасности, в современной России состоит в том, что в течение всего постсоветского периода в стране выстраивалась модель открытой экономики, тесно интегрированной в систему мирохозяйственных связей.

Но с началом (с 2014 года, обострение произошло с 2022 года) периода активного внешнего военно-политико-экономического давления на Россию со

стороны США и их союзников и сателлитов, в рамках антироссийских санкций внешнеэкономическое взаимодействие России по некоторым направлениям прекращено, по некоторым – существенно затруднено. В таких условиях модель открытой экономики оказывается неработоспособной, в ней невозможен экономический рост. В то же время, ориентация на изоляционизм (пределным практическим случаем которого является концепция и политика «чучхе», реализуемая в Корейской Народно-Демократической Республике) для экономики открытого типа возможна, но требует длительной и довольно затратной ее структурной перестройки.

Эта перестройка должна происходить по трем направлениям: во-первых, это формирование и развитие национальных импортозамещающих производств; во-вторых, изменение в пользу дружественных или нейтральных стран географии внешнеэкономического взаимодействия; в-третьих, за счет технологических прорывов создание предпосылок для формирования зависимости экономик зарубежных стран (в том числе недружественных и враждебных) от экономики российской, что позволит, за счет монопольной власти, выстраивать внешнеэкономическое взаимодействие на выгодных для России условиях.

В то же время, следует иметь в виду, что рассуждения об экономическом росте не должны оставлять «за кадром» его цель, упомянутую нами выше, которая состоит в повышении уровня и качества жизни населения, а также в обеспечении национальной (в том числе – экономической) безопасности. Экономика любой страны, в том числе современной России, должна быть направлена на человека, удовлетворение его потребностей, как текущих, так и перспективных.

В центре внимания правительства должно быть улучшение качества жизни населения, социальное благополучие граждан. Для этого (а также для достижения второй цели экономического роста, связанной с обеспечением национальной и экономической безопасности) следует, в том числе, создавать

объекты транспортной и энергетической инфраструктуры, строить новые школы, медицинские центры и т.д. То есть, предпринимаемые меры должны носить комплексный характер.

Также отметим, что научно-технический прогресс является ключевым фактором экономического роста. Особое значение он приобретает в условиях упомянутых выше ограничений. Основой политики, проводимой государством в области инноваций, является поддержка отечественной науки, создание передовых научных школ с обязательным условием ориентации науки на потребности практической экономики, которые невозможно удовлетворить имеющимися в стране ресурсами. Остро необходимо проведение реформ в области образования, науки и просвещения, улучшения защиты прав на интеллектуальную собственность.

Современное государство, как показывает практический опыт, выходит за его трактовку в неолиберальной школе как «ночного сторожа». Оно ближе к кейнсианской концепции активного участника макроэкономических процессов. Российское государство, являясь ключевым хозяйствующим субъектом в экономике, играет главную роль в обеспечении стабильного экономического роста. Помимо этого, оно имеет рычаги воздействия на экономику через реализацию экономической политики. И эти рычаги должны задействоваться более активно, в том числе за счет более активного использования элементов советского опыта экономического управления.

2.3 Методика оценки уровня технологического суверенитета как элемента национальной экономической безопасности в условиях воздействия неэкономических шоков

Автор разделяет методологическую позицию, восходящую к классической политической экономии, впервые, как принято считать, высказанную А. Смитом, о том, что одним из основных драйверов

долгосрочного развития экономики является разделение труда³⁹. Это явление наблюдается на всех уровнях экономической системы: начиная от экономического взаимодействия между членами домохозяйств, заканчивая межстрановым разделением труда. Именно последнее, при определенных обстоятельствах, может явиться источником угроз национальной экономической безопасности.

Действительно, как отмечено в монографии, подготовленной специалистами Военной академии Генерального штаба ВС РФ (с. 61), «национальные интересы – это достигнутые и планируемые уровни потребностей гражданина, общества и государства, исходящие из особенностей социально-экономического и политического устройства государства, уровня его экономического развития, *кооперации, участия в международном разделении труда*, географическом положении, национальных и культурных традициях»⁴⁰. То есть, международное разделение труда является фактором, определяющим реализацию национальных экономических интересов и, следовательно, достижение национальной экономической безопасности.

Если та или иная страна, например Россия, потребляет что-либо, произведенное за рубежом (речь идет как о конечных благах, так и о промежуточном потреблении – использовании импортных ресурсов), то она становится импортозависимой. И если по каким-либо причинам этот импорт будет нарушен, то национальная экономика испытает шок. Строго говоря верно и обратное: экспортная ориентация национального производства порождает экспортозависимость. И если экспорт становится невозможным, это также вызывает в национальной экономике шок. Он обусловлен тем, что в ней возникает перепроизводство ранее экспортировавшихся товаров и услуг.

---

³⁹ Кузнецов Ю.В., Щедровицкий П.Г. Адам Смит о разделении труда // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 27-38.

⁴⁰ Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации: монография. М.: РГГУ, 2021. 604 с.

С прикладных позиций, шоки, вызванные ограничениями импорта, для России более значимы, чем шоки, вызванные ограничениями экспорта. Это обусловлено тем, что российские экспортные товары, преимущественно, являются товарами с низкой добавленной стоимостью, они являются универсальными («биржевыми»), востребованными не конкретными, а многими потенциальными покупателями, что позволяет (при наличии соответствующей экспортной инфраструктуры) легко производить страновую / географическую переориентацию экспорта.

Проиллюстрируем это данными о структуре экспорта Российской Федерации за 2021 год⁴¹, которые приведены в таблице 2.3.1 (построена по данным Росстата, которые опубликованы на его Интернет-сайте со ссылкой на информацию ФТС России). Из таблицы видно, что 56,2% российского экспорта приходится на минеральные продукты, а на машины, оборудование и транспортные средства приходится лишь 6,6% экспорта.

Таблица 2.3.1 – Товарная структура экспорта Российской Федерации (2021 г.)

Показатель	\$ млн	% к итогу
Экспорт, всего	493 096	100,0
в том числе:		
продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	35 965	7,3
минеральные продукты	277 348	56,2
продукция химической промышленности, каучук	37 852	7,7
кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	208	0,0
древесина и целлюлозно-бумажные изделия	16 994	3,4
текстиль, текстильные изделия и обувь	1 727	0,4
металлы, драгоценные камни и изделия из них	82 634	16,8
машины, оборудование и транспортные средства	32 670	6,6
прочие товары	7 698	1,6

Источник: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya.

⁴¹ После начала специальной военной операции в феврале 2022 года публикация экспортной и импортной статистики по Российской Федерации была временно приостановлена (см., например: <https://www.rbc.ru/economics/21/04/2022/6261ab2b9a7947b9f8975965>). В этой связи, полные данные об экспорте и импорте имеются лишь до 2021 года.

Одной из мер санкционного давления США, ЕС и их союзников на Россию, введенной в 2022 году, явилось введение нефтяного эмбарго. По оценке Bloomberg от мая 2022 года (см.: <https://www.forbes.ru/investicii/467239-bloomberg-podscital-poteri-rossii-ot-soglasovannogo-evrosouzom-embargo-na-neft?>), Россия должна была потерять «более \$22 млрд доходов в год от экспорта нефти в Европу из-за эмбарго со стороны Евросоюза... Около \$12 млрд составят потери от отказа от трубопроводных поставок в Северную Европу, \$10 млрд – от запрета на морской экспорт нефти». Но этим планам не суждено было сбыться.

По заявлениям Вице-премьера Правительства РФ А. Новака, сделанным «в ходе "Открытого диалога" [в феврале 2024 года] в Совете Федерации, экспорт нефти из России в восточном направлении вырос до 85% в 2023 г. по сравнению с 40% в 2021 г. [Этот чиновник отметил:] "Для сохранения экспортного потенциала нашей страны в условиях действий недружественных стран нам приходится больше работать с дружественными странами... У нас в 2021 г., беру его за базовый, ... экспорт был такой же, как сейчас, – порядка 230 млн т нефти. Из них где-то 60% поставлялось в западном направлении и 40% в восточном направлении... В текущих условиях у нас осталось 15% западного направления и 85% восточного направления"» (цит. по: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2024/02/06/1018779-eksport-energoresursov-iz>).

Более развернутые аналитические данные по экспорту российской нефти после введения антироссийских санкций приведены в докладе А. Громова «Российская нефть на мировом рынке: возможности и риски», сделанном на научной конференции «Мировая экономика и энергетика: основные тенденции развития и новые вызовы» (Москва, ИМЭМО РАН, 22 декабря 2023 года) (см.: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/conf/2023/22122023/02-Gromov.pdf>).

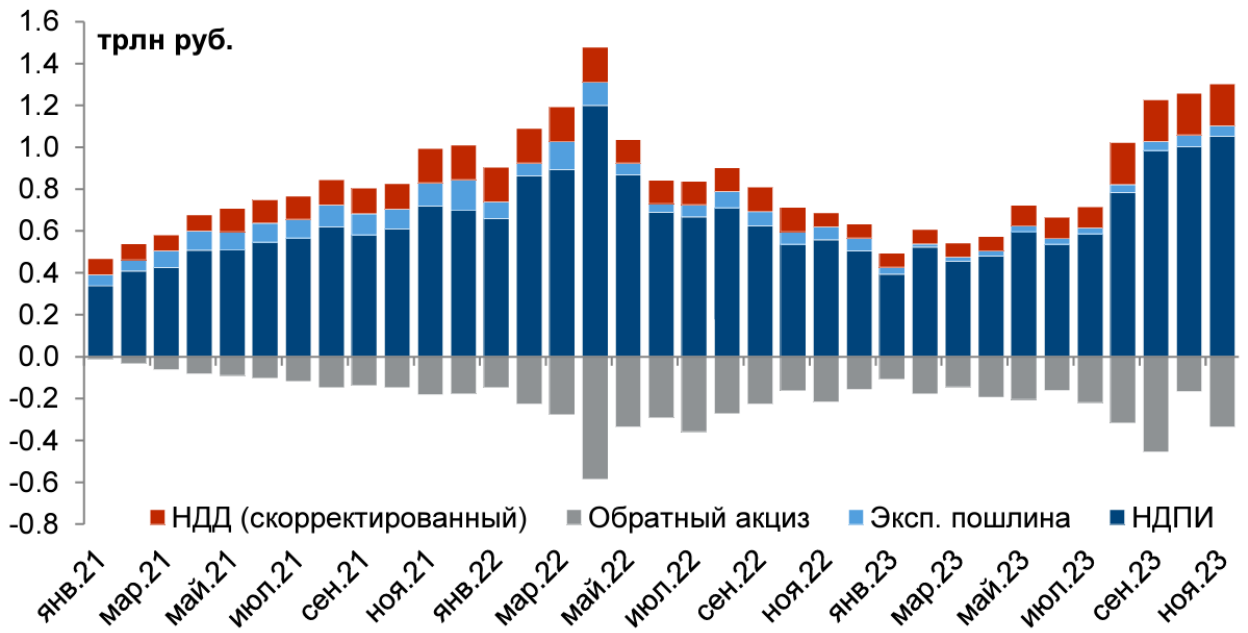

Рисунок 2.3.1 – Динамика нефтяных доходов федерального бюджета РФ (по данным А. Громова).

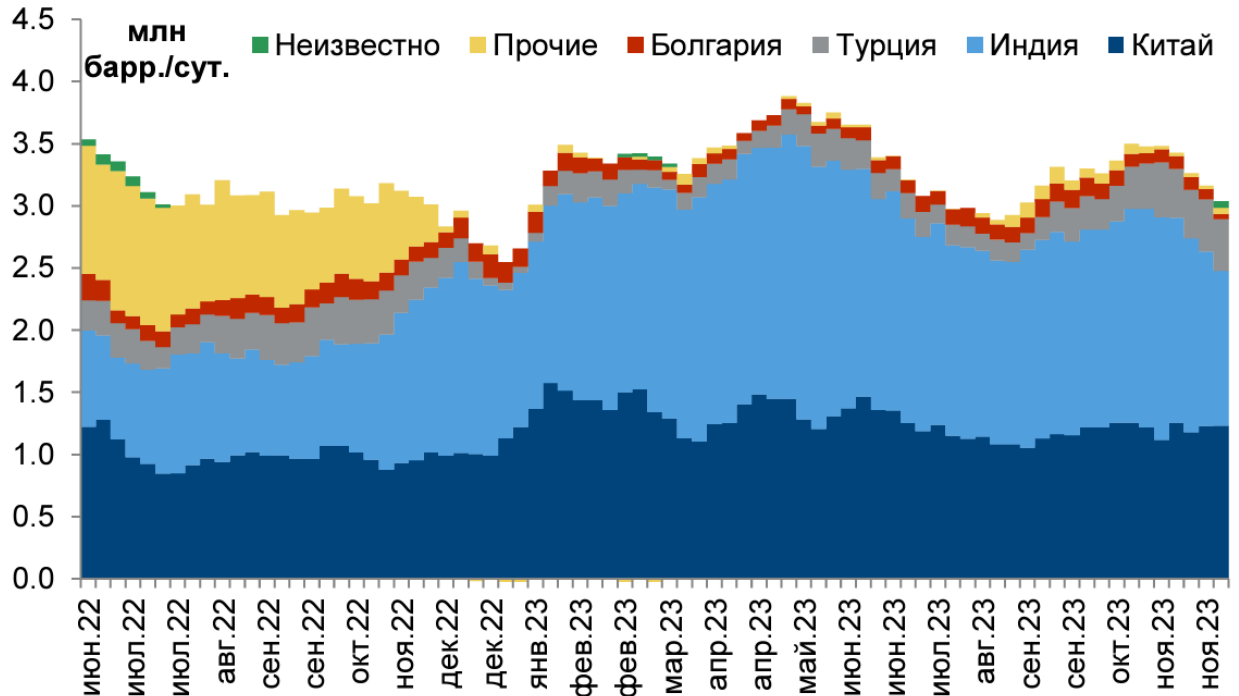
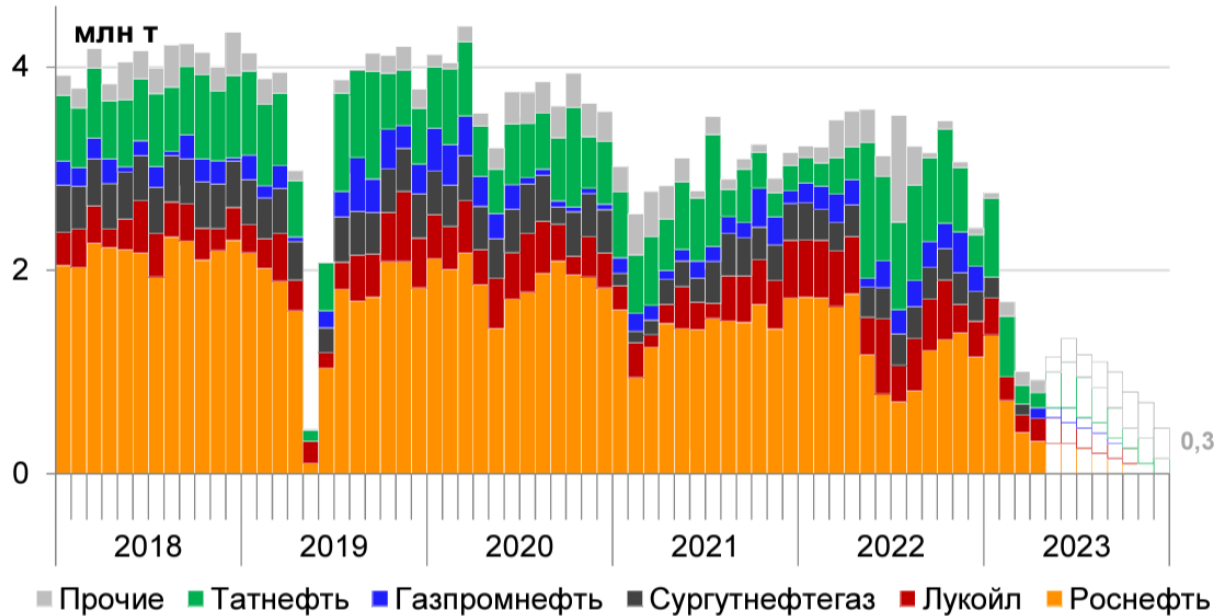

Рисунок 2.3.2 – Структура морского экспорта нефти из России в разрезе стран-покупателей (по данным А. Громова).

Трубопроводный экспорт нефти из РФ в западном направлении

Трубопроводный экспорт нефти из РФ в восточном направлении

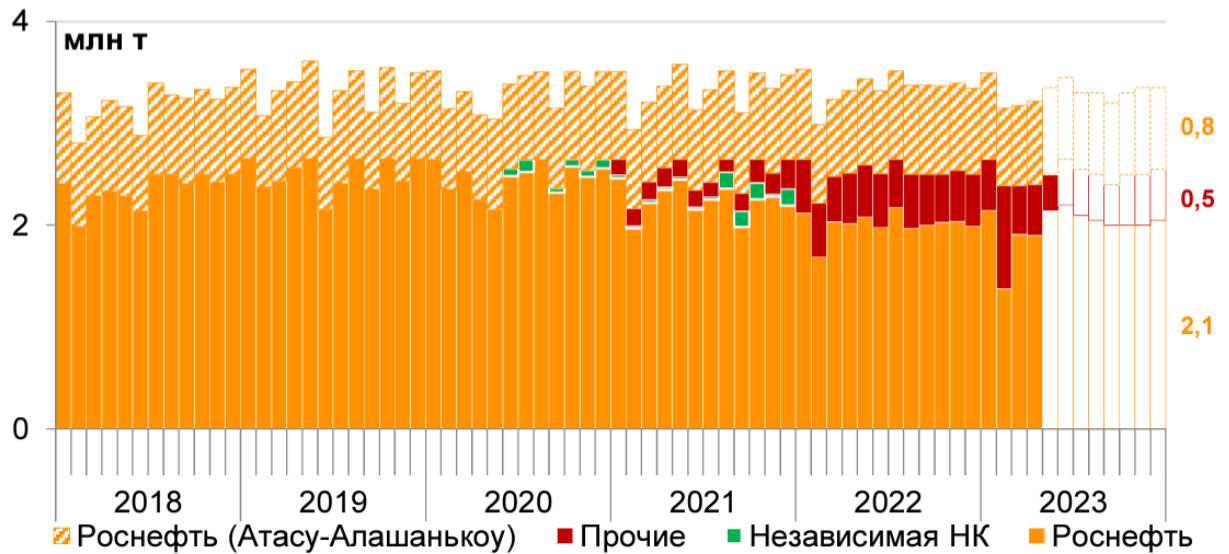

Рисунок 2.3.3 – Динамика трубопроводного экспорта нефти
(по данным А. Громова).

Соответствующая информация, почерпнутая нами из презентации к докладу А. Громова, представлена на рисунках 2.3.1 – 2.3.3. В частности, как следует из данных рисунка 2.3.1, «обвала» экспортных нефтяных доходов

бюджета вследствие санкций не произошло. В структуре морских отправок российской нефти в условиях санкций ключевыми покупателями являются страны Востока – Индия и Китай, на долю которых приходится почти 90% морского экспорта нефти из РФ (рисунок 2.3.2). Трубопроводный экспорт российской нефти стабильно высок на восточном направлении и продолжает снижаться на западном направлении (рисунок 2.3.3).

Таким образом, угрозы безопасности для национальной экономики России, связанные с экспортной ориентацией ее ключевых секторов, в частности – нефтяной промышленности, в условиях санкционного шока (а до этого – пандемического шока) успешно купированы. Иная ситуация складывается с импортной зависимостью. Она имеет иную структуру. В российском импорте (таблица 2.3.2) преобладают товары высокой степени переработки, почти половина импорта приходится на машины, оборудование и транспортные средства. Заменить их поставщиков на альтернативных весьма затруднительно в силу того, что указанные товары обладают высоким уровнем специфичности, а в ряде случаев они и вовсе уникальны.

Таблица 2.3.2 – Товарная структура импорта Российской Федерации (2021 г.)

Показатель	\$ млн	% к итогу
Импорт, всего	293 531	100,0
в том числе:		
продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	34 042	11,6
минеральные продукты	5 575	1,9
продукция химической промышленности, каучук	53 814	18,3
кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	1 304	0,4
древесина и целлюлозно-бумажные изделия	4 159	1,4
текстиль, текстильные изделия и обувь	17 020	5,8
металлы, драгоценные камни и изделия из них	21 517	7,3
машины, оборудование и транспортные средства	144 485	49,3
прочие товары	11 615	4,0

Источник: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya.

В этой связи, проблема высокой импортозависимости и необходимость реализации для ее преодоления политики импортозамещения и сохранения, таким образом, национальной экономической безопасности, стала актуальной для России в 2014 году, в период «крымских» санкций⁴². Заметим, что в сравнении с санкциями, вводимыми с 2022 года, «крымские» антироссийские санкции являются существенно более мягкими. Тем не менее, и они вызвали шок в российской экономике, что, в частности, сказалось на снижении объемов среднедушевого ВВП (см., например, рис. 1.2.2).

В то же время, как показывает анализ доступной статистики за период 2006-2021 гг., с позиций снижения импортозависимости российская экономика не достигла существенных успехов. Активно предпринимавшиеся после 2014 года меры по импортозамещению на уровне экономики в целом, а также ее отдельных секторов и отраслей оказались недостаточно результативными. При некотором снижении в импорте доли потребительских товаров, доля инвестиционных и промежуточных товаров в импорте на всем протяжении рассматриваемого периода росла.

---

⁴² Плотников А.В. Оценка влияния процессов импортозамещения на развитие регионального хозяйственного комплекса // Наука и инновации в технических университетах. Материалы Десятого Всероссийского форума студентов, аспирантов и молодых ученых / Санкт-Петербургский государственный политехнический университет. СПб., 2016. С. 154-156.

Плотников А.В. Оценка степени влияния процессов импортозамещения на развитие хозяйственного комплекса РФ // Экономика в эпоху перемен: взгляд в будущее. Сборник научных трудов студентов. СПб., 2016. С. 90-95.

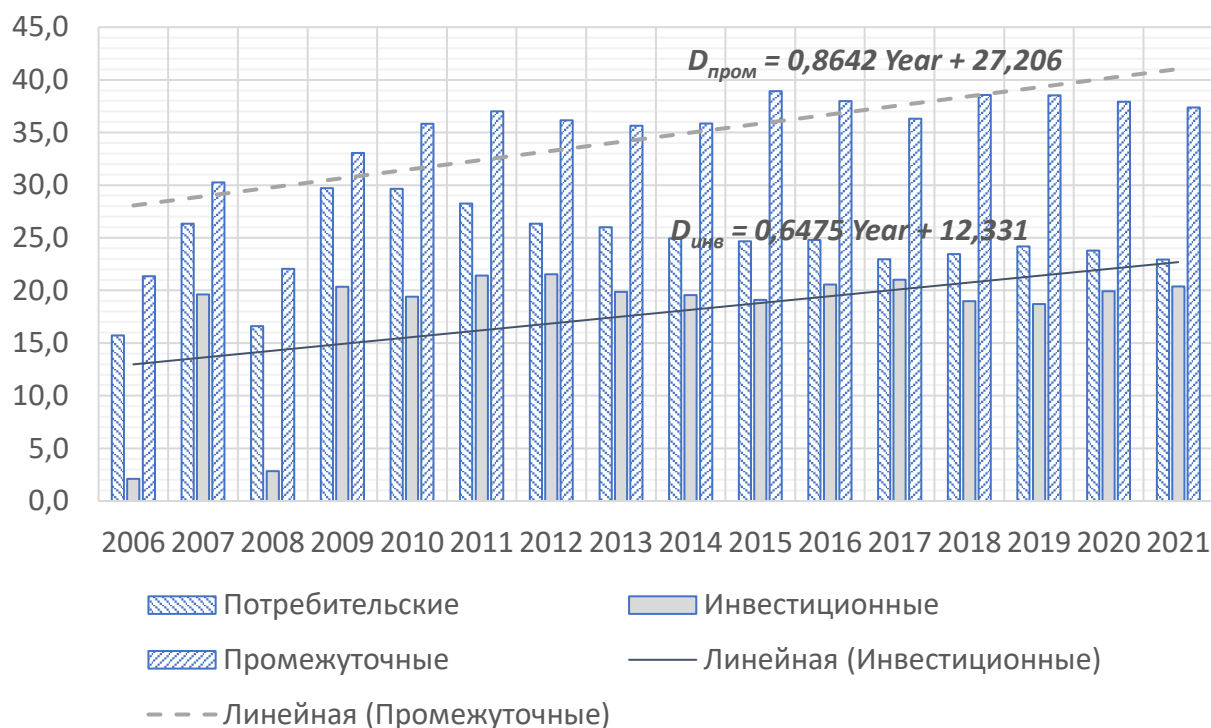
Плотников А.В. Проблемы в области импортозамещения и методы их разрешения в условиях санкций // Материалы II научного конгресса студентов и аспирантов СПбГЭУ. СПб., 2015. С. 43-47.

Плотников А.В. Проблемы импортозамещения в современной России // Наука и инновации в технических университетах. Материалы Восьмого Всероссийского форума студентов, аспирантов и молодых ученых / Санкт-Петербургский государственный политехнический университет. СПб., 2014. С. 146-147.

Плотников А.В. Эффективность современной санкционной политики // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2014. № 2 (5). С. 113-114.

Пролубников А.В., Плотников А.В. Направления трансформации государственной экономической и промышленной политики в условиях экономических санкций и развития процессов импортозамещения // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2015. № 2 (24). С. 45-50.

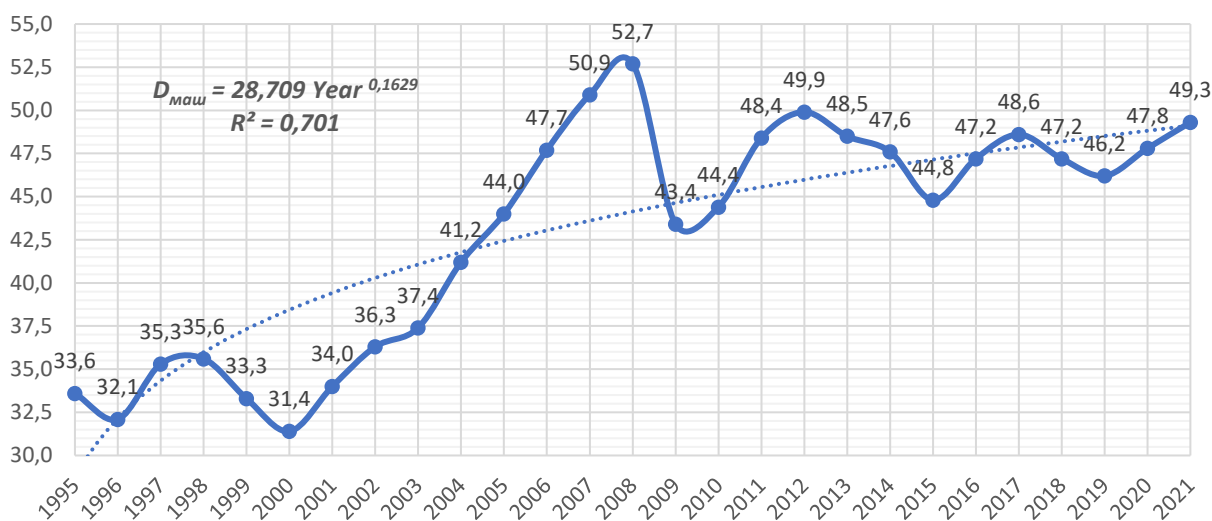
Рассчитано и построено автором по данным Росстата, приведенным на его Интернет-сайте (см.: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya).

Рисунок 2.3.4 – Удельный вес (приводится динамика среднегодовых значений) потребительских, промежуточных и инвестиционных товаров в общем объеме импорта Российской Федерации, %.

Это означает, что в рассматриваемом периоде росла зависимость реального сектора экономики Российской Федерации от импортных поставок. И формально отечественное производство, в том числе классифицируемое как локализованное⁴³, зачастую являлось лишь финальной (сборочной) стадией трансграничного производства, сырье, комплектующие, полуфабрикаты и оборудование для которого производились за рубежом. В результате, реальная экономическая безопасность не обеспечивалась.

⁴³ Соловейчик К.А., Аркин П.А. Методические вопросы стимулирования роста глубины передела промышленной продукции субъектами Российской Федерации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2015. № 4 (94). С. 25-30.

Эта выявленная нами закономерность хорошо иллюстрируется данными о доле в российском импорте товарной группы «Машины, оборудование и транспортные средства», динамика которой приведена на рисунке 2.3.5. На протяжении достаточно длительного, более чем 25-летнего, периода она в среднем составляла 42,9%. При этом, выявлен повышательный тренд по данному показателю. То есть, технологическая зависимость российской экономики на всем наблюдаемом периоде растет, что является существенной угрозой экономической безопасности.

Рассчитано и построено автором по данным Росстата, приведенным на его Интернет-сайте (см.: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya).

Рисунок 2.3.5 – Доля в российском импорте товарной группы «Машины, оборудование и транспортные средства», %.

В 2022 году, в период санкционного шока, эта угроза национальной экономической безопасности реализовалась. При этом, мы исходим из того, что технологическая зависимость (или независимость) и технологическое развитие измеряются не числом патентов, или научных публикаций, или каким-то аналогичным показателем, а, прежде всего, использованием производственного оборудования, которое позволяет реализовывать те или

иные передовые технологии. Высокая зависимость России от импорта в рамках товарной группы «Машины, оборудование и транспортные средства» создает недопустимо высокий уровень угроз национальной экономической безопасности.

Этот вывод подтверждается и неудовлетворительной структурой коммерческого обмена технологиями Российской Федерацией с зарубежными странами (таблица 2.3.3): несмотря на то, что количество экспортных соглашений на протяжении периода 2019-2021 гг. растет более высокими темпами, чем импортных, при этом стоимость импортных соглашений возрастает быстрее, чем экспортных, а баланс текущих выплат по коммерческому обмену технологиями стабильно имеет отрицательный знак. То есть, в целом, российская экономика технологически зависит от внешнего мира, что подтверждено статистически.

Таблица 2.3.3 – Структура и динамика коммерческого обмена технологиями Российской Федерацией с зарубежными странами⁴⁴

Показатель	Количество соглашений, ед.			Стоимость предмета соглашений, \$ млн			Выплаты по соглашениям, \$ млн		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Импорт	5518	5775	6701	12322,7	13732,0	19846,2	4836,8	4824,9	5044,3
Экспорт	4196	5349	6783	66565,0	50846,5	40848,7	3520,1	4674,2	4662,7
Чистый экспорт	-1322	-426	82	54242,3	37114,5	21002,5	-1316,7	-150,7	-381,6

Рассчитано и построено автором по данным Росстата, приведенным на его Интернет-сайте (см.: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya).

⁴⁴ Учтены данные по сделкам со следующими объектами: полезная модель; ноу-хау; патент на изобретение, кроме патента на селекционное достижение; патент на селекционное достижение; промышленный образец; товарный знак; беспатентное изобретение; патентная лицензия на изобретение; инжиниринговые услуги; научные исследования и разработки (по экспорту – исследования, осуществляемые российскими специалистами и финансируемые из зарубежных источников (экспорт технологий); по импорту – исследования, осуществляемые зарубежными специалистами и финансируемые из российских источников (импорт технологий); прочие (не имеющие технического содержания, но связанные с реализацией конкретного соглашения по обмену технологиями маркетинговые, рекламные, финансовые, страховые, транспортные и другие услуги).

Следует подчеркнуть, что сама по себе высокая доля импорта в национальной экономике не является негативным фактором для ее развития и устойчивого функционирования. Как отмечали в своем исследовании Черникова А.А. и соавт.⁴⁵, целью экономической политики, ориентированной на обеспечение национальной безопасности, должно являться не достижение 100%-го импортозамещения, а понижение до приемлемых уровней рисков импортозависимости. В силу присущей экономике любой страны включенности в международное разделение труда, она всегда в той или иной мере зависит от импорта, это нормальное явление.

В частности, на основе эконометрического моделирования, проведенного А.А. Афанасьевым с учетом начавшегося санкционного макрошока⁴⁶, этот специалист приходит к следующим выводам (с. 646-647):

«В течение трех лет произойдет восстановление значений основных относительных показателей ВЭД на досанкционный уровень с незначительной понижательной корректировкой ... Прогнозные значения ... будут в следующих диапазонах:

1. Отношение внешнеторгового оборота к ВВП на уровне 45-49% (для сравнения: в постсоветской России данная квота была на уровне 45-55%, а в период позднего СССР – порядка 12-14%).
2. Отношение экспорта товаров и услуг к ВВП на уровне 25-27% (для сравнения: в постсоветской России данная квота была на уровне 25-35%, а в период позднего СССР – порядка 7-8%).

---

⁴⁵ Черникова А.А., Вертакова Ю.В., Плотников В.А. Импортозамещение как инструмент экономической политики управления рисками импортозависимости: выбор подходов // Экономика и управление. 2016. № 10. С. 28-39.

⁴⁶ Афанасьев А.А. Прогноз значений основных показателей внешней торговли в условиях формирования ограниченно открытой экономики России // Экономические отношения. 2022. Том 12. № 4. С. 635-650.

3. Отношение импорта товаров и услуг к ВВП на уровне 18-22% (для сравнения: в постсоветской России данная квота была на уровне 20-25%, а в период позднего СССР – порядка 5-7%)».

Таковы, как ожидается, будут численные значения импортной, экспортной и внешнеторговой квот; они, как показывают исследования и эмпирические данные, довольно устойчивы (об этом, в частности, говорят приведенные выше выводы из исследования А.А. Афанасьева. Негативным же фактором выступает технологическая зависимость, что актуализирует проблему достижения технологического суверенитета национальной экономики, под которым, не углубляясь в терминологическую дискуссию, мы будем понимать следующее:

«Технологический суверенитет – наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы. Технологический суверенитет обеспечивается в 2 основных формах – исследования, разработка и внедрение критических и сквозных технологий (по установленному перечню) и производство высокотехнологичной продукции, основанного на указанных технологиях. Технологический суверенитет обеспечивается в том числе с опорой на устойчивое международное научно-техническое сотрудничество с дружественными странами»⁴⁷.

С позиций обеспечения национальной экономической безопасности в условиях воздействия неэкономических шоков, важной задачей является оценка уровня технологического суверенитета. Эта задача весьма сложна в силу размытости границ отдельных технологий. Например, «в любой

---

⁴⁷ Источник: Концепция технологического развития на период до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р).

технически сложной электронной продукции используются в той или иной степени иностранные компоненты и технологии. Разработка и производство электронного оборудования включает более 20 основных технологических переделов, каждый из которых декомпозируется на десятки, иногда сотни технологий. Ни одна страна в мире не обладает полным набором технологий для разработки и производства современной электроники. Поэтому понятие отечественной и иностранной продукции можно определять по уровню добавленной стоимости, по составу технологических операций в производстве, по составу процессов проектирования и других процессов жизненного цикла продукции» (цит. по: https://arpe.ru/news/Ponyatiya_i_kriterii_otsenki_tekhnologicheskoy_nezavisimosti_i_bezopasnosti_KIP).

С такой позицией солидарен О. Сухарев, который полагает, что «показатель технологического суверенитета не может быть агрегированным: оценки должны даваться по каждому отдельно взятому и рассматриваемому технологическому направлению или виду деятельности. Агрегация в индекс скрадывает представления об уровне технологического развития и технологическом суверенитете» (цит. по: https://www.ng.ru/science/2024-06-25/9_9035_russia.html). То есть, наряду с общей, агрегированной оценкой технологического суверенитета предлагается использование системы дифференцированных оценок, учитывающих особенности конкретных отраслей и технологий.

Аналогичный подход реализован в Постановлении Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2023 г. № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации».

Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации».

В частности, согласно этому документу, проекты технологического суверенитета выделяются в разрезе конкретных технологий, разделительным признаком которых выступают не собственно типы выполняемых производственных и вспомогательных и обеспечивающих операций и используемого для этого оборудования, а те виды конечной или промежуточной продукции (работ, услуг), которые в результате использования указанных технологий становится возможным производить на отечественной технологической базе. В качестве примера в таблице 2.3.4 приведен фрагмент Приложения 1 к Постановлению Правительства РФ от 15 апреля 2023 г. № 603.

Таблица 2.3.4 – Таксономия проектов технологического суверенитета (фрагмент)

Направление		Код продукции по ОК034-2014 (КПЕС 2008) (ОКПД2) 1, 2
1. Авиационная промышленность		
1.1	Производство гражданских и грузовых самолетов	30.30.3
1.2	Производство силовых установок самолета и их составляющих	
1.2.1	Двигатели и их составляющие	
1.2.1.1	Турбореактивные, турбовинтовые двигатели	30.30.12
1.2.1.2	Составляющие турбореактивных и турбовинтовых двигателей	30.30.16
1.2.1.3	Вспомогательные силовые установки	30.30.50.110
1.2.2	Блок рычагов управления двигателем и система контроля вибрации двигателей	30.30.50.110
1.2.3	Агрегаты и элементы топливной системы, в том числе система управления и измерения топлива, а также систем нейтрального газа	30.30.50.110

Источник: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2023 г. № 603.

Проекты технологического суверенитета привязаны к ряду отраслей, которых в Постановлении Правительства РФ от 15 апреля 2023 г. № 603 выделено 13. Это – автомобилестроение, железнодорожное, нефтегазовое, сельскохозяйственное и специализированное машиностроение, медицинская, фармацевтическая и химическая промышленность, станкоинструментальная промышленность и тяжелое машиностроение, судостроение, электронная и электротехническая промышленность, энергетическая и авиационная промышленность. Поручение вести реестр проектов технологического суверенитета дано государственной корпорации ВЭБ.РФ.

Источник: ВЭБ.РФ, см.: <https://asros.ru/upload/iblock/02e/bos88ct7snj0n9h22iz5d70f4lewn1pq/Bayda-A.V.-VEB.RF.pdf>.

Рисунок 2.3.6 – Потенциал роста отраслей технологического суверенитета.

Потенциал роста отраслей технологического суверенитета, по мнению специалистов ВЭБ.РФ, оценивается довольно оптимистично (рисунок 2.3.6). В настоящее время в указанный реестр «включено 11 проектов на сумму 234 млрд руб. Их финансируют пять банков ... ВЭБ как банк финансирует три

проекта на общую сумму 79 млрд руб. ... Большая часть финансируемых проектов – в отрасли машиностроения ... – предприятия судостроительной и портовой инфраструктуры. Остальные проекты – разнородные и из других отраслей машиностроения, включая энергетику, приборостроение, инфраструктурные проекты» (цит. по: <https://digital.gov.ru/ru/events/48951>).

Оценка технологического суверенитета производится в известных методиках по аддитивным балльным процедурам. Такой подход нам представляется вполне правомерным, т.к. технологии, используемые при производстве, могут быть отечественными/импортируемыми, при этом эти технологии (такой подход, в частности, реализован в рассмотренной выше таксономии проектов технологического суверенитета) должны быть привязаны к конкретному виду конечной или промежуточной продукции.

Так, в методике, предложенной Кочиной С.К.⁴⁸, выделено 15 критериев технологического суверенитета, соблюдение которых оценивается по схеме: критерий соблюден (оценивается в 1 балл) – критерий не соблюден (оценивается в 0 баллов). Затем баллы суммируются и полученный результат нормируется по шкале от 0 до 100, т.е. если все критерии соблюдены (идеальный вариант), объект оценивания (отрасль промышленности) обладает максимально возможным технологическим суверенитетом (100). Пример реализации этой процедуры приведен на рисунке 2.3.7.

Нам представляется достаточно произвольным набор критериев, использованных в данной методике. Например, первый критерий связан с использованием т.н. «высоких» технологий. Но их использование не является значимым, с позиций достижения технологического суверенитета, т.к. никак не связано с наличием/отсутствием зависимости от технологического импорта. Также стоит отметить значительное число общих критериев, не имеющих никакой привязки к конкретной отрасли. Таков, например,

---

⁴⁸ Кочина С.К. Диагностика уровня технологического суверенитета отраслей российской промышленности // Экономическое развитие России. 2023. № 10. С. 32-40.

последний критерий, связанный с государственным регулированием экономики. Наконец, приведенные на рисунке критерии зачастую довольно расплывчаты, дать по ним объективную оценку затруднительно. Говорить, например, о цифровой безопасности на уровне отрасли несколько беспредметно.

Наименование критерия	Отрасли промышленности		
	Химическая	Электронная	Пищевая
Присутствие деятельности высокотехнологичных предприятий	+	+	-
Ресурсообеспечение (региональное, межрегиональное)	+	+	+
Низкая доля (или отсутствие) параллельного импорта	-	-	+
Владение критически значимыми технологиями	+	-	+
Успешно реализованные национальные инновационные проекты	+	+	-
Низкая доля (или отсутствие) импортного оборудования, функционирующего на предприятиях	-	-	-
Развитая производственная инфраструктура	+	-	+
Инвестирование в технологические компетенции	+	+	-
Социальная защита и система мотивации работников	+	+	+
Цифровая безопасность	+	+	+
Высокий интеллектуально-кадровый потенциал	+	+	-
Функционирование кластеров, экосистем	+	-	+
Цифровая активность предприятий	-	+	-
Инвестиционная привлекательность	+	+	-
Государственное регулирование и защита интересов субъектов бизнеса	+	+	+
Уровень технологического суверенитета, в %	80	66,7	53,3

Источник: разработка Кочиной С.К.

Рисунок 2.3.7 – Вариант оценки технологического суверенитета отраслей российской промышленности.

Интересный подход к оцениванию технологического суверенитета предлагает Медведева Н.В.⁴⁹ По мнению этого автора, вполне резонному, технологический суверенитет тесно связан с уровнем технологического развития. В этой связи, оценку уровня технологического развития по известным правилам, изложенным, например, в ГОСТ Р 58048-2017

⁴⁹ Медведева Н.В. Подходы к оценке достижения технологического суверенитета // Вопросы инновационной экономики. 2024. Том 14. № 1. С. 91–104.

«Трансфер технологий. Методические указания по оценке уровня зрелости технологий». Этот «стандарт описывает методику оценки зрелости технологий и систем с их применением через соответствующие уровни готовности и на основе применения, как правило, экспертного метода. Концепция уровней готовности используется для оценки текущего состояния вновь разрабатываемых или приобретаемых технологий» (с. 98), в этой связи технологический суверенитет (с позиций оценивания его уровня) предлагается приравнять к зрелости технологий.

Такой подход нам также не представляется корректным, т.к. зрелая технология может базироваться на использовании иностранных элементов (технологических и материальных, а также программного обеспечения), в результате, даже будучи зрелой и локализованной в России, она по-прежнему будет импортозависимой, что свидетельствует о недостижении технологического суверенитета. По существу, здесь мы сталкиваемся с известным феноменом «квази-импортозамещения», хорошо известным в российской практике, получившим распространение после «крымских» санкций 2014 г. (см., например: <https://newizv.ru/tilda/2018-11-06/svoe-vmestochuzhogo-kak-rossiya-izbavlyaetsya-ot-importa-278998>), но проявляющимся не в товарной, а в технологической сфере.

Обратимся к иностранным методическим разработкам, в частности – стран ЕС⁵⁰. «В соответствии с разработанной методологией, европейский индекс суверенитета в области технологий определяется как способность формировать критически важные технологии в соответствии с интересами⁵¹ и ценностями ЕС. В перечень таких технологий включены следующие: полупроводники, высокопроизводительные вычисления, технологии Big Data, искусственный интеллект, Интернет вещей, облачные вычисления,

---

⁵⁰ Ерёмченко О.А., Куракова Н.Г. Изменение уровня технологического суверенитета в зарубежных странах: опыт Европейского союза // Экономика науки. 2023. Т. 9. № 3. С. 47–60.

⁵¹ То есть, в данном случае речь идет об аналоге национальных интересов, что говорит о тесной связи данного индекса с достижением экономической безопасности.

робототехника, телекоммуникации и кибербезопасность» (с. 51). Для расчета этого индекса используется обширный набор показателей, сворачиваемых в единый интегральный индекс, «при этом подробный алгоритм, весовые коэффициенты отдельных индикаторов в открытых источниках не опубликованы» (с. 51).

Базовый компонент	Комплексный показатель	Характеристика показателя
Активы и компетенции	Человеческий капитал	Численность и уровень компетенций ученых, исследователей, специалистов в исследуемой области и близких к ней технологических областях.
	Эффекты развития науки и технологий	Потенциал научно-технологического сектора, с точки зрения государственных и частных инвестиций, качества исследований и степени приоритетности определенного технологического направления в рамках существующих проектов.
	Внутренние инновационные возможности	Институционализованные знания и компетенции.
	Эффективность капитализации НИОКР	Оценка специализации и уровня использования ноу-хау через патентные индикаторы в технологических областях, вклад в разработку глобальных технологических стандартов, рыночное позиционирование основных компаний в исследуемой области.
Потенциал улучшения	Внешние ресурсы	Импорт критически важного для технологической области сырья и ресурсов.
	Аутсорсинг	Этапы создания цепочек добавленной стоимости, переданные в субподряд, включая проведение НИОКР, производство и закупку расходных материалов. Географическое расположение компаний, оказывающих услуги аутсорсинга, и их поставщиков первого уровня.
Драйверы технологического суверенитета	Коэффициент устойчивости человеческого капитала	Численность квалифицированных ученых, исследователей и специалистов, не вовлеченных в работу или научно-исследовательскую деятельность в исследуемой технологической области, а также лиц, имеющих релевантный опыт работы или прошедших подготовку для интеграции в отрасль.
	Критический уровень зависимости от сырья	Зависимость от импорта, учитывающая возможность частичного удовлетворения спроса на ресурсы за счет повторного использования сырья после окончания срока службы произведенных товаров.
	Уровень устойчивости производства	Анализ альтернативных поставщиков комплектующих и компонентов для производства, не связанных с основными ведущими компаниями в отрасли, и способных в короткие сроки включиться в производственные цепочки, а также центров НИОКР, обладающих необходимым потенциалом реализации технических проектов.
	Уровень устойчивости логистики	Выбор оптимальных цепочек логистических поставок с учетом рисков их нарушения, в том числе геополитических.

Источник: разработка Ерёмченко О.А., Кураковой Н.Г.

Рисунок 2.3.8 – Структура индекса технологического суверенитета стран ЕС.

На рисунке 2.3.8 приведена структура данных, оцениваемых при расчете индекса технологического суверенитета стран ЕС. При этом, признается, что

такого рода расчет, построенный, во-многом, на экспертных оценках, обладающих высоким уровнем субъективизма, не позволяет получить строгие количественные оценки технологического суверенитета. Разработчики этого индекса «ориентировались не на получение интегрального показателя уровня технологической независимости стран ЕС, а, скорее, на составление рейтинга стран по отдельным показателям, выделение лидеров и аутсайдеров в развитии отдельных технологий для лучшего понимания вклада и возможностей каждой страны в достижении общей цели» (с. 52).

Рассматривая известные методические подходы к оценке уровня импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета в различных отраслях производства, следует также упомянуть о разработках, призванных оценивать уровень локализации производства (см., например, Постановление Правительства Российской Федерации от 17 июля 2015 года № 719 «О подтверждении производства российской промышленной продукции»; Приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 20 августа 2020 г. № 2775 «Об утверждении Требований по уровню локализации производства телекоммуникационного оборудования и Методики оценки уровня локализации производства телекоммуникационного оборудования в целях присвоения телекоммуникационному оборудованию статуса телекоммуникационного оборудования российского происхождения»; Критерии локализации компаний разработчиков/производителей телекоммуникационного оборудования, программного обеспечения и кабельной продукции, участвующих в закупках ПАО «Ростелеком», в рамках импортозамещения (утв. Приказом ПАО «Ростелеком» от 22 мая 2018 г. № 01/01/516-18).

В перечисленных выше и многих других аналогичных разработках уровень локализации определяется через расчет доли добавленной стоимости, трудоемкости и т.п., приходящейся на технологические операции, совершенные в той или иной локации (на территории страны или региона).

С сугубо экономических позиций такой подход выглядит справедливо и рационально, но с позиций обеспечения экономической безопасности (технологический суверенитет мы рассматриваем в качестве ее элемента) он не подходит. Действительно, готовая продукция может быть произведена лишь с учетом полного выполнения всех предусмотренных технологических операций, невыполнение одной из них, даже низкочувствительной, но невозможной к исполнению из-за блокировки поставок импортных компонентов, приводит к невозможности производства в целом.

С учетом изложенного выше, представим авторскую методику оценки уровня технологического суверенитета как элемента национальной экономической безопасности в условиях воздействия неэкономических шоков. Методика реализуется путем отработки следующих действий:

1. Выбор отрасли для оценки уровня технологического суверенитета. По мнению автора, технологический суверенитет абсолютно по всем видам экономической деятельности обеспечивать не следует, т.к. это невозможно организационно и нецелесообразно экономически. Попытка реализовать такую цель приведет к технологической деградации и существенному снижению уровня социально-экономического развития, т.е., опять же, нанесет еще больший ущерб национальной экономической безопасности, чем недостижение технологического суверенитета. Поэтому на данном шаге методики выбираются лишь критически значимые отрасли.

2. Декомпозиция используемых в отрасли технологий. Суть этого шага состоит в том, что для производства в критически значимой отрасли необходимо применять комплекс технологий. При этом, данные технологии могут иметь иерархическое упорядочение. То есть этот комплекс технологий может быть представлен в виде иерархического графа (дерева). В качестве примера в Приложении Г представлен вариант выделения критически важных технологий в отрасли железнодорожного машиностроения, а на рисунке 2.3.9 – соответствующий этому варианту граф.

Примечание: обозначения (коды процессов) расшифрованы в Приложении Г.

Рисунок 2.3.9 – Пример декомпозиции процессов.

3. Проведение экспертного оценивания уровня технологической независимости первичных процессов. Первичными в данном случае называются те процессы, которые не имеют подчиненных процессов. На рисунке 2.3.9 к первичным могут быть отнесены процессы: 3.1.1, 3.1.2, 3.2.1, 3.2.2, 3.3, 3.4.1.1 – 3.4.1.6, 3.4.2.1 – 3.4.2.7, 3.5.1, 3.5.2. Оценивание производится по 10-балльной шкале, где 0 соответствует полной (абсолютной) технологической импортозависимости, 10 – полной (абсолютной) технологической импортонезависимости.

4. Определение интегрального количественного показателя технологического суверенитета путем поуровневой (снизу вверх) свертки частных показателей на основе использования формулы среднего арифметического. В данном случае мы не используем взвешивание показателей, полагая их вклад (ан каждом из уровней) в показатель верхнего

уровня одинаковым. Это определяется отмеченным нами выше обстоятельством: необходимостью выполнения всех технологически обусловленных производственных процессов, в связи с чем они имеют равную значимость. Для расчета, который производится поуровнево снизу вверх, используется формула:

$$b_i = \frac{\sum_{j=1}^{N_i} b_{ij}}{N_i}, \quad (2.3.1)$$

где b_i – значение искомого показателя технологического суверенитета для i -го узла графа технологических процессов (аналогичного тому, что приведен на рисунке 2.3.9);

N_i – количество элементов, непосредственно подчиненных i -му узлу графа технологических процессов;

b_{ij} – балльная оценка показателя технологического суверенитета для j -го элемента, входящего в i -ый узел графа технологических процессов. Если эти элементы представляют собой первичные процессы, то значения b_{ij} назначаются экспертно на 3-м шаге методики. Если же мы имеем дело не с первичными процессами, то значения b_{ij} рассчитываются по формуле (2.3.1).

В качестве примера, приведем конкретную модификацию формулы (2.3.1) для расчета показателя b_i для элемента дерева (графа) с кодом 3.4.1 (см. рисунок 2.3.9):

$$b_{3.4.1} = \frac{\sum_{j=1}^6 b_{3.4.1.j}}{6}. \quad (2.3.2)$$

В итоге отработки данного шага предлагаемой методики будет получен интегральный показатель технологического суверенитета оцениваемой отрасли как число (балльная оценка), лежащее в диапазоне $[0; 10]$. Целью является максимальное приближение значения этого показателя к правой границе рассматриваемого диапазона.

5. Качественная интерпретация поученной численной оценки. Она необходима в рамках традиционно используемого в теории экономической безопасности и практике управления ее обеспечением порогового подхода.

Пороговый подход подразумевает выделение частных диапазонов оцениваемого индикатора экономической безопасности. Попадание численного значения индикатора в тот или иной частный диапазон позволяет качественно оценить уровень безопасности. В данном случае мы предлагаем использовать хорошо зарекомендовавшую себя в экономических исследованиях функцию желательности (шкалу) Харрингтона. С ее использованием интерпретацию интегрального количественного показателя технологического суверенитета следует проводить по правилам:

- технологический суверенитет отсутствует – [0,0; 2,0);
- технологический суверенитет на критически низком уровне – [2,0; 3,7);
- технологический суверенитет на низком уровне – [3,7; 6,3);
- технологический суверенитет на приемлемом уровне – [6,3; 8,0);
- технологический суверенитет надежно обеспечен – [8,0; 10,0].

Полученные по итогам применения описанной методики результаты позволяют в дальнейшем разработать и реализовать комплекс мер по поддержанию технологического суверенитета на необходимом уровне, а также проводить ретроспективный и сравнительный анализ уровня его достижения. В силу отсутствия необходимых исходных данных за национальную экономику в целом, апробация методики не проводилась. Но была выполнена её проверка на материалах ряда предприятий, входящих в группу компаний «Ижевский радиозавод» (отрасль радиоэлектронной промышленности) – ООО «ИРЗ», ООО «ИРЗ-Тест», ООО «ИРЗ-Локомотив». Для всех этих предприятий получен результат: «Технологический суверенитет на приемлемом уровне». Проведенные расчеты подтвердили адекватность и применимость авторской методики.

3 Научно-методические рекомендации по совершенствованию мер по нейтрализации неэкономических шоков и обеспечению национальной экономической безопасности

3.1 Механизм влияния неэкономического шока на национальную экономическую безопасность

Как мы указывали выше, в научной литературе имеется значительное число трактовок категории «экономическая безопасность»⁵². Конкретные

---

⁵² Авдийский В.И. Научно-теоретические аспекты риск-ориентированного подхода в системе обеспечения экономической безопасности // Проблемы анализа риска. 2017. Т. 14. № 5. С. 20-29.

Дронов Р.В., Зайцев А.К. Комплексная оценка эффективности противодействия угрозам экономической безопасности в условиях цифровизации // Аудиторские ведомости. 2023. № 2. С. 281-286.

Каранина Е.В., Багаутдинов А.И. Инновационные аспекты обеспечения экономической безопасности // Друкеровский вестник. 2023. № 4 (54). С. 47-55.

Климонова А.Н. Основные подходы к исследованию понятий "экономическая безопасность" и "экономическая безопасность государства" // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 8. С. 54-60.

Курбанов А.Х., Порвадов М.Г. Понятийная основа категорий "национальная безопасность" и "экономическая безопасность" государства // Формирование системы материально-технического обеспечения военной организации государства: теория и практика. Сборник статей IV международной научно-практической конференции. Пермь, 2017. С. 315-321.

Литвиненко А.Н. Методологические аспекты стратегического планирования в сфере обеспечения экономической безопасности страны // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 299-305.

Митяков Е.С., Митяков С.Н. Оценка рисков в задачах мониторинга угроз экономической безопасности // Труды НГТУ им. Р.Е. Алексеева. 2018. № 1 (120). С. 44-51.

Плотников В.А., Погодина В.В., Смирнов А.А. Национальная экономическая безопасность и государственная политика развития промышленности // Управленческое консультирование. 2023. № 9 (177). С. 35-44.

Полтораднева Н.Л. Российские школы экономической безопасности: прошлое, настоящее, будущее. 1995-2022. Курск: Университетская книга, 2023. 332 с.

Суглобов А.Е., Карпович О.Г. Вопросы обеспечения экономической безопасности России в период пандемии Covid-19 // Russian Journal of Management. 2021. Т. 9. № 3. С. 121-125.

Феофилова Т.Ю., Радыгин Е.В. Компоненты и принципы системы обеспечения экономической безопасности страны // Финансовый менеджмент. 2023. № 4-2. С. 174-189.

Харламов А.В. Обеспечение экономической безопасности хозяйствующих субъектов в условиях нестабильности // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2022. № 1 (23). С. 16-33.

Шиндикова И.Г. Инструментарий обеспечения экономической безопасности строительной организации в условиях макроэкономических шоков: диссертация на соискание ученой

авторские формулировки тех или иных специалистов несколько различаются, в зависимости от используемой методологии и базовых теоретических положений, лежащих в основе исследования, а также его цели и задач, уровня и характеристик исследуемой экономической системы, безопасность которой надлежит обеспечивать. В то же время, все эти трактовки едины в том, что обеспечение экономической безопасности подразумевает создание таких условий, при которых рассматриваемая экономическая система сохраняет свои параметры в допустимых (безопасных) пределах, а также устойчиво развивается в соответствии с намеченными планами.

В силу концептуальной схожести трактовок экономической безопасности, нами в исследовании использовано официальное определение, представленное в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. N 208: «Экономическая безопасность – состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации».

В случае реализации указанных в данном определении угроз, то есть необеспечения защищенности национальной экономики от них, экономическая безопасность нарушается, что имеет для страны негативные последствия. Заметим, что аналогичные концептуальные трактовки национальной экономической безопасности приняты и в ведущих зарубежных странах (см. Приложение А). Как отмечалось ранее, наступление события, которое классифицируется как шок, приводит к реализации угрозы экономической безопасности, т.е. имеется необходимость изучения механизма

влияния шока на национальную экономическую безопасность с тем, чтобы более эффективно противостоять реализации соответствующих угроз.

Применительно к шокам экономической природы, тесно связанным с циклической динамикой рыночной экономики, такого рода механизм достаточно хорошо изучен. Это связано с тем, что феномен цикличности открыт достаточно давно и, в этой связи, для его исследования разработана довольно развитая теория и методология. Структура этого механизма, например, описана в исследовании С.А. Жиронкина и соавт.⁵³, которые предложили визуализировать его в виде схемы, приведенной на рисунке 3.1.1.

Что касается неэкономических шоков, то, как показано выше, механизм их влияния на экономическую безопасность описан лишь в общих чертах, что определяется, по нашему мнению, двумя обстоятельствами:

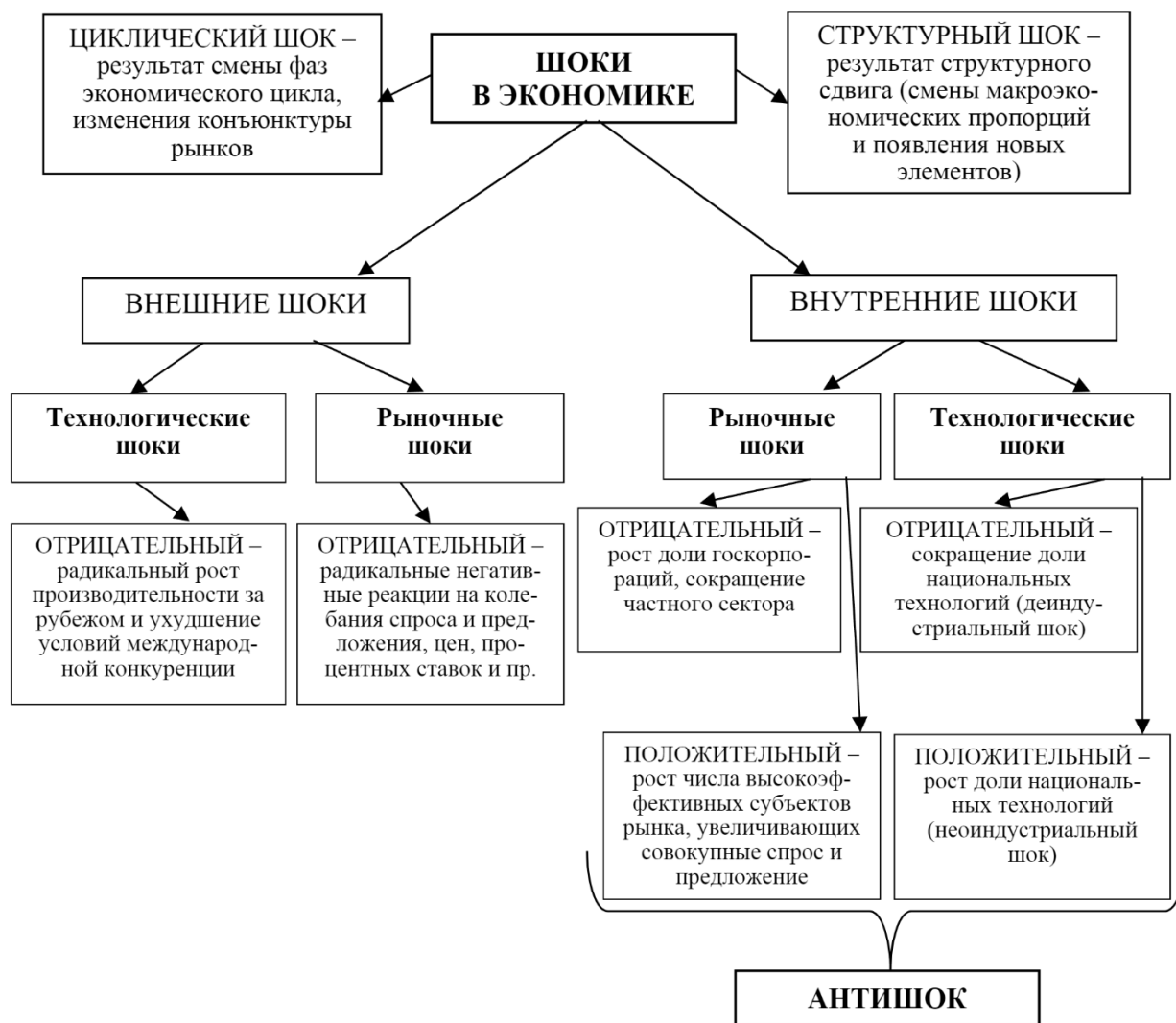
- во-первых, разнообразием неэкономических шоков; их разновидностей гораздо больше, чем шоков экономических;

- во-вторых, необходимостью проведения междисциплинарного анализа, выходящего, строго говоря, за пределы предметного поля экономической науки, что усложняет проведение исследования.

Общий механизм влияния неэкономических шоков на реальный сектор национальной экономики заключается в изменении спроса и предложения на товары и услуги в экономике. Такие шоки могут привести к сокращению производства и снижению спроса на определенные виды товаров и услуг, а также к увеличению спроса на другие виды товаров и услуг. Сокращение производства и снижение спроса на определенные виды товаров и услуг может привести к сокращению рабочих мест и увольнению работников в соответствующих отраслях экономики. Это может привести к уменьшению налоговых поступлений в бюджет и сокращению инвестиций в эти отрасли.

---

⁵³ Жиронкин С.А., Таран Е.А., Алешина О.Г. Принципы анализа и типология в методологии экономических шоков // Векторы благополучия: экономика и социум. 2023. № 1 (48). С. 128-144.

Источник: разработка Жиронкина С.А., Таран Е.А., Алешиной О.Г.

Рисунок 3.1.1 – Механизм влияния экономического шока на экономику.

С другой стороны, увеличение спроса на другие виды товаров и услуг может привести к росту производства и занятости в соответствующих отраслях экономики. Например, природные катастрофы могут привести к росту спроса на строительные материалы и инженерные услуги, что может стать фактором роста производства в этих отраслях. Также, неэкономические шоки могут привести к изменению структуры экономики в целом. Например, эпидемия может привести к росту спроса на медицинские товары и услуги, что может стать фактором изменения структуры национальной экономики в

сторону более здорового образа жизни и повышения значимости медицинской отрасли. То есть эпидемия может приводить к позитивным изменениям в экономике и обществе, как бы парадоксально это ни звучало.

В целом, неэкономические шоки могут оказывать значительное воздействие на реальный сектор национальной экономики, приводить к сокращению производства и экономическому спаду, а также к изменению структуры экономики в целом. Поэтому, важно разрабатывать стратегии и меры для смягчения негативных последствий таких шоков и улучшения устойчивости экономики в целом. Далее рассмотрим механизм влияния неэкономического шока на экономику на примере пандемии COVID-19.

Пандемия COVID-19 стала беспрецедентным шоком для мировой экономики и привела к самой глубокой рецессии со времен Второй Мировой войны⁵⁴. Как следует из доклада ООН «Мировое экономическое положение и перспективы», из-за введения различных ограничительных «антиковидных» мер мировой ВВП в 2020 году сократился на 4,3%. В 2009 году, после мирового финансового кризиса этот показатель не достигал даже 2%. Наиболее серьезный экономический ущерб был нанесен развитым странам, которые ввели режим самоизоляции и строгие карантинные меры практически сразу же после начала пандемии.

По подсчетам Совета по мониторингу глобальной готовности к пандемии, организованного Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) и Всемирным банком, первая волна пандемии обошлась мировой экономике в 11 триллионов долларов и более 10 триллионов составили недополученные

---

⁵⁴ Дробот Е.В., Макаров И.Н., Назаренко В.С., Манасян С.М. Влияние пандемии COVID-19 на реальный сектор экономики // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Том 10. № 8. С. 2135-2150.

Максимова Е.В., Рябцев А.Г., Сазонова О.А. Влияние коронавируса на экономику России // Инновации и инвестиции. 2020. № 4. С. 283-286.

Laeven L. Pandemics, Intermediate Goods, and Corporate Valuation[^] CEPR Discussion Papers, # DP15022, 2020.

доходы населения. Следует отметить, что шок для экономики оказался всесторонним:

- во-первых, из-за ограничительных мер в первую очередь был нанесен ущерб предложению (закрытие торговых центров, точек общественного питания, учреждений культуры, театров и др.), что привело к росту безработицы и серьезному снижению спроса на товары и услуги;

- во-вторых, определенные секторы экономики сильно пострадали от ограничительных мер и поведенческих изменений потребителей (например, туризм, общественное питание и др.).

В то же время, неблагоприятное воздействие на экономику было смягчено масштабными мерами государственной политики, которые, на фоне снижения спроса, например, на энергоресурсы, могут усугубить финансовое положение различных стран, что привело к росту мирового долга (в 2020 году он достиг рекордных 275 триллионов долларов).

Кризис COVID-19 имеет сложный характер и во многих отношениях является уникальным, поэтому его последствия в долгосрочной перспективе сложно оценить, ретроспективная оценка на основании прошлых кризисов не может быть надежной, потому что сроки окончания пандемии слабо предсказуемы. Для оценки последствий кризиса предлагается учитывать «рубцовый эффект» (scarring effect)⁵⁵. Рассмотрим далее его сущность.

Согласно общепринятому мнению, результатом рецессии является более справедливое и адекватное распределение ресурсов за счет того, что менее эффективные фирмы уходят с рынка. Т.е. кризис оказывает saniрующее влияние на экономику. При этом традиционно обращается внимание на то, что уходят с рынка неэффективные фирмы. И даже, если это не обсуждается в прямой постановке, этот факт подразумевается. Однако, это не так. Согласно «эффекту рубцевания», описанному М. Оуяном, значительное количество

---

⁵⁵ Ouyang M. The Scarring Effect of Recessions // Journal of Monetary Economics. 2009. Vol. 56. Issue 2. P. 184-199.

фирм, которые потенциально могли бы стать в будущем лидерами рынка, во время рецессии уходят с рынка в своем «младенчестве». Считается, что эффект «рубцевания» превосходит эффект «санации» рынка и приводит к снижению средней производительности во время рецессий. По нашему мнению, этот эффект носит пролонгированный характер.

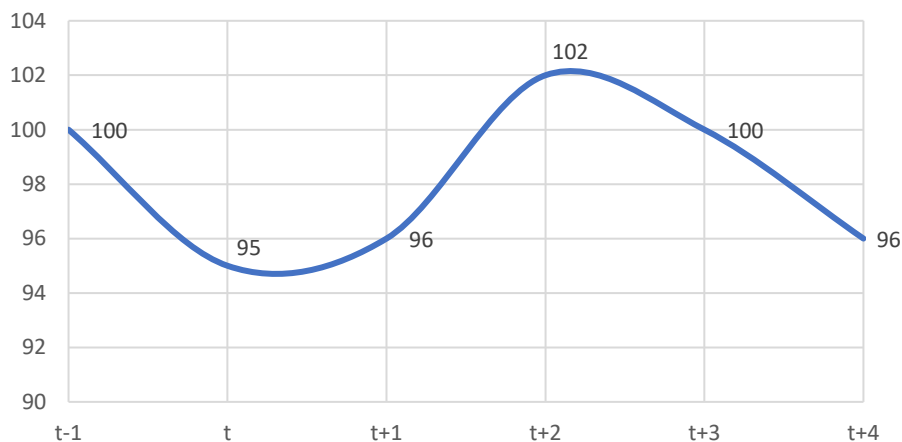
Оценка «рубцовых» эффектов прошедших кризисов дает некоторое представление о том, как пандемия COVID-19 может повлиять на объемы производства в мире, следовательно, на уровень развития и устойчивости экономик, национальную экономическую безопасность. Согласно данным Penn World Table, первоначальное воздействие на объем производства от пандемического шока является краткосрочным и имеет тенденцию к исчезновению через два года после окончания эпидемии. В то же время, стоит отметить, что анализ эпидемий, представленный в аналитических таблицах Penn, посвящен в основном локальным событиям, которые не сопоставимы с влиянием на экономику глобальной пандемии.

На рисунке 3.1.2 представлено влияние эпидемий на потенциальный выпуск (potential output) затронутых стран с доверительной вероятностью 95%. При расчете результатов использовались данные, касавшиеся эпидемий SARS (2003 г.), «свиного гриппа» (2009-2010 гг.), MERS (2013 г.), вируса Эбола (2014-15 гг.) и вируса Зика (2016 г.). При расчетах страны считались затронутыми этими инфекционными болезнями, если в них регистрировалось не менее десяти случаев инфицирования.

Так как в выборке приведены данные по недавним эпидемиям, рассчитать их влияние можно только в течение 4 лет после их окончания. Что характерно, потенциальный объем производства возвращается на докризисные показатели достаточно быстро, т.е. происходит «отскок» показателя, что позволяет позитивно подходить к оценке последствий пандемии COVID-19. При этом, следует отметить и еще один пока еще сравнительно слабо изученный эффект: эпидемии негативно влияют на

предложение рабочей силы. Стоит отметить, что большинство эндогенных финансовых кризисов (причиной которых явился «классический» кризис перепроизводства и дисбаланс между спросом и предложением) оказывают свое влияние на потенциальный выпуск даже по прошествии 8 лет после их окончания.

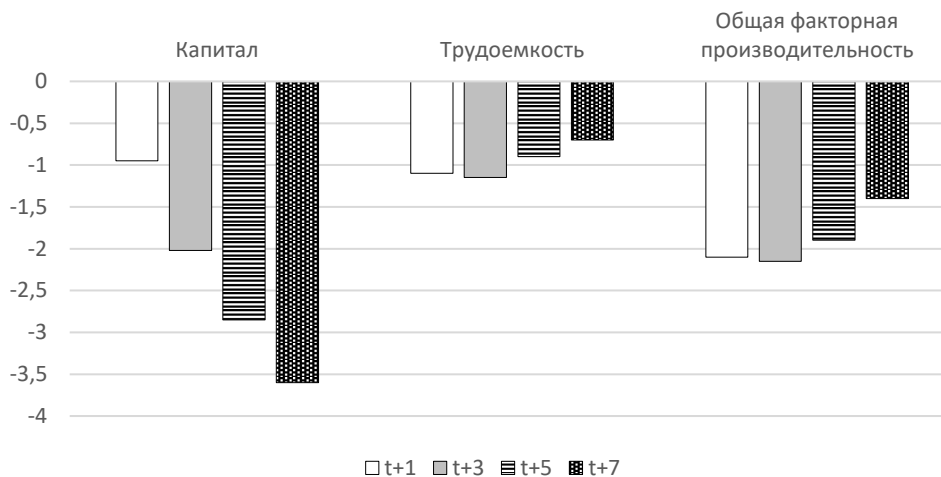

Источник: ЕЦБ, см.: https://www.ecb.europa.eu/pub/economic-bulletin/focus/2021/html/ecb.ebbox202008_01~e038be4510.en.html.

Рисунок 3.1.2 – Погодовая динамика потенциального выпуска под влиянием эпидемии (использованы обозначения: t – год эпидемии, $(t-1)$ – год, предшествовавший эпидемии, $(t+N)$ – N -й год после эпидемии).

В то же время, экзогенные (вызванные неэкономическими факторами) экономические кризисы характеризуются быстрым покризисным ростом («отскоком») и возвращением объемов потенциального выпуска на траекторию долгосрочного тренда всего через 2-3 года после их окончания. Особенно сильно кризисы влияют на основной капитал. Если оценивать их влияние на отдельные компоненты потенциального выпуска, можно обнаружить, что примерно через три года негативное влияние на трудоемкость и общую факторную производительность снижается, тогда как влияние на

капитал продолжает расти (рисунок 3.1.3). Представляет, в этой связи, интерес анализ влияния коронакризиса на банковский сектор.

Источник: ЕЦБ, см.: https://www.ecb.europa.eu/pub/economic-bulletin/focus/2021/html/ecb.ebbox202008_01~e038be4510.en.html.

Рисунок 3.1.3 – Влияние финансового кризиса на отдельные компоненты потенциального выпуска.

Российский банковский сектор продолжает испытывать трудности из-за наблюдаемой в последние годы серии шоковых воздействий на экономику, которые приобрели характер «турбулентности». Несмотря на ряд поддерживающих мер со стороны правительства и центрального банка, очевидные проблемы малого и среднего бизнеса напрямую влияют на устойчивость банков.

На конец января 2021 года доля просроченных потребительских кредитов (отсутствие платежей больше, чем 90 дней) увеличилась до 23,5%, тогда как в тот же период 2020 года эта доля составляла 17,8% (см.: <https://tass.ru/ekonomika/10876193>). При этом, выросли риски кредитования в иностранной валюте из-за очередного витка санкционного противостояния, ослабления рубля и перебоев во внешней торговле из-за пандемии.

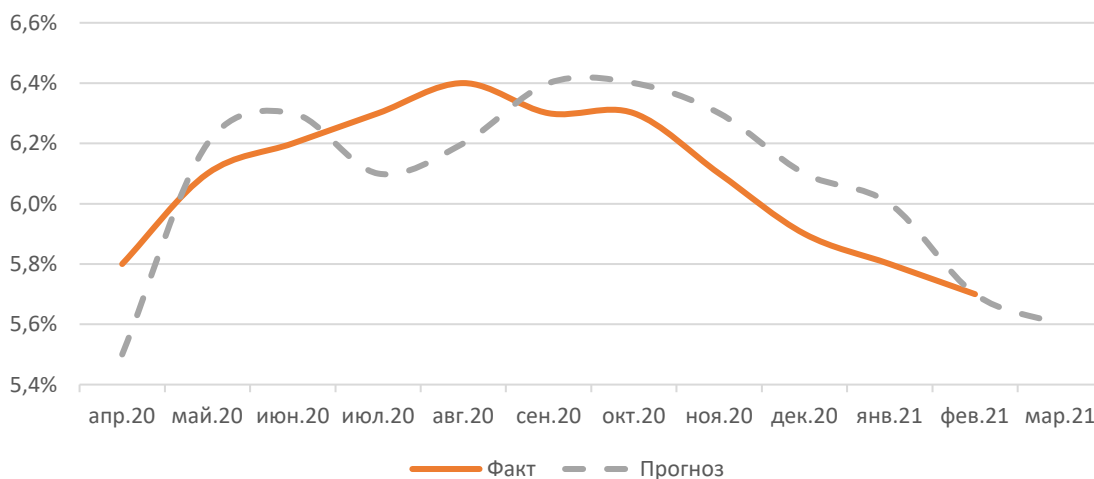
Положительным моментом в этой связи является то, что уровень долларизации в российском банковском секторе продолжает снижаться – кредиты в иностранной валюте составляют примерно 19% от общего объема кредитов, а депозиты – 27%. По сравнению с началом 2015 года, эти показатели ощутимо снизились – с 25% и 36%, соответственно. Это обусловлено возросшим риском из-за волатильности курса рубля и серьезным снижением депозитных ставок.

За первые 9 месяцев 2020 года прибыль крупных и средних предприятий вследствие пандемического шока сократилась на 40% по сравнению с тем же периодом годом ранее. Наибольшие проблемы испытала туристическая отрасль, авиапассажирские и железнодорожные перевозки. Малые и средние предприятия, на долю которых приходится порядка 20% российского ВВП, несмотря на все поддерживающие меры (выплаты со стороны государства на сохранение зарплат, поддержка самозанятых, налоговые послабления, приостановка проверок бизнеса и др.), пострадали сильнее всего.

Пандемия COVID-19 не только затронула в основном трудоемкие отрасли, но и по объективным причинам сократила предложение рабочей силы. Поэтому влияние этого кризиса на трудоемкость в потенциальном выпуске может быть гораздо серьезнее. К отраслям, наиболее пострадавшим от мер по сдерживанию распространения коронавирусной инфекции, можно отнести розничную торговлю, общественное питание, туризм, индустрию развлечений и сферу услуг в целом.

За время пандемии заметно вырос уровень безработицы в России – с 4,6% в октябре 2019 года до 6,4% в августе 2020 года. Это самый высокий показатель за предшествующие 8 лет (рисунок 3.1.4). При этом, во время кризиса 1998-1999 годов официальные показатели уровня безработицы достигали 14,6%, а в 2008-2010 годах находились в диапазоне 6-10%. Это позволяет сделать вывод, что уровень безработицы, хоть и является достаточно высоким, не катастрофичен. Очевидно, что сокращение

количества рабочих мест и понижение заработной платы привели к закономерному снижению личного располагаемого дохода домохозяйств. Согласно одному из последних докладов Всемирного банка (см. Russia Economic Report #44), уровень бедности в России увеличился с 12,3% в 2019 году до 13,2% в 2020 году.

Источник: Росстат, см.: <https://ru.investing.com/economic-calendar/russian-unemployment-rate-556>.

Рисунок 3.1.4 – Уровень безработицы в России, %.

В то же время, следует отметить, что пандемический шок создал предпосылки для ускорения структурных преобразований в экономике, в частности – связанных с переходом к новому технологическому укладу. Несмотря на то, что кризис, вызванный COVID-19, негативно влияет на продуктивность в экономике, цифровизация различных областей общественной жизни (образования, экономики, культуры, сервиса и др.) может привести к положительным изменениям в долгосрочной перспективе. Действительно, среди положительных последствий пандемического шока можно назвать мощный импульс, данный развитию сектора цифровой экономики.

Следует отметить комплексное влияние рассматриваемого неэкономического шока на экономику. Пандемия коронавируса и реакция на нее со стороны властей привели не только к появлению новых, но и к обострению старых проблем – рост государственных и частных долгов, социальное неравенство, климатические изменения и др. Режим самоизоляции и политический ответ на COVID-19 спровоцировали «двойной» шок для экономики: в первую очередь из-за «закрытия» Китая и остановки производств, во вторую – из-за падения спроса на ряд товаров и услуг из-за всеобщего карантина.

Из-за прекращения поставок с китайских фабрик и заводов, компании по всему миру, в том числе в России, были вынуждены сократить или даже приостановить свою деятельность из-за нехватки нужных компонентов. При всех попытках контролировать пандемию, сделать это невозможно, поэтому экономики всех стран мира так или иначе пострадали от последствий коронавируса. В отчете МВФ (октябрь 2020 г., см.: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/09/30/world-economic-outlook-october-2020>) утверждается, что наиболее уязвимыми в этих условиях остаются развивающиеся страны. Более 90 миллионов человек в них могут оказаться за чертой бедности.

При этом, из-за устойчивости и масштабов китайской экономики, относительные показатели развивающихся стран искажаются и не могут отражать реального положения дел. Так, например, в некоторых странах Латинской Америке падение ВВП в 2020 году достигло 8%. Африканский континент потерял 3% своего ВВП, будучи относительно устойчивым, хоть некоторые страны и оказались в сложной ситуации, например Южная Африка, ВВП которой снизился на 8%.

Отличительной чертой коронакризиса является высокий динамизм макроэкономических показателей: в период между «волнами» коронавируса отмечается восстановление экономики. Так, в третьем квартале 2020 года рост

в целом по Европе составил 12,7%, во Франции – 18,2%. Несмотря на этот рост, европейский ВВП сократился на 6,8% за 2020 год. Стоит отметить, что зависимость практически всех стран от китайских производств может подтолкнуть власти других стран мира (как это произошло в России после введения против нее в 2014 экономических санкций⁵⁶) к перезапуску промышленных производств и локализации части продукции, запуску национальных программ импортозамещения. Однако, если это и произойдет, на это уйдут годы, а в среднесрочной перспективе это приведет к росту цен на конечную продукцию.

Таким образом, наш краткий анализ позволяет сделать вывод, что пандемия коронавируса оказала огромное влияние на мировую экономику, что привело к обострению существующих и появлению новых проблем, таких как социальное неравенство, бедность, безработица и др. Вследствие этого, в большинстве стран мира, в том числе в России, снизился уровень национальной экономической безопасности. Из-за различных ограничительных мер, нацеленных на то, чтобы замедлить распространение коронавируса, мировой ВВП сократился на 4,3%, что более чем в два раза превышает падение 2009 года.

Любой финансовый кризис влияет на спрос и конечного потребителя. При этом, из-за снижения спроса в итоге страдает и предложение. В коронакризисе ущерб бизнесу был нанесен сразу с двух сторон: принудительное закрытие на период карантина, снижение финансовых возможностей потребителей, изменяющиеся потребительские привычки – все эти факторы приводят к исчезновению множества организаций.

Существует общепринятое мнение, что кризисы saniруют, оздоравливают экономику, так как с рынка исчезают неэффективные фирмы.

---

⁵⁶ Пролубников А.В., Плотников А.В. Направления трансформации государственной экономической и промышленной политики в условиях экономических санкций и развития процессов импортозамещения // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2015 № 2 (24). С. 45-50.

Однако, помимо этого, согласно «эффекту рубцевания», огромное количество компаний, которые в будущем могли бы стать лидерами рынка, попросту исчезают, не имея за счет своей молодости и отсутствия резервных капиталов, возможности пережить кризис. Считается, что эффект санации рынка не может покрыть ущерб, нанесенный «эффектом рубцевания».

Несмотря на то, что этот кризис, в общем и целом, отрицательно влияет на национальную экономику, стоит отметить, что он создал серьезные предпосылки для масштабных структурных преобразований в экономике, связанных, в частности, с переходом к новому технологическому укладу. В долгосрочной перспективе это может привести к положительным изменениям в экономике страны.

Механизм влияния неэкономического шока, рассмотренный на примере пандемического шока, на национальную экономическую безопасность включает, таким образом ряд каналов воздействия:

- прямое количественное влияние в форме спада экономической активности, сопровождающегося ростом безработицы, массовых банкротств бизнес-структур, роста дефицита бюджетов бюджетной системы страны и т.д.;

- структурное влияние в форме перераспределения экономической активности между секторами экономики, изменения структуры внешнеэкономической деятельности, внедрения новых технологий (например, в период пандемии COVID-19 произошло массовое внедрение цифровых технологий для удаленной работы);

- косвенное влияние в виде ухудшений в неформальных институтах: снижение оптимизма в оценках перспектив развития бизнеса, рост инфляционных ожиданий, страх неожиданных негативных изменений и др.;

- пролонгированное влияние, наблюдаемое в форме рубцового эффекта, что вызывает торможение постшокового развития и затрудняет реализацию мер по восстановлению экономики и перезапуску механизмов экономического роста.

Сравнение динамики влияния на российскую экономику двух последних по времени неэкономических шоков (пандемия Covid-19, 2020 г.; массированные антироссийские санкции, 2022 г.), указывает на наличие в этой динамике существенных различий, что позволяет *предложить авторскую типологию шоков и раскрыть механизм их влияния на национальную экономику и национальную экономическую безопасность.*

Макрошок 2020 года носил импульсный характер: вызванные пандемией Covid-19 ограничения для ведения хозяйственной деятельности активно вводились в 2020 году, но к настоящему времени практически повсеместно и полностью отменены⁵⁷. С некоторой долей условности, математически, пандемический макрошок может быть описан δ -функцией Дирака, которая представляет собой моментальный и значительный по мощности импульс внешнего воздействия на ту или иную систему:

$$\delta(t) = \begin{cases} +\infty; & t = t_1 \\ 0; & t \neq t_1 \end{cases} \quad (3.1.1)$$

где $\delta(t)$ – функция Дирака;

t_1 – момент времени прохождения импульса.

При таком математическом описании пандемического макрошока, которое близко по своей сути к фактически наблюдавшейся динамике, после прохождения импульса Дирака внешнее воздействие на экономическую систему, которая обладает значительной инерционностью, прекращается. И система возвращается к своему исходному состоянию. Причина этого возврата – именно инерционность крупных систем, в том числе экономических⁵⁸.

---

⁵⁷ Строго говоря, с позиций нормативно-правового регулирования, они сохраняются. Например, постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 28 марта 2024 года № 193 «О внесении изменений в постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13.03.2020 № 121» в городе продлены антиковидные ограничения до конца 2024 года. Но эти ограничения весьма мягкие, они не оказывают существенного негативного влияния на деятельность хозяйствующих субъектов и социальную активность в Санкт-Петербурге.

⁵⁸ Павлов К.В. Инерционность социально-экономических и экологических систем // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2007. № 7. С. 22-27.

Подобное представление динамики экономики позволяет разработать довольно очевидный подход к нейтрализации связанных с рассматриваемым макрошоком угроз экономической безопасности. Основные усилия следует сосредоточить на противодействии наблюдаемому импульсному воздействию, недопущении его пролонгации, пресечении возможных его вторичных последствий. Именно такого рода антикризисные меры предпринимались в период пандемии.

Например, приостановившие хозяйственную деятельность из-за социальных ограничений (т.е. ограничений на личное общение между сотрудниками и клиентами в процессе осуществления основной деятельности) организации дополнительного профессионального образования могли рассчитывать на налоговые послабления и бюджетные субсидии⁵⁹. Все такого рода меры поддержания стабильности экономики и защиты ее от угроз экономической безопасности имеют тактический горизонт осуществления, т.к. вызвавшее шок внешнее воздействие (в рассмотренном случае – пандемия Covid-19 и связанные с противодействием распространению инфекционного заболевания ограничительные меры властей) является краткосрочным по своей природе.

Задача при таком развитии событий состоит в том, чтобы «переждать» этот краткосрочный шок, не допустив кардинального нарушения сложившейся организации процессов в экономике. Важно отметить, что основной вектор управленческих усилий в этом случае направлен на сохранение (в общих чертах) того состояния экономики, которое наблюдалось в дошоковый период. В этой связи, после прохождения шока и нейтрализации его последствий экономика возвращается к той же (или близкой) траектории развития, которая была присуща ей ранее.

---

⁵⁹ Плотников А.В. Влияние пандемии на отдельные отрасли экономики (на примере образования) // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2020. № 4 (46). С. 40-44.

Второй из рассматриваемых макрошоков – санкционный, при всей схожести его проявления (по крайней мере, если судить по динамике ВВП), имеет иную системную природу, для его математического описания в большей степени подходит ступенчатая функция Хэвисайда:

$$h(t) = \begin{cases} 0; & t < t_1 \\ A; & t \geq t_1 \end{cases} \quad (3.1.2)$$

где $h(t)$ – функция Хэвисайда;

A – константа (в случае нормирования, можно полагать, что $A = 1$).

Это означает, что после прохождения импульса внешнего воздействия на экономическую систему, это воздействие не прекращается, а продолжается в течение неопределенно длинного срока. То есть шоковое воздействием имеет не импульсный, но ступенчатый характер.

Именно такую ситуацию мы имеем с антироссийскими санкциями, перспектива отмены или смягчения которых в настоящее время не просматривается. Напротив, после введения первых «пакетов» санкций предпринимаются систематические меры со стороны правительств недружественных стран по усилению санкционного режима для России, пресечению возможных способов «обхода» санкций и избегания их негативного влияния на отечественную экономику.

Как заявил на заседании президиума Госсовета по вопросам развития промышленности в условиях санкций 4 апреля 2023 года Президент РФ В.В. Путин, «все мы понимаем, санкции, конечно, надолго. Поэтому наряду с первоочередными мерами замещения импортных технологий и продуктов здесь нужны средние и долгосрочные преобразования, направленные на стратегические цели именно суверенного развития страны» (цит. по: <https://www.interfax.ru/russia/894353>).

В этой связи, «посткризисный отскок» в динамике ВВП, произошедший в России в 2023 году, не должен быть поводом для представлений о том, что российская экономика успешно преодолела санкционный макрошок. Преодолеть его в столь короткий период невозможно, возможно лишь

купировать его наиболее острые последствия. Эта важная, но всё же тактическая задача решена довольно успешно, по крайней мере на сегодняшний день.

Но для того, чтобы говорить об ее успешном решении в средне- и долгосрочной перспективе, требуется принятие мер стратегического характера, направленных на проведение институциональных и структурных реформ в российской экономике, что выходит за рамки традиционных антикризисных мер.

По сути, речь идет о том, что применительно к современной России вновь уместно употребление получившего популярность в 1990-е гг. термина «страна с переходной экономикой», в том числе получившего отражение в официальной терминологии Международного валютного фонда. Только в те годы происходила перестройка экономики в направлении от плановой к рыночной организации экономической жизни, ныне же мы, по всей видимости, будем наблюдать в чем-то зеркальный процесс.

Конечно, речь о восстановлении советской системы планового хозяйствования сегодня не идет, отказываться от разумного использования потенциала предпринимательской инициативы в современной России, по нашему мнению, не следует. Но привнесение в существующую систему хозяйствования элементов плановости, директивности, мобилиционности в современных условиях целесообразно⁶⁰.

---

⁶⁰ Бодрунов С.Д. План и рынок: перспективы интеграции // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. № 2. С. 190-203.

Вертакова Ю.В. Развитие системы индикативного и стратегического планирования при реализации государственной экономической политики на всех уровнях управления // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7, № 4 (25). С. 30-56.

Гиоев Г.В., Комаров М.И., Кузин Н.Н. Мобилизационная экономика как приоритетная модель экономического развития в современных условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 278-283.

Плотников В.А. Мобилизационная модель национальной экономики: теоретические подходы к формированию и оценка перспектив реализации в современной России (литературный обзор) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2023. № 3. С. 15-33.

В этой связи, политика экономической безопасности, по нашему мнению, должна изменить свой характер, основное ее содержание должны в изменившихся условиях составлять не меры по поддержанию заданных Стратегией экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года индикаторов в установленных диапазонах, недопущению пересечения ими пороговых значений, но усилия по осуществлению системной модернизации экономики страны. При этом, безусловно, указанная модернизация должна осуществляться по единому замыслу, контуры которого обозначены в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

Таблица 1.3.1 – Механизм влияния неэкономического шока на национальную экономику и национальную экономическую безопасность (разработано автором)

Тип шока	Математическое описание	Методы преодоления	Целевые последствия
Импульсный	Функция Дирака	Тактические	Возврат экономики в исходное состояние (на исходную траекторию развития)
Ступенчатый	Функция Хэвисайда	Стратегические	Перевод экономики в новое состояние (на новую траекторию развития)

Резюмируя приведенные выше рассуждения, можно отразить их в формате таблицы 3.1.1. При этом, существенно различаются не только

механизмы развития кризисных явлений в экономике, вызванные указанными в таблице альтернативными типами шоков, но и оценка их последствий – с позиций достижения экономической безопасности, что отражено в таблице 3.1.2, имеющей матричный вид.

Таблица 1.3.2 – Характеристика воздействия неэкономического шока на обеспечение национальную экономическую безопасность, в зависимости от типа шока (разработано автором)

	Экономическая система восстановилась	Экономическая система изменилась
Импульсный шок	Экономическая безопасность <i>обеспечена</i> , т.к. экономика не среагировала на шок, выдержала его негативное влияние	Экономическая безопасность <i>не обеспечена</i> , т.к. экономика выведена из равновесия за счет шокового воздействия
Ступенчатый шок	Экономическая безопасность <i>не обеспечена</i> , т.к. экономика не смогла адаптироваться к изменившимся условиям	Экономическая безопасность <i>обеспечена</i> , т.к. экономика адаптировалась к шоку

3.2 Методический подход к нейтрализации последствий неэкономических шоков в национальной экономике на основе использования инструментария мобилизационной экономики

Российская экономика с начала 2022 года находится под влиянием серьезного макроэкономического шока, вызванного беспрецедентным санкционным давлением со стороны США и их геополитических союзников, поводом для которого стало начало по решению Президента Российской

Федерации специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины. «Количество санкций, введенных против России после начала спецоперации, уже превышает 8 тыс. Общее их количество, считая с 2014 года, приближается к 11 тыс. Это в три раза больше, чем у Ирана, занимающего второе место среди самых подсанкционных стран» (цит. по: <https://www.kommersant.ru/doc/5423114>).

Среди санкционных мер – заморозка российских золотовалютных резервов, отключение российских банков от системы международных платежей SWIFT, запрет на поставки ряда промышленных товаров, эмбарго на закупки российских энергоносителей, запрет транспортного сообщения с Россией и мн. др. Эти меры весьма разнообразны, и деятельность по изобретению все новых санкций правительствами недружественных стран продолжается; судя по всему, она далека от завершения.

Так, на портале нормативно-правовой информации «Гарант» размещен «Путеводитель по санкциям и ограничениям против Российской Федерации (после 22 февраля 2022 г.)» (см.: <https://base.garant.ru/57750632/>). В этом реестре собраны и систематизированы данные обо всех санкциях, введенных против России недружественными странами после начала специальной военной операции. Их количество весьма велико. Например, по направлению «Государственный долг и инвестиции» по состоянию на конец апреля 2024 года в реестр было включено 44 укрупненных (состоящих из ряда частных рестрикций) санкционных ограничений. Этот реестр пополняется буквально в еженедельном режиме.

Вызвали ли санкции в российской экономике системный кризис, на что так рассчитывали авторы этих санкций? Ответ на этот вопрос не так очевиден, как кажется. Ряд специалистов указывают на то, что, скорее, кризиса пока что не наблюдается. Дело в том, что негативные эффекты санкций не проявились ещё в полной мере. Это связано с двумя обстоятельствами:

во-первых, многие конкретные санкции носят пролонгированный характер, зачастую санкции анонсированы, но вводятся спустя определенное время, порой довольно длительное, поэтому они не успели еще оказать свое вредоносное действие на экономику России;

во-вторых, санкции – «обоюдоострое оружие», они затрагивают международные экономические связи России, поэтому оказывают негативное влияние и на те страны, которые эти санкции вводят; стремясь сократить этот вред, страны-авторы санкций сами следуют схемам их обхода. Характерный пример здесь – массированные закупки российских углеводородов европейскими странами в 2022 году накануне введения запрета на поставки, что существенно увеличило цены и позволило России нарастить выручку от продаж даже в условиях физического сокращения объемов экспорта. Это четко прослеживается на диаграмме, приведенной на рисунке 2.3.1.

Тем не менее, по мнению автора, это лишь временный эффект: макроэкономические показатели под влиянием турбулентности, вызванной антироссийскими санкциями, постепенно ухудшаются, с течением времени происходит накопление негативных эффектов. В результате проявления этих эффектов усиливается давление на национальную экономическую безопасность. Таким образом, по нашему мнению, российская экономика постепенно «втягивается в кризис», причем кризис этот (на фоне наблюдаемых тенденций увеличения ВВП) носит не классический, а институциональный и структурный характер, в частности, он связан с недостаточным уровнем технологического суверенитета, на что мы обращали внимание выше.

Если сравнить периоды непосредственно постшокового развития в 2020 и 2022 гг., то можно сделать вывод, что траектория падения ВВП в 2022 году была иная, чем это было в 2020 году, когда наблюдался кризис, вызванный пандемией Covid-19. Тогда и падение, и последующее восстановление экономики носили более резкий характер, от санкционного шока процессы

изменений в национальной экономике более плавные, постепенные. Но это не должно успокаивать. Отличие современного кризиса от пандемийного состоит в том, что современный кризис не может быть преодолен без структурной перестройки национальной экономики.

В период разрастания пандемия Covid-19 производство и потребление (не только в России, но и во многих других странах мира) резко сжались в острой фазе нарастания заболеваемости (и сжимались в дальнейшем неоднократно, по мере наступления очередных «волн» этого инфекционного заболевания), то потом столь же динамично происходило восстановление, после прохождения очередной «волны» Covid-19 в силу того, что кардинальных изменений структуры и производства, и потребления не происходило.

Порождаемый пандемией макроэкономический шок носил ярко выраженный внешний для экономики характер. И как только давление этого внешнего шока ослабевало, наблюдалось довольно быстрое восстановление количественных показателей экономики, без существенных корректив показателей качественных.

В отличие от этого санкции, несмотря на высказываемый некоторыми специалистами сдержанный оптимизм относительно их временного характера (например, министр финансов США Дж. Йеллен в интервью *The Wall Street Journal* заявила: «Я допускаю, что в контексте какого-то мирного соглашения корректировка санкций возможна и может быть уместной» (цит. по: <https://www.rbc.ru/politics/13/11/2022/637107b39a7947228adcc42e>)), по нашему мнению, носят долгосрочный характер. Говорить об их отмене в разумной перспективе нет оснований, разве что о некоторой корректировке состава конкретных санкционных мер, что постоянно происходит, но без излишнего медийного сопровождения. Следовательно, и вызванный ими кризис будет носить долгосрочный характер. И завершится он лишь в случае проведения достаточно масштабной структурной перестройки российской экономики.

Мнение о необходимости такого рода перестройки, о том, что она давно назрела, а российская экономика нуждается в реиндустриализации, неоднократно высказывались и ранее, но именно современные антироссийские санкции стали тем «спусковым крючком», который инициировал соответствующие процессы. Здесь мы хотели бы обратить внимание на важную особенность, касающуюся восприятия идеи структурной перестройки российской экономики как механизма преодоления современного кризиса.

Эта идея, как правило, рассматривается с позиций изменения географии внешнеэкономических связей, наращивания импортозамещения и снижения импортозависимости национальной экономики, формирования новых отраслей промышленности, в том числе инновационно-ориентированных и высокотехнологичных и т.д.⁶¹ Но вопрос регулирования этих процессов в прямой постановке ставится недостаточно активно. Точнее речь идет, скажем так, от «техническом» уровне регулирования, который не подразумевает проведения кардинальных институциональных реформ. «Стратегический» же уровень регулирования практически не рассматривается, т.к. такого рода меры сопряжены с довольно существенными институциональными реформами.

Между тем, этот вопрос имеет принципиальный характер, что отражено в трудах научной экономико-теоретической школы Санкт-Петербургского государственного экономического университета, исследования которой ориентированы на поиск эффективного соотношения в экономическом регулировании на национальном уровне плановых (ориентированных на использование институтов централизованного управления) и рыночных (ориентированных на использование институтов саморегулирования и самоорганизации) инструментов⁶².

---

⁶¹ Заметим, что многие из этих инструментов, в контексте обеспечения национальной экономической безопасности, рассмотрены нами в предшествующих материалах диссертации.

⁶² Влияние характеристик реального сектора на формирование противоположных типов хозяйственных систем: монография. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022. 353 с.

Общепризнанным является факт, что большинство современных экономических систем (и Россия – не исключение) являются смешанными, в них в той или иной пропорции сочетаются рыночные и плановые подходы к регулированию⁶³. И от соотношения в использовании плановых и рыночных инструментов регулирования во многом зависят статические и динамические характеристики национальной экономики (темпы экономического роста, отраслевой состав экономики, ее инновационная восприимчивость и др.).

Рыночные механизмы в преодолении современного кризиса в России, вызванного санкционным макрошоком, по нашему мнению, не могут дать достаточного результата. Точнее, они его дать могут, но время, когда этот результат будет получен, к сожалению, не может быть достаточно точно определено. Это – общий, принципиальный недостаток моделей рыночного равновесия, на который не принято обращать внимания в традиционных современных учебниках экономической теории (микро- и макроэкономики), выстроенных на методологии неоклассической школы, в основе которой по-прежнему лежит смитовский тезис о «невидимой руке рынка».

Мы в данном случае не подвергаем сомнению этот тезис, но указываем на его непрагматический характер, на наличие многочисленных примеров, в том числе из российской практики, когда «невидимая рука рынка» на

Государство и рынок в оптимизации структурных характеристик экономического роста: монография. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. 475 с.

Государство и рынок: механизмы взаимодействия в условиях глобальной нестабильности экономических систем: монография. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2014. 706 с.

Структурная трансформация экономики: соотношение плановых и рыночных механизмов реализации: монография. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. 336 с.

⁶³ Воейков М. Евразийская "теория хозяйствования" как составная часть российской экономической школы // Вопросы экономики. 2003. № 12. С. 95-110.

Дасковский В.Б., Киселев В.Б. Контуры новой модели развития экономики России. М.: Канон+, 2013. 592 с.

Соловьев Д.П. Российская модель смешанной экономики и развитие реального сектора // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2014. № 2 (5). С. 216-220.

Татаркин А.И. Теоретико-методологические предпосылки формирования смешанной экономики Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 1 (43). С. 39-65.

срабатывала. В моделях установления рыночного равновесия отсутствует время, они носят концептуальный характер. Это не умаляет их значения в деле формирования экономического мышления, но делает их непригодными для прикладного использования, особенно в кризисных ситуациях.

Сегодня, с учетом жесткости сроков «экономического перезапуска» в России, от качества которого зависит не только срок выхода из кризиса, но и сохранение экономического и даже политического суверенитета страны, обеспечения не только экономической, но и национальной безопасности, востребованными оказываются модели мобилизационной экономики⁶⁴. И это подтверждается историческим опытом, как нашей страны, так и мировым.

Мобилизационная экономика строится на концепте сильного государства, которое активно вмешивается в хозяйственные процессы, в том числе прибегая к прямому администрированию, вплоть до национализации отдельных, критически важных для экономического развития и обеспечения национальной безопасности предприятий. Эта модель критикуется представителями неоклассических взглядов, но эта критика в условиях, когда национальная безопасность, в том числе ее экономическая составляющая, находится в критическом состоянии, по нашему мнению, несостоятельна.

Правовая база для такого рода изменений, связанных с переходом к мобилизационной экономике, уже сформирована, хотя в общественном дискурсе это и не прозвучало. Указ Президента Российской Федерации от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» разработан и введен в действие, в том числе на основании

---

⁶⁴ Винслав Ю.Б. Мобилизационная экономика как технология государственного управления в условиях тотальных санкций // Российский экономический журнал. 2022. № 4. С. 4-29.

Гришков В.Ф., Плотников В.А., Фролов А.О. Мобилизационная экономика в современной России: теоретические аспекты // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 3 (135). С. 7-13.

Митяков С.Н. Модель мобилизационной экономики // Развитие и безопасность. 2022. № 1 (13). С. 16-33.

федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации».

Между тем, в этом законе в явном виде предусмотрено (ст. 1, п. 2), что мобилизация в Российской Федерации – это не только дополнительный призыв резервистов в Вооруженные Силы Российской Федерации, но и «комплекс мероприятий по переводу экономики Российской Федерации, экономики субъектов Российской Федерации и экономики муниципальных образований, переводу органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций на работу в условиях военного времени». То есть основой мобилизации в российском институциональном поле является мобилизация экономики, перевод ее на работу по особым, высокоимперативным (соответствующим условиям военного времени) правилам.

Но никаких мероприятий по широкомасштабному переводу экономики и органов управления на работу в условиях военного времени мы пока что не наблюдаем. Единственный публичный пример такого рода – Указ Президента Российской Федерации от 21.10.2022 № 763 «О Координационном совете при Правительстве Российской Федерации по обеспечению потребностей Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов», которым сделана попытка ввести элементы жесткого администрирования в вопросах организации работы того сектора экономики, который ориентирован на удовлетворение оборонных нужд. Остальных же секторов экономики эти меры не касаются.

То есть, необходимые институциональные предпосылки для формирования в России модели мобилизационной экономики или инкорпорирования ее элементов в имеющуюся модель смешанной экономики на данный момент созданы. Но вопрос относительно того, как именно этот переход будет происходить, остается открытым. Сама же необходимость такого перехода представляется необходимой. Здесь уместно процитировать В.И. Ленина, который в статье «На деловую почву», опубликованной в газете

«Правда» № 38 от 1 марта (10 февраля) 1918 г. заявил: «Войну надо вести по-настоящему, или ее совсем не вести. Середины тут быть не может» (цит. по: <https://ru.citaty.net/tsitaty/616071-vladimir-ilich-lenin-voynu-nado-vesti-po-nastoiashchemu-ili-ee-sovsem-ne-v>).

Нам видится два возможных сценария построения механизма преодоления современного санкционного кризиса в России в рамках развития мобилизационной экономики.

Первый сценарий – развитие в русле дилеммы «план – рынок», путем запуска плановых механизмов регулирования, в том числе известных с советского периода, вытеснения этими плановыми механизмами механизмов рыночных. Это может происходить вплоть до восстановления управленческой триады советского народнохозяйственного комплекса: Госплан – Госснаб – Госкомцен.

Этот сценарий с высокой степенью вероятности, по нашему мнению, будет реализован по отраслевому признаку: элементы планирования (в том числе директивного) могут в первую очередь быть внедрены в оборонно-промышленном комплексе, в электронной промышленности и машиностроении, на магистральном транспорте и др. То есть в тех секторах экономики, которые обладают стратегической важностью и критически значимы для обеспечения национальной экономической безопасности. В частности, такое частичное огосударствление и мобилизация экономических ресурсов требуются в тех отраслях, где необходимо обеспечить технологический суверенитет.

Второй сценарий – отход от фактического господства неоклассической парадигмы в экономической политике и возрождение кейнсианства, которое очень хорошо зарекомендовало себя в различных странах мира в середине XX века. Как известно, Дж.М. Кейнс признавал необходимость сохранения рыночной модели хозяйствования, но призывал ограничивать проявления рыночных сил государственным регулированием.

Этот сценарий является более универсальным, чем первый, рассмотренный выше: он охватывает не отдельные отрасли, а всю экономику. Судя, по публичным заявлениям высшего руководства РФ (см., например, текст выступления 12 октября 2022 г. Президента России на пленарном заседании Российской энергетической недели), именно он на сегодня является приоритетным, отказа от рыночного устройства экономики и возврата к советской модели пока что не намечается.

Безусловно, на практике будет, скорее всего, реализован некий третий, смешанный сценарий, состав мероприятий которого будет определяться конкретными запросами практики хозяйствования и необходимостью защиты национальных экономических интересов, в том числе с учетом их конфликта с частными экономическими интересами, что особенно ярко проявляется при проведении экономической мобилизации.

То есть, исходя из современных складывающихся реалий, вероятнее всего, будет реализованный смешанный, гибридный сценарий развития, в рамках которого оба описанных выше «чистых сценария» будут реализованы в какой-то пропорции. В этой связи, вопрос конструирования и институционального закрепления соответствующего механизма требует дальнейшего исследования, автор планирует заняться этим в своей дальнейшей научной работе. Но, в любом случае, основной путь преодоления санкционного кризиса нам видится в выстраивании новой экономической модели, в которой произойдет ослабление рыночных начал в экономике.

Если абстрагироваться от текущих макроэкономических условий развития России и рассматривать не конкретный санкционный неэкономический шок, а иную аналогичную (шоковую) ситуацию, то следует признать, что эффективное преодоление кризиса невозможно осуществить в сжатые сроки и с приемлемой эффективностью без централизации имеющихся у общества ресурсов, что как раз и подразумевает проведение экономической мобилизации, хотя бы и не в полном масштабе, но частично (как это

произошло при объявлении в сентябре 2022 года в Российской Федерации частичной мобилизации).

По нашему мнению, можно рекомендовать первоочередное использование следующих конкретных *инструментов мобилизационной экономики*:

1) усиление государственного планирования, причем с акцентом не на индикативные методы, как это практикуется в рыночной экономике, а на директивные методы. Последние подразумевают не рекомендательный, рамочный характер планов, а их обязательный, директивный характер. Безусловно, такого рода планирование необходимо не во всех отраслях и секторах экономики, а лишь в тех, которые обладают стратегической важностью, являются критически значимыми. Это, прежде всего, оборонно-промышленный комплекс, энергетика и иные виды деятельности, связанные с жизнеобеспечением населения, а также отрасли, развитие которых обеспечивает достижение технологического суверенитета (их перечень рассматривался нами ранее, во 2 главе диссертации);

2) усиление планового начала в экономике требует надежного ресурсного обеспечения планов, в противном случае они будут декларативными, т.к. не будет создано материальных предпосылок для их выполнения. Следовательно, необходимо усиление государственного контроля над критически важными ресурсами, не только в части процессов их распределения и обращения, но и производства. В числе такого рода мер по ресурсному обеспечению развития можно назвать уже осуществляемый сегодня на легитимной основе параллельный импорт. Также требуется целевая поддержка производителей такого рода ресурсов, в части их субсидирования из бюджета⁶⁵, реализации проектов государственно-частного-партнерства⁶⁶,

---

⁶⁵ Кондратьев В.Б. Роль критически важных сырьевых материалов в условиях экономической неопределенности: опыт ЕС // Горная промышленность. 2022. № 4. С. 94-102.

⁶⁶ ГЧП в сфере промышленности / You & Partners. М., 2022. 19 с. URL: <https://rosinfra.ru/library/gcp-v-sfere-promyslennosti>.

внедрения механизмов проектного финансирования с использованием инфраструктурных облигаций⁶⁷ и др., и – возможно – создание соответствующих производств путем организации государственных или с государственным участием предприятий;

3) усиление степени государственного вмешательства в экономику, наблюдаемое при внедрении элементов мобилизационной модели, требует расширения государственных закупок. Решение стратегически значимых задач, связанных с достижением национальной экономической безопасности, приводит к необходимости увеличения объемов государственных закупок товаров, работ, услуг, потребных для выполнения стратегически значимых и критически важных задач национального развития и устойчивого функционирования экономики страны. При этом, потребуются изменение самого института государственных закупок, который должен приобрести более императивный характер, из «государственных закупок» трансформироваться в «государственный заказ»⁶⁸;

4) комплексирование государственной экономической политики, ее переориентация на сквозную поддержку субъектов системы производство – наука – образование (ПНО). О необходимости реализации специальной ПНО-политики специалисты заявляют достаточно давно⁶⁹, но, к сожалению, на практике она не получила достаточного развития. Между тем, решение задач

---

⁶⁷ Кутепова М.В., Плотников А.В. Перспективы использования инфраструктурных облигаций при реализации проектов развития в Арктической зоне Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10. № 2. С. 239-250.

Монетарные и финансовые инструменты стабилизации и развития экономики: монография. СПб.: Изд. СПбГЭУ, 2020. 290 с.

Плотников А.В. Механизм финансового обеспечения проектов социально-экономического развития // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2020. № 1 (43). С. 18-22.

⁶⁸ Рогатин С.И. Направления совершенствования регулирования экономических отношений в сфере государственного оборонного заказа // Управленческое консультирование. 2022. № 7 (163). С. 128-136.

⁶⁹ Производство, наука и образование в эпоху трансформаций: Россия в [де]глобализирующемся мире (ПНО-VI). Том 2. М.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2020. 448 с.

обеспечения национальной экономической безопасности и, в частности, достижение национального технологического суверенитета требует наличия развитой национальной научно-технической подсистемы, т.к. требуется активизация исследований и разработок.

Рисунок 3.2.1 – Внутренние затраты на научные исследования и разработки в Российской Федерации (построено автором по данным Росстата).

К сожалению, уровень финансирования науки в России существенно не меняется на протяжении достаточно длительного периода (см. рисунок 3.2.1), а вклад этого сектора в ВВП России систематически снижается (см. рисунок 3.2.2), даже несмотря на серию неэкономических шоков, генерирующих запрос на увеличение поддержки науки. Это требует ресурсного обеспечения, причем не только финансового и материально-технического, но и кадрового. Надо подчеркнуть, что необходимо организовать подготовку специалистов не только для работы в реальном секторе экономики, на производствах, на что обращают внимание многие авторы (см., например: <https://issek.hse.ru/news/>

897981056.html), но также управленцев, экономистов, юристов и т.д., обладающих компетенциями для работы в условиях мобилизационной экономики.

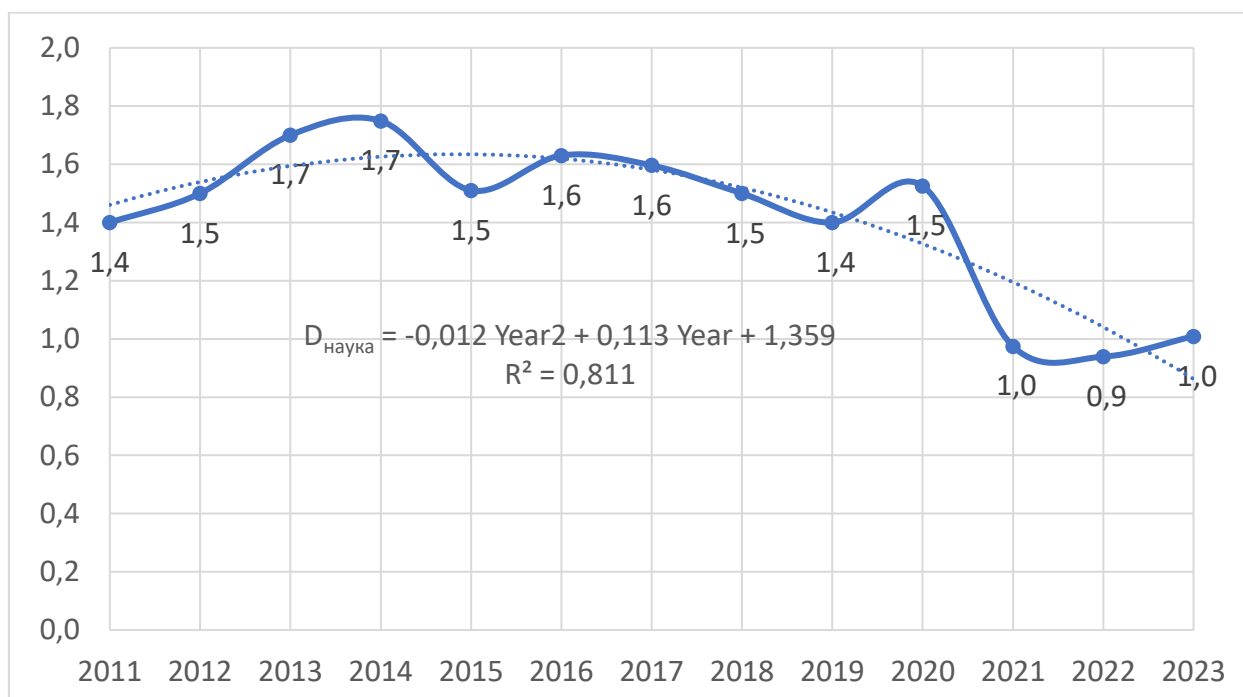

Рисунок 3.2.2 – Доля валовой добавленной стоимости отрасли российской экономики «Научные исследования и разработки» (код М72) в текущих основных ценах, % (построено автором по данным Росстата).

Активизация использования рассмотренных инструментов мобилизационной экономики позволит перестроить институциональную структуру российской экономики, условия развития которой в условиях санкционного неэкономического шока существенно видоизменились, адаптировать ее к этим новым условиям, чем обеспечить достижение приемлемого уровня национальной экономической безопасности.

3.3 Разработка управленческих рекомендаций по нейтрализации негативного влияния неэкономических шоков на реальный сектор экономики России

С позиций структурного анализа, в национальной экономике можно выделить реальный и финансовый сектора. Несмотря на то, что в целом в мире в экономике наблюдается процесс ее финансовализации⁷⁰, тем не менее, именно реальный сектор экономики (или, в марксистской трактовке, сектор материального производства), с позиций достижения ее устойчивости и обеспечения экономической безопасности играет определяющую роль⁷¹.

Это определяется тем, что изначально финансовый сектор формировался для обслуживания транзакций в реальном секторе экономики. И, несмотря на то, что в дальнейшем финансовый сектор существенно расширился и стал доминировать над реальным, во многом определяя тренды его развития, в кризисных ситуациях происходит изменение соотношения их ролей в экономической системе. Производство продукта (а именно это реализуется в реальном секторе) выходит на первый план.

Поэтому в условиях неэкономических шоков, оказывающих негативное воздействие на национальную экономическую безопасность, именно устойчивость реального сектора в наибольшей степени будет определять ее достижение. Этим обусловлена необходимость разработки рекомендаций по

---

⁷⁰ Верников А.В., Курышева А.А. Теоретические подходы к изучению финансовализации экономики // *AlterEconomics*. 2024. № 21 (2). С. 179-203.

Власкин П.Г., Теняков И.М. Влияние финансовализации на экономический рост в развитых и развивающихся странах // *Проблемы современной экономики*. 2023. № 3 (87). С. 94-99.

Дубинин С.К. Финансализация экономического роста и российская национальная финансовая система // *Финансы: теория и практика*. 2017. № 21 (4). С. 6-21.

⁷¹ Кемаев К.В., Кемаева М.В., Гриневич Ю.А. Развитие реального сектора как основной фактор устойчивости региональных экономических систем // *Научные исследования и разработки. Экономика*. 2023. № 1. С. 16-21.

Кожемяко О.Н. Экономическая безопасность реального сектора экономики страны: дисс. ... канд. экон. наук / Институт экономики РАН. М., 2003. 184 с.

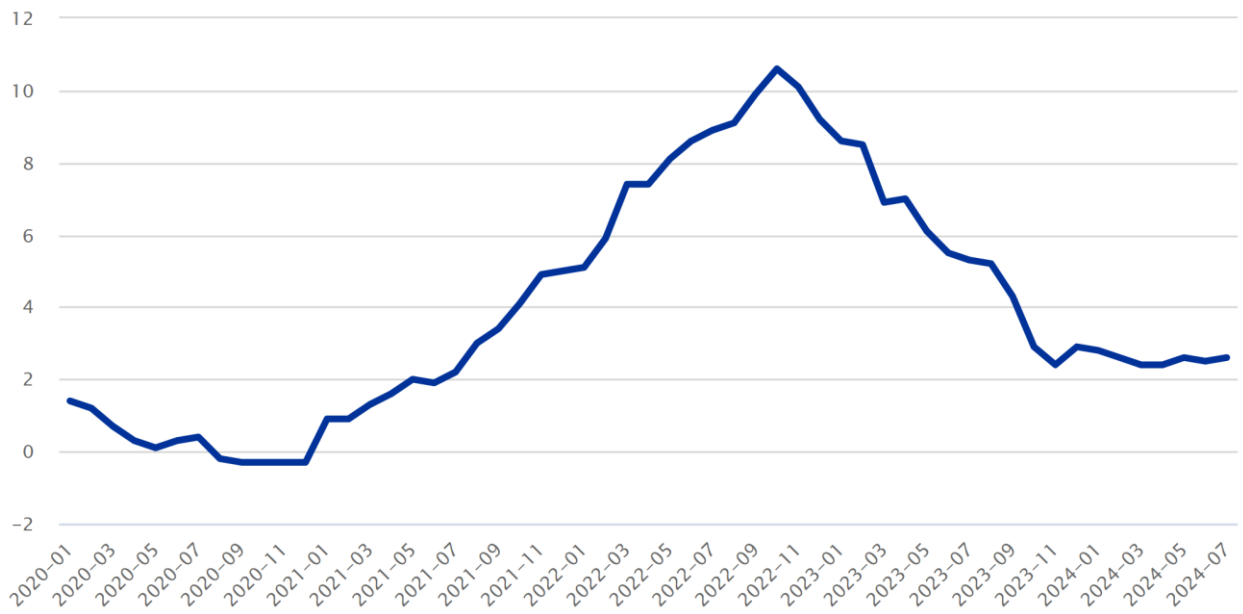
Родименкова М.О. Развитие и тенденции реального сектора экономики в современных экономических реалиях // *Московский экономический журнал*. 2023. № 4. С. 183-198.

нейтрализации негативного влияния неэкономических шоков на реальный сектор экономики России, за счет использования этих рекомендаций появляется возможность при наступлении шока эффективно ему противодействовать.

Как мы уже отмечали, в 2022 году, в очередной раз в XXI веке, кризис дестабилизировал мировую экономику. Триггером, спусковым крючком для такого развития событий послужила развернувшаяся «война санкций» между Россией и «коллективным Западом». Наложившись на процессы неустойчивого постковидного восстановления, введенные санкционные ограничения, затронувшие российский и мировой энергетический, продовольственный и финансовый сектора, оказали негативное влияние не только на экономику России, ставшую мишенью санкций, но и на экономики стран, эти санкции вводивших (и продолжающих вводить).

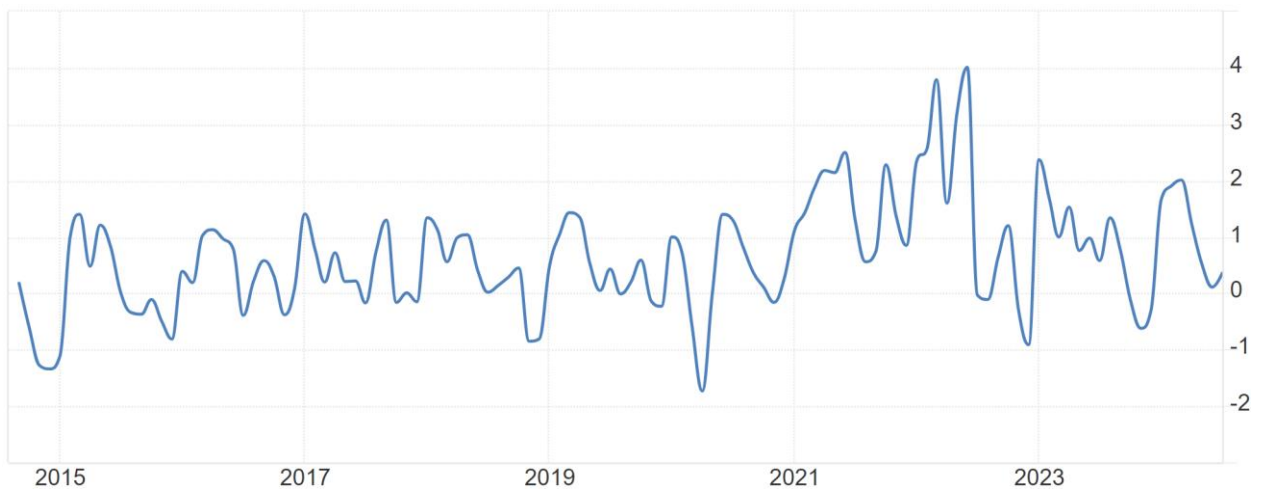
Например, в США и странах ЕС в 2022 году наблюдался всплеск инфляции, подобного которому не наблюдалось в течение ряда десятилетий. Это отражено на рисунках 3.3.1 и 3.3.2, на которых явно прослеживается этот всплеск. (Заметим, что доступ к данным U.S. Bureau of Labor Statistics – органа, который ведет учет и публикацию данных об инфляции в США, с российских IP-адресов в связи с санкциями заблокирован, поэтому при построении рисунка 3.2.2 мы использовали косвенные данные.)

Не в последнюю очередь современные кризисные явления обусловлены процессами глобализации, которые протекали на несимметричной основе, порождая многочисленные дисбалансы. Следует признать, что глобализация не только дала импульс экономическому развитию в мире, но и увеличила неравномерность этого развития, породив пласт межгосударственных экономических противоречий, которые не могли не вызвать кризиса, фундаментальной причиной которого является несбалансированность экономик Глобального Юга и Глобального Севера. Это породило угрозы национальной экономической безопасности международного характера.

Источник: Европейский Центральный Банк, см.: https://www.ecb.europa.eu/stats/macroeconomic_and_sectoral/hicp/html/index.en.html.

Рисунок 3.3.1 – Темпы инфляции в Еврозоне, год к году, %.

Источник: U.S. Bureau of Labor Statistics, см.: <https://tradingeconomics.com/united-states/consumer-price-index-cpi>.

Рисунок 3.3.2 – Темпы инфляции в США, год к году, %.

В складывающихся условиях вопросы эффективности развития, устойчивости социально-экономических систем, экономической безопасности снова становятся приоритетом государственной политики во многих странах, в том числе в России. Причем эти проблемы из академической плоскости переходят в плоскость практическую, требуя принятия действенных управленческих мер.

Следует отметить, что проблемы неустойчивости экономики, роста угроз экономической безопасности не являются исключительно следствием событий последних лет, когда в российской экономике проявились два последовательных неэкономических шока (ковидный и санкционный). В современных условиях эти проблемы лишь обострились, вызревали же они в течение длительного периода. Нестабильность финансовых рынков, рост цен на недвижимость, мошенничество с цифровой валютой, раздувание биржевых пузырей фиктивной капитализации, ограничение поставок продовольствия и проблемы на сырьевых рынках, в том числе – рынках энергоносителей, скачки валютного курса и многое другое проявлялось в мире на протяжении длительного времени.

Тем не менее, обострение проблем именно в 2022 году, наряду с попытками военного давления на Россию, шагами по ее экономической и политической изоляции, заставляет задуматься о необходимости усиления мер по обеспечению экономической безопасности нашей страны, причем может оказаться так, что меры эти придется принимать в мобилизационном режиме, на что мы указывали выше, отказавшись, по крайней мере частично, от де-факто сформировавшегося либералистского подхода к осуществлению экономической политики.

Вполне естественно, что этими вопросами, связанными с институциональной перестройкой (в том числе – проведением экономической де-мобилизации) придётся более плотно заняться по окончании кризиса, по крайней мере – его острой фазы, но институциональную основу для мер

защиты национальной экономики от новых угроз ее экономической безопасности следует формировать уже сегодня.

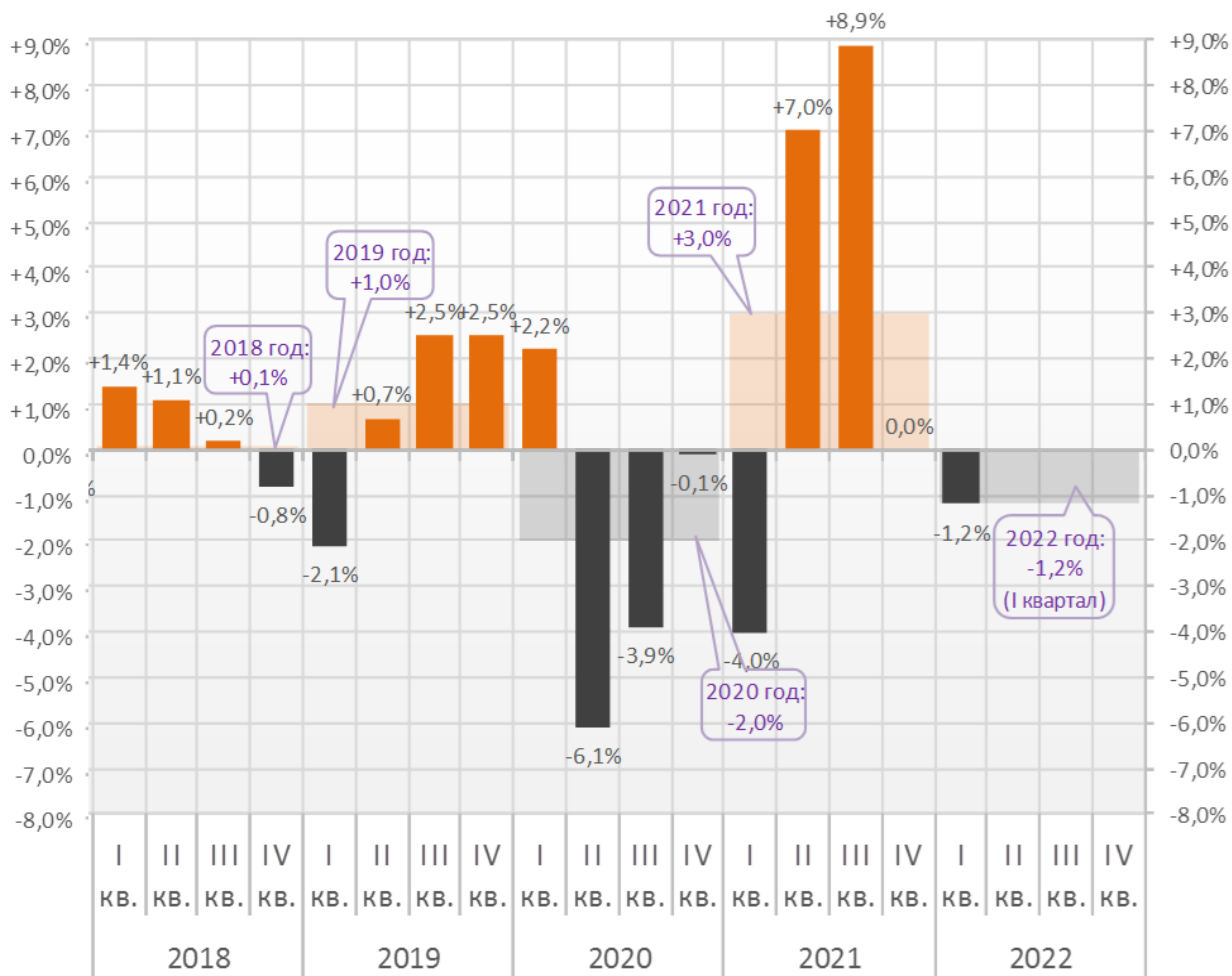
Что характерно, современный санкционный кризис, если рассматривать его развитие в ретроспективе, представляет собой «вторую волну» кризиса пандемического, который вызвал неэкономический шок мирового масштаба, затронув практически все страны мира. По данным ООН, «мировой ВВП в 2020 году снизился примерно на 4,3% – это самое резкое сокращение производства со времен Великой депрессии. Во время Великой рецессии 2009 года мировое производство сократилось на 1,7%» (цит. по: <https://www.kommersant.ru/doc/4661983>).

Сходство ситуации 2020 и 2022 гг. состоит в том, что в обоих случаях кризисные явления были инициированы импульсами неэкономической природы, что обеднило арсенал превентивных защитных мер, потребовало от правительств различных стран мира быстрых и решительных действий не только по купированию кризиса, но и формированию новой институциональной базы его преодоления. Следует отметить, что с позиций управленческих, с позиций реализации государственной политики, следует обратить внимание на то, что вызванные шоками кризисы затронули не только экономику, они распространяются и на социальную сферу.

Например, в период пандемии Covid-19 под влияние кризиса попала не только сфера экономики, но и социальная сфера – из-за переполненных лечебных учреждений откладывались плановые операции, к избыточной смертности от новой коронавирусной инфекции добавилась возросшая смертность от хронических заболеваний. То есть, пандемический шок не только ослабил экономическую безопасность, но и дестабилизировал социально-экономическую систему в целом, породил повышенное социально-политическое напряжение.

В этом, по нашему мнению, состоит особенность шоковых влияний на национальную экономику, которые затрагивают не только экономическую, но

и национальную безопасность в целом. Такое комплексное воздействие на социально-экономическую систему вызывает длительный период посткризисного восстановления. Например, реальные располагаемые доходы населения в России, снизившись в 2020 году, после посткризисного отскока в 2021 году, в 2022 году вновь испытали тренд на снижение (см. рисунок 3.3.3).

Источник: Росстат, см.: <https://erzrf.ru/news/rosstat-realnyye-raspolagayemyye-dokhody-naseleniya-v-i-kvartale-2022-goda-snizilis-na-12-grafiki>.

Рисунок 3.3.3 – Индекс реальных располагаемых доходов населения, в % к аналогичному периоду предыдущего года.

В дальнейшем, по итогам 2022 и 2023 года, формально говоря, реальные располагаемые доходы россиян существенно возросли – на 4,5% и 5,8% (год к

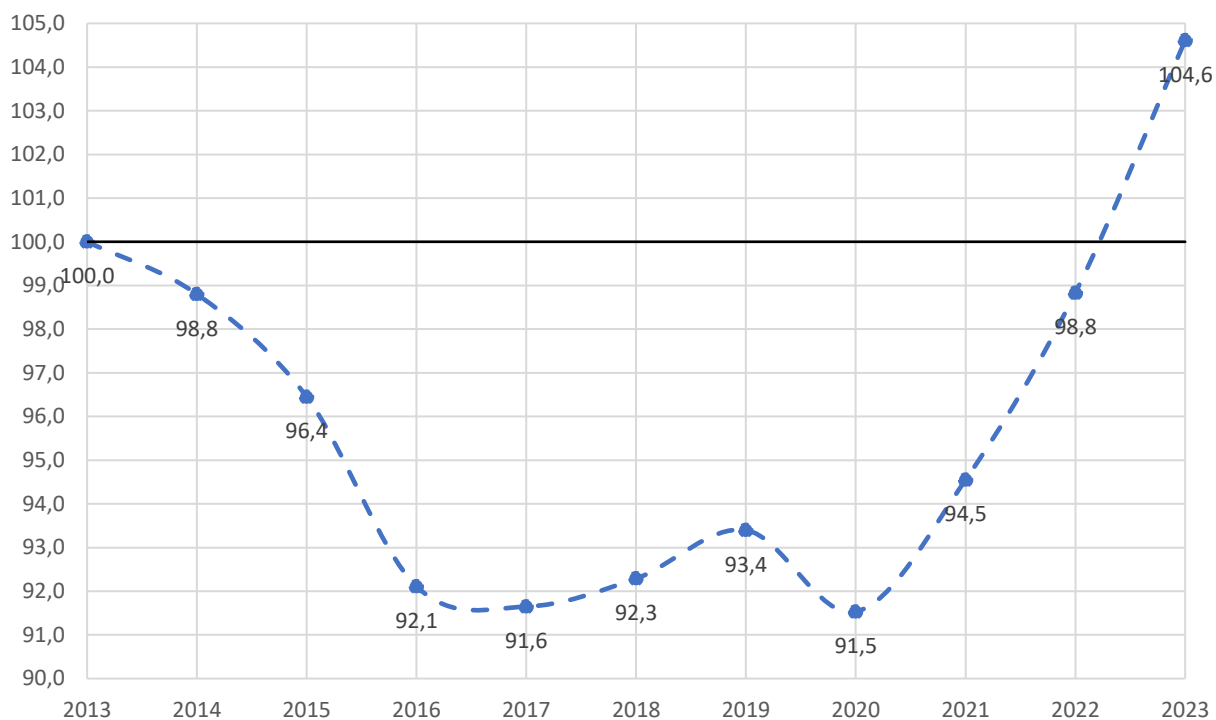
году), соответственно (см.: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397#>). Это дало основание утверждать, что шоковые явления и вызванные ими кризисные явления в экономике успешно преодолены. Но эти утверждения не вполне корректны, они не вполне коррелируют с данными социологических опросов (см. Приложение Д), кроме того, они учитывают динамику доходов населения только в краткосрочной перспективе, что делает подобный анализ необъективным.

На рисунке 3.3.4 приведена долгосрочная динамика индекса реальных доходов населения в РФ, которая указывает, что только в 2023 году этот показатель восстановился до того уровня, который наблюдался в 2013 году. Накопленный недополученный доход населения страны за период с 2014 по 2022 год (за 9-летний период) совокупно составил 50,4% дохода, который был получен в 2013 году. На наш взгляд, это существенная потеря, которая негативно сказалась и на экономическом росте, и на других макроэкономических показателях. Это свидетельствует о том, что в течение длительного периода национальная экономическая безопасность в РФ не обеспечивалась. И эти проблемы начались с «крымских» санкций, т.е. последствия этого шока 2014 года преодолевались в течение 10-ти лет.

Заметим, что одним из ключевых параметров, характеризующих неэкономический шок, является его внезапность, непредсказуемость. В этом кроются причины длительного восстановления экономики после шоков. Так, если рассмотреть пандемический шок 2020 года, то можно указать, что никакая из стран мира не была готова к довольно длительному периоду ограничительных мер (локдаун, ограничение передвижений как внутри стран, так и между ними, запрет на функционирование сферы услуг в привычном формате и т.д.).

Неподготовленность связана с тем, что ранее с такой ситуацией ещё никто не сталкивался: даже в январе-феврале 2020 года, когда проблема Covid-19 стала затрагивать многие страны, а Всемирная организация

здравоохранения стала публиковать тревожные прогнозы, не разрабатывались общие механизмы реакции, применимые для большинства стран. То есть, налицо эффект институционального запаздывания, который сам по себе является угрозой национальной экономической безопасности.

Рассчитано и построено автором по данным Росстата, см.: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397#>.

Рисунок 3.3.4 – Индекс реальных располагаемых доходов населения, % к базовому периоду (базовый период – 2013 г.).

Вполне естественно, что каждая страна, в частности – Россия, имеет свою специфику, и каждая страна вправе самостоятельно разрабатывать механизмы реакции на кризисные ситуации, но сообща бороться с возникающим кризисом гораздо проще. Реакция на кризисные явления с «горячей головой» и действия в одиночку вряд ли могут привести к предсказуемым результатам в дальнейшем.

Между тем, именно такого рода события наблюдались в 2020 году. Многие страны не то, что не принимали в расчет интересы своих партнеров, напротив, пытались решить свои проблемы за счет них. Характерным примером здесь являются факты «перехвата» произведенных в Китае партий средств индивидуальной защиты (медицинских масок) одними западными странами у других, которые широко обсуждались в 2020 году.

Из наблюдавшихся в период пандемии событий можно сделать вывод, что декларировавшаяся в рамках теории глобализации однородность мирового социально-экономического пространства не наступила, проблемы национальной экономической безопасности в кризисных условиях страны решают самостоятельно. Этот вывод делает необходимым перенос акцента в антикризисном регулировании на национальный уровень. При этом возникает резонный вопрос: почему вопросы экономической безопасности страны приходится решать по факту возникающих кризисов, а не готовить к ним частные и государственные учреждения, население заранее?

Этот вопрос обусловлен тем, что антикризисные меры довольно дорогостоящи. Так, масштабные меры государственной поддержки бизнеса и населения в период пандемии Covid-19 обошлись очень дорого – бюджетные вливания в 2020-2021 годах серьезно пошатнули финансовую стабильность многих стран, в том числе за счет т.н. «вертолетных денег» (см.: <https://ria.ru/20200424/1570491913.html>). Понятно, что перекладывать ответственность в случае потенциальных кризисов на бизнес неправильно и нецелесообразно – такой подход может привести только к росту недоверия к власти, что, в конечном итоге, может привести к сокрытию доходов, уходу от уплаты налогов и проч. И все эти негативные последствия являются ярко выраженными угрозами экономической безопасности страны.

Согласно данным МВФ по мировому долгу, объем мирового долга увеличился на 28 процентных пунктов в 2020 году. Глобальный долг рос с середины 2018 г., в I квартале 2022 года он достиг своего рекордного значения

в \$306 трлн. То есть, фактически ни одна страна в мире сегодня не застрахована от дефолта – ни развитые, ни развивающиеся экономики. Более того, развивающиеся страны в кризисе 2022 года не присоединяются к санкциям против России, что объясняется в том числе экономическими причинами: они являются импортёрами продукции, производят мало собственной продукции, или же эта продукция является специфической и не позволяет удовлетворить внутренний спрос.

В случае, если санкционное давление будет продолжаться и усугубляться – эти страны пострадают в первую очередь и сильнее всего. Дистанцирование от антироссийских санкций связано для этих стран со стремлением обеспечить собственную экономическую безопасность. Присоединившись к санкциям, многие из них, могут стать «жертвами» собственной подобной политики.

Возвращаясь к пандемийному кризису 2020 года, можно также отметить, что положительные результаты государственной политики всё-таки можно назвать. В первую очередь, это перестроение экономики, изменение ее структуры, развитие цифровых технологий, цифровой экономики, перевод части деятельности организаций в дистанционный формат, развитие сервисов доставки продукции и так далее.

Перестроение экономики неизбежно приводит к перестроению и адаптации управленческого аппарата. Неэффективные менеджеры, в теории, должны лишаться возможности управлять системообразующими организациями. На практике в бюджетных организациях такое происходит не всегда, однако в бизнесе иное попросту невозможно. Если подобные причинно-следственные цепочки в частном бизнесе не будут реализованы, бизнес утратит конкурентоспособность и обанкротится.

Таким образом, растёт роль эффективного корпоративного управления. Его развитие является важным фактором обеспечения национальной экономической безопасности. В этой связи, по мнению автора, этому аспекту

следует уделять большее внимание. Развитое и эффективное корпоративное управление позволяет компаниям не только адаптироваться к шоковым и постшоковым условиям, но и не допустить собственного погружения в кризис даже в условиях нарастания турбулентности и неустойчивости в экономике в целом⁷².

Одной из основных угроз экономической безопасности страны является криминализация экономики. И кризисы, как показывает практический опыт, способствуют этому. Следовательно, среди комплекса мер по институциональному совершенствованию национальной экономики, направленных на повышение ее резистентности к кризисам, следует предусматривать и те меры, которые связаны с активизацией деятельности правоохранительных органов. В настоящее время такого рода меры и механизмы отсутствуют.

Следует указать и на специфические для России проблемы, связанные со спецификой текущего момента, проведением специальной военной операции и вхождением новых регионов по результатам референдумов 23-27 сентября 2022 г. в состав Российской Федерации (Донецкая и Луганская народные республики, Херсонская и Запорожская области). В краткосрочной перспективе это неизбежно приведет к ряду проблем. В долгосрочной перспективе новые регионы, несомненно, принесут огромную пользу экономике России: здесь имеются существенные ресурсы, на этих территориях находятся крупные порты – в Мариуполе, Бердянске, которые практически не пострадали от боевых действий; имеется плодородная почва и развитое сельское хозяйство; расположены крупные металлургические предприятия, металл от которых может пойти на восстановление этих же регионов, и др.

---

⁷² Шеина А.Ю., Фазлетдинова А.А. Сущность корпоративного управления и экономической безопасности, влияние корпоративного управления на банкротство организации // Финансовая экономика. 2019. № 3. С. 435-439.

Однако, сложная ситуация с миграцией населения, значительным числом беженцев, возможным нелегальным оборотом оружия и коррупцией, не поддающейся оценке, может привести к негативным последствиям для экономики не только этих, но и сопредельных регионов. В частности, как известно, Украина (в том числе те ее регионы, которые вошли в состав России в 2022 году) стала «оазисом» для киберпреступников (см. например: <https://interaffairs.ru/news/show/34738>).

Так, в России за 2021 год, число преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, по отношению к 2019 году, выросло в 1.8 раза. Что характерно, после начала специальной военной операции, число преступлений, связанных с телефонным мошенничеством, снизилось впервые с 2017 года. Общее количество преступлений с применением ИТ сократилось за первое полугодие 2022 года на 8.2%. Это позволяет с достаточной достоверностью утверждать, что часть этих преступлений совершалась с территории Украины.

Следует также отметить, что для более эффективного обеспечения экономической безопасности страны стоит укреплять международное сотрудничество в этой сфере. Несмотря на то, что «цивилизованные страны» сегодня стали одним из основных источников угроз национальной экономической безопасности РФ, укрепление взаимоотношений с «дружественными» странами позволит проще справляться с новыми вызовами. Причем следует обратить внимание, на наш взгляд, на развитие сотрудничества не только с крупнейшими странами, например партнерами по БРИКС, но и со странами малыми, в частности – африканскими и азиатскими, потенциал развития сотрудничества с которыми достаточно велик в силу того, что это сотрудничество пока еще слабо развито.

Следует отметить, что развитие кризиса в 2022 году, обусловленного «войной санкций», привело не только к негативным (разрыв внешнеэкономических связей, блокировка финансовых ресурсов на

зарубежных счетах и т.д.), но и к некоторым позитивным результатам, благотворно влияющим на экономическую безопасность РФ.

Так, санкции против богатейших людей России, активно вывозивших капитал за границу, размещавших свои сбережения в зарубежных банках, приобретавших зарубежную недвижимость и т.д., позволили в какой-то степени нарастить экономическую безопасность страны – как минимум потому, что прибыль от эксплуатации национальных ресурсов, которая на протяжении многих лет выводилась за рубеж, стала оставаться внутри страны, а значит эти средства вовлекаются в экономический оборот и работают на благо российской экономики. Возможно, это повлечет за собой рост инвестиций внутри страны.

Для дальнейшего укрепления экономической безопасности страны, роста устойчивости национальной социально-экономической системы в условиях шоковых воздействий на национальную экономику стоит выделить ряд направлений и управленческих задач, реализация которых может поспособствовать этому:

- действительное развитие импортозамещения. Очевидно, что частично локализовать производство или «переклеить бирки» гораздо проще, быстрее и дешевле, нежели реализовать производство полного цикла на территории страны. Понятно также, что в условиях тотальной глобализации этот процесс невозможно реализовать в краткие сроки. Однако нарушение цепочек поставок в 2020 году и санкционное давление в 2022 году должны чётко дать понять, что к этому процессу пора приступать со всей серьёзностью;

- интенсификация разработки и внедрения информационных технологий как в военной, так и в гражданской сфере. Специальная военная операция показывает, что современные системы вооружения дают большое преимущество на поле боя. В связи с этим, разработка собственных образцов техники и экипировки позволит обеспечить не только экономическую, но и военную безопасность страны, а трансфер технологий из оборонно-

промышленного комплекса в гражданские отрасли экономики позволит повысить ее технологический уровень;

- контроль за расходованием бюджетных средств. События 2020-2022 годов позволяют сформировать достаточно чёткое понимание, что расходование бюджетных средств не всегда прозрачно. Противодействие коррупции и более жесткие меры по отношению к должностным лицам, уличённым в нарушениях, позволят в обозримой перспективе снизить число нарушений и повысить эффективность расходования бюджетных средств, придать этому процессу программно-целевой характер.

До сих пор, выявление, прогнозирование и предотвращение внешних и внутренних шоков, как экономической, так и неэкономической природы, является нерешенной проблемой экономической безопасности страны. Разработка институционального механизма превентивной реакции на эти шоки позволит государству заранее реагировать на них. Ключевыми задачами в случае наступления шока должны стать меры по поддержке населения и бизнеса в кризисный период. Обеспечение условий для снижения инфляции, индексация социальных выплат, повышение финансовой грамотности населения и т.д.: все эти меры позволят легче пройти кризисный период и в обозримой перспективе вернуться к экономическому росту.

Как показывает имеющийся опыт, национальная экономика сегодня очень чувствительна к экзогенным шокам неэкономической природы. Одна из причин такой чувствительности – усиление процессов глобализации в мировой экономике. В этих условиях экономики становятся более связными и взаимозависимыми, что может приводить к мультиплицированию неустойчивостей, вызванных шокowymi воздействиями различной природы. Особенно уязвимыми в таком случае видятся страны со сравнительно небольшой экономикой, завязанной на экспорт сырьевых ресурсов или иным образом серьезно вовлеченной в мирохозяйственные процессы (это может

быть оценено количественно через расчет импортной, экспортной и внешнеторговой квот).

Как уже отмечалось нами ранее, одним из ключевых неэкономических шоков последних лет является пандемия COVID-19. Этот кризис уникален, такого всеобъемлющего шокового воздействия на экономику за последние 100 лет еще не было. Нас также интересует очередной виток политического и военного противостояния России и стран коллективного Запада – украинский кризис и специальная военная операция (СВО). Эти события породили санкционный шок.

При этом, оба кризиса имеют общие черты – они заключаются в их неэкономическом происхождении, высокой инфляции в начале кризиса, волатильности национальной валюты, эти кризисы характеризуются серьезными последствиями для спроса и предложения (меняются и потребительские привычки, и состав предложения). Стоит отметить, что различия в кризисах тоже присутствуют – в первую очередь страдают разные отрасли и сферы экономики, последствия перестройки которых также различны.

Сравним влияние кризисов 2020 и 2022 годов. Основное сходство этих кризисов в том, что их причинами явились неэкономические шоки, неэкономические внешние воздействия на экономику страны. Пандемия коронавируса и рекордное количество западных санкций явились первопричиной рассматриваемых кризисных явлений. Можно выделить общие для 2020 и 2022 годов, факторы:

- резкое снижение курса национальной валюты. В первый год пандемии курс доллара вырос с 62 до 74 рублей, а евро с 69 до 90 рублей. В периоды высокой волатильности эти значения были даже выше 81 и 94 рублей, соответственно. В 2022 году курс рубля после 24 февраля также очень сильно менялся. Так, доллар за период с конца февраля по начало марта вырос с 74 до 120 рублей (официальный курс ЦБ РФ), а евро за

тот же период – с 89 до 127 рублей. К концу сентября курс рубля значительно укрепился даже по отношению к периоду до начала СВО – 55-60 рублей за обе валюты (рекордное ослабление евро к доллару на фоне ухудшения экономической ситуации в еврозоне на фоне энергетического кризиса).

Стоит отметить, что первопричиной ослабления рубля во время пандемии является резкое снижение спроса на нефть и закономерный обвал цен на сырьё (до \$50 в начале марта 2020 года). В 2022 году же, напротив, цены на нефть били рекорды с 2014 года, однако серьёзные экономические санкции и неопределённость на рынках в начальный период развития макроэкономического шока привели к ослаблению рубля;

- рост инфляции из-за скачкообразного повышения спроса на потребительском рынке. В обоих случаях первопричиной инфляции являлся рост цен на продовольственные товары – в 2020 году из-за страха населения и неопределённости в период самоизоляции, разрыва цепочек поставок и закономерного снижения предложения. В 2022 году – из-за схожих причин, на которые накладывался уход ряда иностранных компаний с российского рынка;
- резкое, неожиданное изменение внешней конъюнктуры, невозможность плавного перехода к «новой реальности». Даже сейчас (по состоянию на 2024 год), когда ситуация с поставками нефти и газа, а также с внешней торговлей разрешилась, неопределённость всё равно остаётся, хоть наиболее острая фаза кризиса пройдена.

Помимо сходств, в этих кризисах присутствуют и различия, в первую очередь связанные с масштабами кризиса. Так, экономики России и стран из «антироссийской коалиции», к которым можно отнести США, ЕС, Японию, Австралию и Великобританию, по-разному реагируют на коронакризис и мировые кризисные явления, вызванные санкциями против России (нарушение цепочек поставок, закрытие воздушного пространства РФ,

диверсия на Северных Потоках, рост цен на нефть, пшеницу, сырьевые ресурсы и так далее). Коронакризис на всех повлиял примерно одинаково, тогда как сегодняшний кризис действует «выборочно».

Например, британская авиакомпания Virgin Atlantic после 30 лет полётов отказалась от выполнения рейсов в Гонконг из Лондона и закрывает свой офис в этом районе КНР. Официальное обоснование этого решения – закрытие воздушного пространства над Россией, что увеличило продолжительность и без того длинного перелета на один-два часа. Исполнительный комитет компании Nissan одобрил продажу своих российских активов ФГУП «НАМИ», подведомственному учреждению Минпромторга России. Единовременные убытки от такого решения составили \$686 млн. Подобные примеры могут быть продолжены.

В то же время, можно утверждать, что российская экономика, после резкого шока в феврале-марте 2022 года, стабилизировалась – на это могут косвенно указывать укрепление курса национальной валюты и стабилизация инфляции. Однако, в дальнейшем, если не будут найдены пути обхода некоторых санкций, Россия может столкнуться с замедлением развития в высокотехнологичном секторе экономики, а объем требуемых инвестиций сделает эти технологии слишком дорогими.

Рассмотрим сферы, которые наиболее пострадали или пострадают от рассматриваемых кризисов. В 2020 году, в первую очередь, под удар попал сектор услуг – убытки понесли рестораны, кинотеатры, магазины, образовательные учреждения. Это было связано с ограничениями на их работу в период самоизоляции. И если ресторан или магазин можно переориентировать на работу в дистанционном режиме, то кинотеатры были вынуждены терпеть серьёзные убытки.

В кризисе 2022 года первыми пострадали отрасли, на которые были наложены западные санкции, к которым из сферы услуг можно отнести разве что кинотеатры, проблемы которых связаны напрямую с уходом зарубежных

издателей контента. При этом, и в 2020, и в 2022 году, из-за закрытия границ и / или отказа в визах, основным выгодоприобретателем является внутренний туризм, в том числе благодаря нацеленности государства на его поддержку (туристический кэшбек и прочие инициативы).

Парадокс кризиса, начавшегося в 2022 году, в том, что Россия, которая на данный момент находится под рекордным количеством санкций, только увеличила свои нефтегазовые доходы из-за роста цен на энергоносители. На этом фоне всё чаще и чаще поднимаются вопросы о реальной эффективности санкций, об их целесообразности и способности достичь цели. Обширная рыночная интеграция России приводит к распространению экономических потрясений на мировую экономику. Глобализация, которая являлась причиной роста цен в пандемию, явилась также и причиной роста экономических издержек тех стран, которые вводят санкции против достаточно крупной и глубоко вовлеченной в мировое хозяйство экономики России.

При этом, при помощи всё той же глобализации, Россия имеет возможность нивелировать последствия введенных ограничительных мер путём диверсификации поставок и обхода санкций на продажу, например, нефтепродуктов, продавая их через третьи страны. Такая продажа может осуществляться как с дисконтом со стороны продавца, так и без него. Удлинение цепочки поставок и появление новых «звеньев»-посредников неизбежно влечет за собой рост цен на товары и транзакционных издержек.

Проведенный анализ показал, что механизм развития кризиса российской экономики под влиянием неэкономических шоков последних лет (в данном случае мы говорим о 2020 г. – вследствие пандемии COVID-19 – и 2022 г. – вследствие масштабных антироссийских санкций, введенных странами коллективного Запада после начала специальной военной операции) во многом аналогичен. Несмотря на некоторую специфику, экономический кризис развивается по аналогичному сценарию. Следовательно, есть возможность разработки типовых моделей государственной антикризисной

политики, а также типовых управленческих мер, реализация которых позволит более оперативно реагировать на подобные кризисы в дальнейшем, чем будет обеспечиваться достаточный уровень экономической безопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенного исследования можно сделать главный вывод о том, что его цель, состоявшая в разработке теоретических аспектов и методических инструментов обеспечения национальной экономической безопасности в условиях воздействия на национальную экономику неэкономических шоков, достигнута, все поставленные задачи решены в полном объеме, что нашло отражение в тексте диссертации. Здесь же мы представим обобщающие выводы и вытекающие из них рекомендации.

В диссертации предложена авторская трактовка категории «неэкономический шок». В общем смысле шок можно трактовать как резкое и существенное изменение в устройстве (организации) и функционировании некоторой системы. В этой связи, возможна довольно обширная классификация шоков по признаку объекта, которая описывает – на какую именно систему оказывает воздействие шок. Одной из разновидностей шоков в рамках такого подхода является шок экономический, т.е. такой шок, который оказывает влияние на экономику. В случае воздействия экономического шока можно говорить о том, что шок является вызовом, угрозой или риском экономической безопасности.

Вторым уровнем предлагаемой нами классификации шоков выступает признак их природы. В зависимости от того, что является причиной возникновения шока, можно выделить шоки техногенные, природные, экономические, военные и т.д. С позиций того, что наше исследование имеет экономическую направленность, правомерно будет разделить все экономические шоки с позиций их природы на экономические и неэкономические. Предпосылки экономических шоков формируются внутри экономической системы, неэкономический шок по отношению к экономической системе носит внешний характер, он вызван факторами неэкономической природы.

Неэкономический шок – это событие, которое не связано с экономической деятельностью, но может оказать значительное влияние на экономику, ослабляя экономическую безопасность. К таким событиям можно отнести природные катастрофы, террористические акты, войны, эпидемии, политические кризисы и другие подобные события. Эти события могут вызвать серьезные проблемы в экономике, такие как снижение производства, увеличение безработицы, инфляция и прочее.

Если рассматривать термин «неэкономический шок» с позиции теории экономической безопасности, то с учетом проведенного нами изучения экономической литературы и официальных документов, можно сформулировать следующее определение: «Неэкономический шок – это угроза экономической безопасности государства, которая по своей природе не обусловлена экономической деятельностью, но может оказать значительное влияние на экономику страны». Причем это влияние может иметь положительный и отрицательных характер.

В диссертации разработан механизм влияния неэкономического шока на национальную экономическую безопасность. Такого рода механизм в литературе описан лишь в общих чертах, что определяется, по нашему мнению, двумя обстоятельствами: во-первых, разнообразием неэкономических шоков – их разновидностей гораздо больше, чем шоков экономических; во-вторых, необходимостью проведения междисциплинарного анализа, выходящего, строго говоря, за пределы предметного поля экономической науки, что усложняет проведение исследования.

Общий механизм влияния неэкономических шоков на состояние национальной экономики заключается в изменении спроса и предложения на товары и услуги. Это может привести к сокращению и изменению структуры производства, следовательно, к сокращению рабочих мест и увольнению работников в соответствующих отраслях экономики, уменьшению налоговых

поступлений в бюджет и сокращению инвестиций. В целом, неэкономические шоки могут оказывать значительное воздействие на реальный сектор национальной экономики. Поэтому, важно разрабатывать стратегии и меры для смягчения негативных последствий таких шоков и улучшения устойчивости экономики в целом.

Механизм влияния неэкономического шока на национальную экономическую безопасность, рассмотренный в диссертации на примере пандемического шока, включает ряд каналов воздействия: прямое количественное влияние в форме спада экономической активности, сопровождающегося ростом безработицы, массовыми банкротствами бизнес-структур, ростом дефицита бюджетов бюджетной системы страны и т.д.; структурное влияние в форме перераспределения экономической активности между секторами экономики, изменения структуры внешнеэкономической деятельности, внедрения новых технологий (например, в период пандемии Covid-19 произошло массовое внедрение цифровых технологий для удаленной работы); косвенное влияние в виде ухудшений в неформальных институтах: снижение оптимизма в оценках перспектив развития бизнеса, рост инфляционных ожиданий, страх неожиданных негативных изменений и др.; пролонгированное влияние, наблюдаемое в форме рубцового эффекта, что вызывает торможение постшокового развития и затрудняет реализацию мер по восстановлению экономики и перезапуску механизмов экономического роста.

Сравнение динамики влияния на российскую экономику двух последних по времени неэкономических шоков (пандемия Covid-19, 2020 г.; массированные антироссийские санкции, 2022 г.), указывает на наличие в этой динамике существенных различий, что позволяет предложить авторскую типологию шоков в контексте их влияния на национальную экономику и национальную экономическую безопасность. Пандемический макрошок носил импульсный характер, а санкционный – ступенчатый.

При импульсных шоках основные усилия рекомендуется сосредоточить на противодействии наблюдаемому импульсному воздействию, недопущении его пролонгации, пресечении возможных его вторичных последствий. Именно такого рода антикризисные меры предпринимались в период пандемии. Задача при таком регулировании состоит в том, чтобы «переждать» краткосрочный шок, не допустив кардинального нарушения сложившейся организации процессов в экономике. Важно отметить, что основной вектор управленческих усилий в этом случае направлен на сохранение (в общих чертах) того состояния экономики, которое наблюдалось в дошоковый период. В этой связи, после прохождения шока и нейтрализации его последствий экономика возвращается к той же (или близкой) траектории развития, которая была присуща ей ранее.

В условиях ступенчатого шока политика экономической безопасности должна изменить свой характер, основное ее содержание должны в изменившихся условиях составлять не меры по поддержанию заданных Стратегией экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года индикаторов в установленных диапазонах, недопущению пересечения ими пороговых значений, но усилия по осуществлению системной модернизации экономики страны. При этом, безусловно, указанная модернизация должна осуществляться по единому замыслу, контуры которого обозначены в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

В диссертации разработана методика оценки структурных изменений в национальной экономике как реакции на неэкономический шок и индикатора экономической безопасности. Шоки, воздействующие на экономическую систему, позиционируются нами как реализованные угрозы экономической безопасности. Шоки характеризуются достаточно существенным и быстрым изменением значимых переменных, характеризующих условия ведения

экономической деятельности. Из-за того, что реальная экономическая система к этим изменениям не готова, в ней возникают диспропорции, следствием чего выступают негативные изменения в показателях и параметрах, характеризующих экономическую безопасность.

Указанных параметров достаточно много и они, как правило, взаимозависимы, что усложняет задачу оценки национальной экономической безопасности. Оценка уровня национальной экономической безопасности делается на основе наблюдаемых значений показателей и их параметров, поэтому некоторая информационная избыточность служит для того, чтобы своевременно (и – желательно – с упреждением) и более полно оценить возможные нарушения достигнутого уровня экономической безопасности. В то же время, наблюдаемые показатели являются производными от внутреннего состояния экономической системы, ее структуры.

Следовательно, оценка структурных изменений в национальной экономике, в частности происходящих вследствие неэкономического шока, может правомерно рассматриваться как способ оценивания экономической безопасности. Рекомендовано структурные сдвиги в контексте достижения цели авторского исследования моделировать с использованием векторного подхода. Его суть заключается в том, что структурные изменения экономики моделируются как изменение угла поворота на плоскости описывающего ее вектора.

В качестве элементов структуры экономики рекомендовано рассматривать виды экономической деятельности, в разрезе которых ведется официальное статистическое наблюдение динамики валового внутреннего продукта и валовой добавленной стоимости. Расчеты, проведенные автором по материалам официальной статистики, подтвердили правомерность и результативность применения предложенной методики, ее адекватность решаемым задачам оценивания уровня национальной экономической безопасности.

Установлено, что способность национальной экономики противостоять угрозам национальной экономической безопасности, вызванным неэкономическим шоком, связана с уровнем структурной готовности к ним экономической системы. Таким образом, результативным инструментом повышения резистентности (сопротивляемости) национальной экономики к неэкономическим шокам и обеспечения, на этой основе, защиты от обусловленных шоком угроз экономической безопасности является структурная политика. Динамичные и целесообразные структурные изменения экономики повышают ее «запас прочности» и способствуют нейтрализации рисков и угроз экономической безопасности.

В диссертации разработана методика оценки уровня технологического суверенитета как элемента национальной экономической безопасности. Проблема высокой импортозависимости и необходимость реализации для ее преодоления политики импортозамещения и сохранения, таким образом, национальной экономической безопасности, стала актуальной для России в 2014 году, в период «крымских» санкций. Итогом этого была активизация мер по импортозамещению. В то же время, как показывает анализ доступной статистики за период 2006-2021 гг., с позиций снижения импортозависимости российская экономика не достигла существенных успехов.

При этом, анализ статистических данных показывает, что технологическая зависимость российской экономики на всем наблюдаемом периоде растет, что является существенной угрозой национальной экономической безопасности. В 2022 году, в период санкционного шока, эта угроза национальной экономической безопасности реализовалась. Это актуализирует проблему достижения технологического суверенитета национальной экономики. Для решения этой задачи разработана специальная методика оценки технологического суверенитета.

На основе сравнительного и критического анализа известных разработок, ориентированных на оценку уровня импортозамещения и

технологического суверенитета, была разработана авторская методика оценки уровня технологического суверенитета как элемента национальной экономической безопасности в условиях воздействия неэкономических шоков. Методика реализуется путем отработки следующих действий: (1) выбор отрасли для оценки уровня технологического суверенитета; (2) декомпозиция используемых в отрасли технологий; (3) проведение экспертного оценивания уровня технологической независимости первичных процессов; (4) определение интегрального количественного показателя технологического суверенитета. (5) качественная интерпретация полученной численной оценки.

Для решения последней задачи рекомендуется использовать хорошо зарекомендовавшую себя в экономических исследованиях функцию желательности (шкалу) Харрингтона. С ее использованием интерпретацию интегрального количественного показателя технологического суверенитета следует проводить по правилам: технологический суверенитет отсутствует – $[0,0; 2,0)$; технологический суверенитет на критически низком уровне – $[2,0; 3,7)$; технологический суверенитет на низком уровне – $[3,7; 6,3)$; технологический суверенитет на приемлемом уровне – $[6,3; 8,0)$; технологический суверенитет надежно обеспечен – $[8,0; 10,0]$.

По результатам исследования предложен методический подход к нейтрализации последствий неэкономических шоков в национальной экономике, отличающийся использованием инструментария мобилизационной экономики. Установлено, что под влиянием турбулентности, вызванной антироссийскими санкциями, с течением времени происходит накопление негативных эффектов в национальной экономике. В результате проявления этих эффектов усиливается давление на национальную экономическую безопасность. В результате российская экономика постепенно «втягивается в кризис», причем кризис этот носит не классический (циклический), а институциональный и структурный характер.

Рыночные механизмы в преодолении современного кризиса в России, вызванного санкционным макрошоком, не могут дать достаточного результата. Точнее, они его дать могут, но время, когда этот результат будет получен, к сожалению, не может быть достаточно точно определено. Это – общий, принципиальный недостаток моделей рыночного равновесия. Сегодня, с учетом жесткости сроков «экономического перезапуска» в России, от качества которого зависит не только срок выхода из кризиса, но и сохранение экономического и даже политического суверенитета страны, обеспечения не только экономической, но и национальной безопасности, востребованными оказываются модели мобилизационной экономики. И это подтверждается историческим опытом страны.

Мобилизационная экономика строится на концепте сильного государства, которое активно вмешивается в хозяйственные процессы, в том числе прибегая к прямому администрированию, вплоть до национализации отдельных, критически важных для экономического развития и обеспечения национальной безопасности предприятий. Анализ показал, что необходимые институциональные предпосылки для формирования в России модели мобилизационной экономики или инкорпорирования ее элементов в имеющуюся модель смешанной экономики на данный момент созданы. Но вопрос относительно того, как именно этот переход будет происходить, остается открытым. Сама же необходимость такого перехода представляется необходимой.

Рекомендовано к использованию два возможных «чистых» сценария построения механизма преодоления современного санкционного кризиса в России в рамках развития мобилизационной экономики. Первый сценарий – развитие в русле дилеммы «план – рынок», путем запуска плановых механизмов регулирования, в том числе известных с советского периода, вытеснения этими плановыми механизмами механизмов рыночных. Второй сценарий – отход от фактического господства неоклассической парадигмы в

экономической политике и возрождение кейнсианства, которое очень хорошо зарекомендовало себя в различных странах мира в середине XX века. Этот сценарий является более универсальным, чем первый: он охватывает не отдельные отрасли, а всю экономику. Именно он является приоритетным.

Вероятно, на практике будет реализован некий третий, смешанный сценарий, состав мероприятий которого будет определяться конкретными запросами практики хозяйствования и необходимостью защиты национальных экономических интересов, в том числе с учетом их конфликта с частными экономическими интересами, что особенно ярко проявляется при проведении экономической мобилизации. То есть, исходя из современных складывающихся реалий, вероятнее всего, будет реализованный смешанный, гибридный сценарий развития, в рамках которого оба описанных выше «чистых сценария» будут реализованы в какой-то пропорции.

В качестве возможных направлений дальнейшего развития темы исследования, по мнению автора, можно указать: адаптацию разработанного научно-методического аппарата к специфике обеспечения экономической безопасности на региональном уровне хозяйственной системы; развитие инструментария мобилизационной экономики и разработка конкретных рекомендаций по его встраиванию в институциональную систему России; разработку методов количественной оценки «рубцового эффекта», проявляющегося вследствие реализации неэкономического шока, а также его пролонгированного воздействия на экономическую безопасность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамовиц М. Саймон Кузнец (1901–1985) // Thesis. 1993. Вып. 2 С. 228-234.
2. Авдийский В.И. Научно-теоретические аспекты риск-ориентированного подхода в системе обеспечения экономической безопасности // Проблемы анализа риска. 2017. Т. 14. № 5. С. 20-29.
3. Авдийский В.И., Саркисов В.А. Управление реализацией национальных проектов и экономическая безопасность // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2023. № 4 (58). С. 21-24.
4. Агапова Т.Н. Методика и инструментарий для мониторинга экономической безопасности региона // Вопросы статистики. 2001. № 2. С. 44-48.
5. Акиндинова Н.В., Бессонов В.А., Пухов С.Г., Сафонов И.Н., Смирнов С.В. Инфляционные вызовы периода пандемии и санкций. Уроки для будущего // Вопросы экономики. 2022. № 5. С. 5-25.
6. Алешина О.Г. Внешние и внутренние шоки в экономике: методология // Экономика и управление инновациями. 2022. № 2 (21). С. 39-60.
7. Алешина О.Г. Воздействие экономических шоков на воспроизводственную систему при переходе к неоиндустриальному структурному сдвигу // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2024. № 2 (232). С. 9-17.
8. Алешина О.Г., Жиронкин С.А. Неоиндустриальный структурный сдвиг в системе воздействия экономических шоков на производство. Кемерово: Изд-во КГТУ, 2024. 156 с.
9. Амин С. Россия: долгий путь от капитализма к социализму. СПб.: ИНИР; М.: Культурная революция, 2017. 148 с.
10. Андреева Д.А., Малинин А.М. Приоритетные направления нейтрализации угроз экономической безопасности при имплементации

интегрированной стратегии развития с учетом концепции цифровой наукоемкой экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 3 (135). С. 44-49.

11. Анисимова Я.А., Плотников В.А. Экономическая безопасность, санкции и переориентация российских внешнеторговых потоков // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 10-23.

12. Арнольд В. Теория катастроф. М.: Наука, 1990. 128 с.

13. Атаев Д.М. Оценка структурных сдвигов в экономике промышленного сектора региона // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. № 3. С. 409-417.

14. Афанасьев А.А. Прогноз значений основных показателей внешней торговли в условиях формирования ограниченно открытой экономики России // Экономические отношения. 2022. Том 12. № 4. С. 635-650.

15. Банк С.В., Банк О.А. Импортзамещение как основа укрепления экономической и продовольственной безопасности страны // Вопросы региональной экономики. 2015. № 3 (24). С. 56-61.

16. Бахтизин А.Р. Вопросы прогнозирования в современных условиях // Экономическое возрождение России. 2023. № 2 (76). С. 53-62.

17. Бахтизин А.Р., Макаров В.Л., Логинов Е.Л., Хабриев Б.Р., Ву Ц., Ву З. Гибридные войны в макроэкономической суперсистеме XXI века // Экономические стратегии. 2023. Т. 25. № 2 (188). С. 6-23.

18. Богданова О.А. Влияние внешних институциональных шоков на экономическое развитие регионов: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). Челябинск, 2018. 185 с.

19. Богомолова И.П., Хорев А.И., Королев М.И., Шайкин Д.В., Василенко И.Н. Исследование зарубежного опыта организации

стратегического планирования, анализа и управления экономической безопасностью на национальном уровне // Экономическая безопасность. 2022. Т. 5. № 4. С. 1205-1224.

20. Бодрунов С.Д. Мировые тренды экономического развития: роль и место России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. Т. 241. № 3. С. 52-60.

21. Бодрунов С.Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.

22. Бодрунов С.Д. План и рынок: перспективы интеграции // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. № 2. С. 190-203.

23. Бодрунов С.Д. Преодоление вызовов глобальной трансформации: НТП, знания, ноономика // Проблемы прогнозирования. 2023. № 4 (199). С. 8-14.

24. Бодрунов С.Д. Промышленная политика России в условиях вызовов глобальной трансформации: задачи теории и практики перехода к новому этапу индустриального развития (НИО.2) // Экономическое возрождение России. 2023. № 2 (76). С. 5-12.

25. Бодрунов С.Д., Десаи Р., Фриман А. По ту сторону глобального кризиса: ноономика, креативность, геополитэкономия. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2022. 368 с.

26. Бодрунов С.Д., Золотарев А.А. Переход к ноономике, проблемы технологического суверенитета и региональное развитие // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2024. № 1 (76). С. 75-79.

27. Бочуров А.А., Курбанов А.Х., Литвиненко А.Н. Сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта обеспечения экономической безопасности оборонно-промышленного комплекса // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 3 (111). С. 99-106.

28. Буторина О.В. Причины и последствия кризиса в зоне евро // Вопросы экономики. 2012. № 12. С. 98-115.

29. Ващук А.С. Выход дальневосточного сообщества из социального шока военного времени // Россия и АТР. 2010. № 2 (68). С. 63-75.
30. Верников А.В., Курышева А.А. Теоретические подходы к изучению финансиализации экономики // AlterEconomics. 2024. № 21 (2). С. 179-203.
31. Вертакова Ю.В. Развитие системы индикативного и стратегического планирования при реализации государственной экономической политики на всех уровнях управления // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7, № 4 (25). С. 30-56.
32. Вертакова Ю.В., Зарецкая В.Г., Плотников В.А. Covid-19 и европейская интеграция: станет ли пандемия коронавируса триггером распада Европейского Союза? // Управление устойчивым развитием. 2020. № 3 (28). С. 5-16.
33. Вертакова Ю.В., Ильясов Р.Х., Плотников В.А. Региональная дифференциация развития промышленности в современной России // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19, № 3. С. 179-184.
34. Вертакова Ю.В., Козьева И.А., Пиняева А.Е. Оценка и прогнозирование структурно-динамических сдвигов в региональном экономическом пространстве за счет кластеризации // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. Т. 10, № 1. С. 73-79.
35. Вертакова Ю.В., Положенцева Ю.С., Корхов А.В. Оценка структурных трансформаций региональных промышленных комплексов // Экономика и управление. 2020. № 8. С. 816-822.
36. Винслав Ю.Б. Мобилизационная экономика как технология государственного управления в условиях тотальных санкций // Российский экономический журнал. 2022. № 4. С. 4-29.
37. Власкин П.Г., Теняков И.М. Влияние финансиализации на экономический рост в развитых и развивающихся странах // Проблемы современной экономики. 2023. № 3 (87). С. 94-99.

38. Влияние характеристик реального сектора на формирование противоположных типов хозяйственных систем: монография. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022. 353 с.

39. Воейков М. Евразийская "теория хозяйствования" как составная часть российской экономической школы // Вопросы экономики. 2003. № 12. С. 95-110.

40. Галазова С.С., Караев Т.М. Методологические аспекты исследования ресурсной компоненты региона с учетом санкционного воздействия // Финансы, деньги, инвестиции. 2023. № 4 (88). С. 3-8.

41. Гамидова А.Э. Трансформация тенденций развития сферы услуг под воздействием пандемии Covid-19 (на материалах отрасли туризма) // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2021. № 2 (48). С. 15-19.

42. Герцен А.В., Жуков А.Н., Курбанов А.Х. Политические и экономические аспекты функционирования системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева. 2023. № 4 (36). С. 60-68.

43. Гиоев Г.В., Комаров М.И., Кузин Н.Н. Мобилизационная экономика как приоритетная модель экономического развития в современных условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 278-283.

44. Глазьев С.Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. 2016. № 2. С. 3-29.

45. Глазьев С.Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 765 с.

46. Головкин М.В. Теневая экономика в системе угроз экономической безопасности страны: факторы, эволюция, направления противодействия: дисс.

... д-ра экон. наук / Санкт-Петербургский государственный экономический университет. СПб., 2020. 426 с.

47. Головкин М.В., Сетраков А.Н., Рогачева Ж.С., Анцибор А.В. Формирование реляционной стратегии как фактор экономической безопасности предприятий атомной отрасли (на примере машиностроительных предприятий г. Волгодонска) // Глобальная ядерная безопасность. 2020. № 3 (36). С. 104-110.

48. Головкин М.В., Цуверкалова О.Ф. Факторы инновационного развития в системе экономической безопасности территорий: статистический подход // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2019. № 1 (39). С. 5-10.

49. Головин М.Ю., Никитина С.А. Каналы воздействия пандемии COVID-19 на экономику России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 5. С. 9-23.

50. Государство и рынок в оптимизации структурных характеристик экономического роста: монография. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. 475 с.

51. Государство и рынок: механизмы взаимодействия в условиях глобальной нестабильности экономических систем: монография. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2014. 706 с.

52. Гришков В.Ф., Плотников В.А., Фролов А.О. Мобилизационная экономика в современной России: теоретические аспекты // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 3 (135). С. 7-13.

53. ГЧП в сфере промышленности / You & Partners. М., 2022. 19 с. URL: <https://rosinfra.ru/library/gcp-v-sfere-promyslennosti>.

54. Гэлбрейт Дж.К. Общество изобилия. М.: Олимп-Бизнес, 2018. 404 с.

55. Дасковский В.Б., Киселев В.Б. Контуры новой модели развития экономики России. М.: Канон+, 2013. 592 с.

56. Дегтярев А.Н., Кузнецова А.Р. Развитие нефтяной отрасли в условиях санкций и ограничений // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2023. Т. 46. № 1 (109). С. 57-66.

57. Десаи Р. Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи. М.: ИНИР им. С.Ю. Витте: Центр каталог, 2020. 328 с.

58. Дзюба Ю.А., Колюжнов Д.В. Оценка степени влияния различных шоков на динамику макроэкономических показателей России в 2014-2018 годах // Мир экономики и управления. 2021. Т. 21. № 4. С. 24-46.

59. Дробот Е.В., Макаров И.Н., Назаренко В.С., Манасян С.М. Влияние пандемии COVID-19 на реальный сектор экономики // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Том 10. № 8. С. 2135-2150.

60. Дрожжина Е.В. Итальянский коронакризис и его последствия // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 3 (15). С. 108-110.

61. Дронов Р.В., Зайцев А.К. Комплексная оценка эффективности противодействия угрозам экономической безопасности в условиях цифровизации // Аудиторские ведомости. 2023. № 2. С. 281-286.

62. Дронов Р.В., Шарафанова Е.Е., Ананьев А.А., Жидков Д.Н., Шунаев А.М. О развитии сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в сфере экономической безопасности // Развитие и безопасность. 2021. № 2 (10). С. 4-17.

63. Дубинин С.К. Финансализация экономического роста и российская национальная финансовая система // Финансы: теория и практика. 2017. № 21 (4). С. 6-21.

64. Дубовик М.В., Сизова Д.А., Волобуев Н.А. Влияние макроэкономических шоков на неравенство: современный аспект // Друкерровский вестник. 2020. № 4 (36). С. 46-53.

65. Единак Е.А. Рынок труда и внешнеэкономические шоки // Социально-трудоуые исследования. 2022. № 3 (48). С. 56-66.
66. Ерасова Е.А., Плотников В.А. Перспективы развития оборонно-промышленного комплекса России в условиях экономических санкций // Экономика и управление. 2015. № 3 (113). С. 22-28.
67. Ерёмченко О.А., Куракова Н.Г. Изменение уровня технологического суверенитета в зарубежных странах: опыт Европейского союза // Экономика науки. 2023. Т. 9. № 3. С. 47–60.
68. Жилинкова И.Н., Пирогова О.Е. Актуальные тренды развития бизнес-ассоциаций предприятий малого и среднего бизнеса сферы услуг в период пандемии COVID-19 // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2021. № 1 (47). С. 28-33.
69. Жиронкин С.А., Таран Е.А., Алешина О.Г. Принципы анализа и типология в методологии экономических шоков // Векторы благополучия: экономика и социум. 2023. № 1 (48). С. 128-144.
70. Жиронкин С.А., Таран Е.А., Алешина О.Г. Устойчивость экономики к шокам на макро- и мезоуровнях: типология и условия // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2023. № 61. С. 225-249.
71. Зыченко И.А. Кризис детерминизма в теории экономических циклов // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 90. С. 899-908.
72. Инфляционные вызовы периода пандемии и санкций. Уроки для будущего / Акиндинова Н.В., Бессонов В.А., Пухов С.Г., Сафонов И.Н., Смирнов С.В. // Вопросы экономики. 2022. № 5. С. 5-25.
73. Казанцева А.Н. Риски экономической безопасности при переходе на зелёную экономику: оценка на микроуровне // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. № 1 (51). С. 10-13.
74. Казинец Л.С. Темпы роста и структурные сдвиги в экономике (показатели планирования и анализа). М.: Экономика, 1981. 184 с.

75. Калина А.В., Савельева И.П. Формирование пороговых значений индикативных показателей экономической безопасности России и ее регионов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2014. Т. 8, № 4. С. 15-24.

76. Караваева И.В., Иванов Е.А., Лев М.Ю. Паспортизация и оценка показателей состояния экономической безопасности России // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10, № 8. С. 2179-2198.

77. Каранина Е.В., Багаутдинов А.И. Инновационные аспекты обеспечения экономической безопасности // Друкеровский вестник. 2023. № 4 (54). С. 47-55.

78. Каранина Е.В., Лобанов В.И. Сравнение ключевых индикаторов экономической безопасности США, России и Китая в разрезе глобальной социально-экологической повестки // Russian Journal of Management. 2023. Т. 11. № 1. С. 38-72.

79. Катунина Д.В. Понятие, сущность и типология кризисов // Новая наука: теоретический и практический взгляд. 2016. № 2-1 (63). С. 59-61.

80. Каширин А.А., Новикова Н.В. Использование шока в коммерческой и социальной англоязычной рекламе // Альманах мировой науки. 2016. № 3-1 (6). С. 111-114.

81. Квашнин Ю.Д. Пандемия коронавируса и разворот в европейской социальной политике // Общественные науки и современность. 2021. № 1. С. 94-104.

82. Кемаев К.В., Кемаева М.В., Гриневич Ю.А. Развитие реального сектора как основной фактор устойчивости региональных экономических систем // Научные исследования и разработки. Экономика. 2023. №. 1. С. 16-21.

83. Климонова А.Н. Основные подходы к исследованию понятий "экономическая безопасность" и "экономическая безопасность государства" // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 8. С. 54-60.

84. Кожемяко О.Н. Экономическая безопасность реального сектора экономики страны: дисс. ... канд. экон. наук / Институт экономики РАН. М., 2003. 184 с.

85. Козин М.Н., Чалых Е.В., Федотов А.Б. Санкционные ограничения как инструмент гибридной агрессии против Российской Федерации: уязвимость и потенциальные возможности обеспечения военно-экономической безопасности // Вестник Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева. 2023. № 4 (36). С. 78-89.

86. Козлова М.А. Вклад Дж.М. Кейнса в анализ психологических мотивов экономического поведения // Вестник МГИМО. 2016. № 3 (48). С. 188-195.

87. Колганов А.И. Сравнительное исследование современных социально-экономических моделей достижения технологической независимости // Российский экономический журнал. 2023. № 5. С. 19-35.

88. Кондратьев В.Б. Роль критически важных сырьевых материалов в условиях экономической неопределенности: опыт ЕС // Горная промышленность. 2022. № 4. С. 94-102.

89. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры. Избранные работы. М.: Юрайт, 2021. 490 с.

90. Концепция технологического развития на период до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р).

91. Кочина С.К. Диагностика уровня технологического суверенитета отраслей российской промышленности // Экономическое развитие России. 2023. № 10. С. 32-40.

92. Круглова И.А., Кривонос А.Д., Назаров П.В. Параллельный импорт как инструмент обеспечения экономической безопасности России в современных экономических реалиях // Kant. 2023. № 2 (47). С. 44-51.

93. Крук Д., Коршун А. Экономический цикл и опережающие индикаторы: методологические подходы и возможности использования в Беларуси: Рабочий материал Исследовательского центра ИПМ WP/10/05. Мн., 2010. 35 с. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/38546395.pdf>.

94. Кузнецов Ю.В., Щедровицкий П.Г. Адам Смит о разделении труда // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 27-38.

95. Куликова О.А. Культурный шок: социально-психологическая адаптация к новой культурной среде // Вестник университета. 2017. № 5. С. 190-195.

96. Курбанов А.Х., Порвадов М.Г. Понятийная основа категорий "национальная безопасность" и "экономическая безопасность" государства // Формирование системы материально-технического обеспечения военной организации государства: теория и практика. Сборник статей IV международной научно-практической конференции. Пермь, 2017. С. 315-321.

97. Кутепова М.В., Плотников А.В. Перспективы использования инфраструктурных облигаций при реализации проектов развития в Арктической зоне Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10. № 2. С. 239-250.

98. Литвиненко А.Н. Методологические аспекты стратегического планирования в сфере обеспечения экономической безопасности страны // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 299-305.

99. Литвиненко А.Н., Сутягин М.С. Проактивный механизм обеспечения экономической безопасности компании // Вестник экономической безопасности. 2023. № 2. С. 210-217.

100. Луцкая Е.Е. Проблемы выработки антикризисной стратегии для преодоления пандемии коронавируса и ее последствий // Экономические и социальные проблемы России. 2020. № 3 (43). С. 68-83.

101. Львова Н.А., Семенович Н.С. Феномен кризиса в представлениях экономической науки: ожидаемая закономерность или непредсказуемый шок? // Финансы и кредит. 2015. № 21 (645). С. 27-36.

102. Лякин А.Н. Структурные сдвиги в российской экономике и промышленная политика // Вестник СПбГУ. Серия 5. 2013. Вып. 1. С. 39-52.

103. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д. Национальная стратегическая сила стран, международная торговля и экономическая успешность стран в нестабильном мире // Стратегирование: теория и практика. 2023. Т. 3. № 3 (9). С. 277-297.

104. Максимова Е.В., Рябцев А.Г., Сазонова О.А. Влияние коронавируса на экономику России // Инновации и инвестиции. 2020. № 4. С. 283-286.

105. Максимцев И.А., Межевич Н.М. Экономическая интеграция в Большой Евразии: возможности и вызовы // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 3 (111). С. 7-10.

106. Медведев В.В., Рагуткин А.В., Федченкова Ю.А. Национальная технологическая инициатива и современные экономические шоки // Вестник университета. 2023. № 1. С. 92-99.

107. Медведева Н.В. Подходы к оценке достижения технологического суверенитета // Вопросы инновационной экономики. 2024. Том 14. № 1. С. 91–104.

108. Межевич Н.М., Шамахов В.А., Хлутков А.Д. Санкции: глобальное содержание – региональные последствия. К вопросу о последствиях санкций для Санкт-Петербурга // Управленческое консультирование. 2023. № 9 (177). С. 9-17.

109. Мельников А.Б., Шевкуненко М.Ю. Состояние национального агропродовольственного рынка и проблемы импортозамещения в условиях внешнеэкономических вызовов и угроз: монография. Курск, 2024. 165 с.

110. Минакир П.А. Шоки и институты: парадоксы российского кризиса // Пространственная экономика. 2016. № 1. С. 7-13.

111. Миркин Я.М. Изменения в экономических и финансовых структурах: воздействие шоков-2020 // Экономическое возрождение России. 2020. № 2 (64). С. 86-92.

112. Миркин Я.М. Трансформация экономической и финансовой структур мира: воздействие растущих шоков катастроф // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. № 4. С. 97-116.

113. Миропольский Д.Ю. Пирамида Хеопса и развитие экономики на инновационной основе // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2012. № 1 (73). С. 7-13.

114. Митяков Е.С., Ладынин А.И. Методический инструментарий интегральной оценки социально-экономических систем на примере анализа динамики индикаторов научно-технической безопасности регионов России // Экономическая безопасность. 2022. Т. 5. № 2. С. 473-490.

115. Митяков Е.С., Митяков С.Н. Оценка рисков в задачах мониторинга угроз экономической безопасности // Труды НГТУ им. Р.Е. Алексеева. 2018. № 1 (120). С. 44-51.

116. Митяков С.Н. Методология мониторинга экономической безопасности // Развитие и безопасность. 2023. № 4 (20). С. 4-22.

117. Митяков С.Н. Модель мобилизационной экономики // Развитие и безопасность. 2022. № 1 (13). С. 16-33.

118. Михеева Н.Н. Устойчивость российских регионов к экономическим шокам // Проблемы прогнозирования. 2021. № 1 (184). С. 106-118.

119. Миэринь Л.А., Погодина В.В., Смирнов А.А. Технологический суверенитет как условие долгосрочной национальной экономической безопасности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2023. № 6-1 (144). С. 63-70.

120. Монетарные и финансовые инструменты стабилизации и развития экономики: монография / Айвазова М.А., Ашуров А.Р., Плотников А.В. [и др.]. СПб.: Изд. СПбГЭУ, 2020. 290 с.

121. Назаров П.В., Плотников А.В. Экономическая безопасность и устойчивость социально-экономической системы в периоды кризисов // Ученые записки Международного банковского института. 2022. № 4 (42). С. 176-187.

122. Никитин М.В., Каминов А.А. Экономические и политические шоки: классификация и механизм воздействия на макроэкономическую конъюнктуру // Экономика: теория и практика. 2019. № 2 (54). С. 103-108.

123. Никитина И.А., Круглова И.А., Потемкин А.С. Глобальные санкции в контексте экономической безопасности России // Региональная экономика: теория и практика. 2023. Т. 21. № 8 (515). С. 1478-1504.

124. Павлов К.В. Инерционность социально-экономических и экологических систем // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2007. № 7. С. 22-27.

125. Парфенов А.А. Современные финансовые кризисы через призму теории и практики // Финансовые рынки и банки. 2019. № 1. С. 59-64.

126. Перспективы развития мировой экономики: адаптация к расхождениям в мировой экономике / Международный валютный фонд. Вашингтон, 2023. 192 с.

127. Перстенёва Н.П. Критерии классификации показателей структурных различий и сдвигов // Фундаментальные исследования. 2012. № 3 (часть 2). С. 478-482.

128. Песоцкий А.А. Экономический шок: определение, укрупненные подходы к классификации // Kant. 2021. № 2 (39). С. 85-90.

129. Пешкова Г.Ю., Супатаев Т.М. Методическое сопровождение системы обеспечения экономической безопасности предприятия нефтегазовой отрасли // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 2 (134). С. 74-78.

130. Пичугин З.А., Салимьянова И.Г. Проблемы инновационного развития нефтегазовой отрасли в условиях современных вызовов // Известия

Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 1 (145). С. 72-76.

131. Плотников А.В. Влияние неэкономических шоков на национальную экономику на примере пандемии Covid-19 // Современные вызовы и актуальные проблемы науки, образования и бизнеса в условиях мировой нестабильности. Материалы научной конференции аспирантов СПбГЭУ. СПб.: Изд. СПбГЭУ, 2021. С. 3-6.

132. Плотников А.В. Влияние пандемии на отдельные отрасли экономики (на примере образования) // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2020. № 4 (46). С. 40-44.

133. Плотников А.В. Влияние санкций на экономику России, оценка и анализ мер, принимаемых руководством СЗФО // Наука и инновации в технических университетах. Материалы одиннадцатого всероссийского форума студентов, аспирантов и молодых ученых / Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. СПб., 2017. С. 105-106.

134. Плотников А.В. Единое экономическое пространство на постсоветском пространстве как фактор обеспечения региональной экономической безопасности // Экономическая безопасность: региональный аспект. Сборник материалов II межвузовской научно-практической конференции. СПб.: Изд. СПбГЭУ, 2015. С. 220-222.

135. Плотников А.В. Макроэкономические шоки, политико-экономическая турбулентность и региональное развитие: теоретический и управленческий аспекты // Технологический суверенитет российской промышленности: перспективы и риски. Сборник материалов научно-практической конференции и молодежной секции МАЭФ-2023. СПб.: Изд. СПбГЭУ, 2024. С. 18-23.

136. Плотников А.В. Механизм влияния неэкономического шока на национальную экономику // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 2 (128). С. 163-169.

137. Плотников А.В. Механизм финансового обеспечения проектов социально-экономического развития // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2020. № 1 (43). С. 18-22.

138. Плотников А.В. Механизмы нарушения экономической безопасности: анализ с позиций порогового подхода // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2024. № 1 (59). С. 5-10.

139. Плотников А.В. Моделирование форм проявления кризиса в национальной экономике под воздействием неэкономического шока (на примере кризисов в России 2020 и 2022 годов) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 5-2 (137). С. 194-199.

140. Плотников А.В. Неэкономический шок 2022-2023 гг. и его воздействие на реальный сектор экономики (региональный уровень) // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты. Сборник научных статей 13-й всероссийской научно-практической конференции. Курск: Университетская книга, 2023. С. 301-305.

141. Плотников А.В. Оценка влияния процессов импортозамещения на развитие регионального хозяйственного комплекса // Наука и инновации в технических университетах. Материалы Десятого Всероссийского форума студентов, аспирантов и молодых ученых / Санкт-Петербургский государственный политехнический университет. СПб., 2016. С. 154-156.

142. Плотников А.В. Оценка степени влияния процессов импортозамещения на развитие хозяйственного комплекса РФ // Экономика в эпоху перемен: взгляд в будущее. Сборник научных трудов студентов. СПб., 2016. С. 90-95.

143. Плотников А.В. Оценка степени влияния процессов импортозамещения на развитие хозяйственного комплекса РФ // Экономика в эпоху перемен: взгляд в будущее. Сборник научных трудов студентов. СПб.: Изд. СПбГЭУ, 2016. С. 90-95.

144. Плотников А.В. Проблемы в области импортозамещения и методы их разрешения в условиях санкций // Материалы II научного конгресса студентов и аспирантов СПбГЭУ / Санкт-Петербургский государственный экономический университет. СПб., 2015. С. 43-47.

145. Плотников А.В. Проблемы импортозамещения в современной России // Наука и инновации в технических университетах. Материалы Восьмого Всероссийского форума студентов, аспирантов и молодых ученых / Санкт-Петербургский государственный политехнический университет. СПб., 2014. С. 146-147.

146. Плотников А.В. Проблемы устойчивости российской экономики в условиях макроэкономических шоков // Проблемы устойчивости развития социально-экономических систем. Материалы международной научно-практической конференции. Тамбов: ИД «Державинский», 2022. С. 188-191.

147. Плотников А.В. Пути преодоления современного санкционного кризиса в России // Экономическое возрождение России. 2022. № 4 (74). С. 132-138.

148. Плотников А.В. Экономический рост: теоретические аспекты и особенности реализации российской модели экономического роста в условиях политико-экономической нестабильности // Актуальные проблемы международных отношений в условиях формирования мультиполярного мира. Сборник научных статей 11-й международной научно-практической конференции. Курск: Университетская книга, 2022. С. 267-272.

149. Плотников А.В. Эффективность современной санкционной политики // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2014. № 2 (5). С. 113-114.

150. Плотников А.В., Плотников В.А. Подходы к регулированию экономики региона в условиях политико-экономической турбулентности // Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления. Сборник статей XVIII

международной научно-практической конференции. Курск: Изд. ЮЗГУ, 2023. С. 128-132.

151. Плотников А.В., Саркисов В.А. Преодоление политико-экономической турбулентности и обеспечение национальной экономической безопасности путем реализации национальных проектов // Сборник материалов XXIII Международной научно-практической конференции «Смирновские чтения – 2024». Санкт-Петербург, 20-22 марта 2024 г. СПб.: Изд-во МБИ, 2024. С. 190-195.

152. Плотников А.В., Харламов А.В. Направления нейтрализации негативного влияния неэкономических шоков на реальный сектор экономики России // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2023. № 1 (139). С. 50-58.

153. Плотников А.В., Ягунова Н.А. Обеспечение конкурентоспособности как основа экономической безопасности в условиях современной политико-экономической турбулентности // Техно-технологические проблемы сервиса. 2024. № 1 (67). С. 92-96.

154. Плотников В.А. Выбор инструментов регулирования экономики региона в условиях политико-экономической турбулентности: подход с позиций концепции ноономики // Экономическое возрождение России. 2023. № 3 (77). С. 57-68.

155. Плотников В.А. Мобилизационная модель национальной экономики: теоретические подходы к формированию и оценка перспектив реализации в современной России (литературный обзор) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2023. № 3. С. 15-33.

156. Плотников В.А. Перспективы экономического развития в условиях постнормальности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 6 (138). С. 15-21.

157. Плотников В.А. Структурные трансформации российской экономики под воздействием шоков и национальная экономическая безопасность // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2023. № 1. С. 15–25.

158. Плотников В.А., Погодина В.В., Смирнов А.А. Национальная экономическая безопасность и государственная политика развития промышленности // Управленческое консультирование. 2023. № 9 (177). С. 35-44.

159. Плотников В.А., Серегин С.С. Управление рыночными рисками деятельности предприятий на основе использования методов нечеткой логики // Экономика и управление. 2011. № 3 (65). С. 79-82.

160. Погодина В.В., Редькина Т.М., Смирнов А.А. Вызовы экономической безопасности России в условиях проведения специальной военной операции // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2023. № 5 (143). С. 82-85.

161. Погодина В.В., Смирнов А.А. Экономическая безопасность в условиях турбулентности: противодействие шокам и мобилизационная экономика // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2022. № 12-2. С. 82-85.

162. Полтораднева Н.Л. Российские школы экономической безопасности: прошлое, настоящее, будущее. 1995-2022. Курск: Университетская книга, 2023. 332 с.

163. Портанский А.П., Судакова Ю.М., Ларионов А.В. Предпосылки мирового экономического кризиса и его начало весной 2020 г. в связи с пандемией COVID-19 // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. Т. 15. № 2. С. 191-212.

164. Портер М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. М.: Альпина Паблишер, 2016. 1475 с.

165. Порфирьев Б.Н., Широков А.А., Гусев М.С. Ключевые сюжеты долгосрочного социально-экономического прогноза развития российской экономики // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2024. № 1 (76). С. 12-20.

166. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации: монография. М.: РГГУ, 2021. 604 с.

167. Производство, наука и образование в эпоху трансформаций: Россия в [де]глобализирующемся мире (ПНО-VI). Том 2. М.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2020. 448 с.

168. Пролубников А.В. Трансформация государственной экономической политики в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2021. № 1 (47). С. 11-14.

169. Пролубников А.В., Плотников А.В. Направления трансформации государственной экономической и промышленной политики в условиях экономических санкций и развития процессов импортозамещения // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2015. № 2 (24). С. 45-50.

170. Проняева Л.И., Павлова А.В., Федотенкова О.А. Классификация угроз и оценка уровня экономической безопасности кластера // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2021. Т. 17. № 2 (395). С. 225-257.

171. Пылин А.Г. Особенности экономического развития стран СНГ в контексте их устойчивости к внешним шокам: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Институт экономики РАН. М., 2012. 29 с.

172. Ребело С. Модели реальных деловых циклов: прошлое, настоящее и будущее // Вопросы экономики. 2010. № 10. С. 56-67.

173. Рогатин С.И. Направления совершенствования регулирования экономических отношений в сфере государственного оборонного заказа // Управленческое консультирование. 2022. № 7 (163). С. 128-136.

174. Родименкова М.О. Развитие и тенденции реального сектора экономики в современных экономических реалиях // Московский экономический журнал. 2023. № 4. С. 183-198.

175. Руденко М.Н. Экономическая безопасность Пермского края в условиях Covid-19 // Развитие и безопасность. 2020. № 3 (7). С. 46-53.

176. Рукинов М.В. Проблемы импортозамещения в России и их влияние на обеспечение национальной экономической безопасности // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2019. № 2 (40). С. 9-12.

177. Рязанов В.Т. Новые технологии в экономике и коронавирусная пандемия: предварительные выводы // Экономическое возрождение России. 2020. № 2 (64). С. 93-104.

178. Сергеева И.Г., Чеботарь А.В., Харламов А.В. Оценка применения информационных технологий и систем в инновационной деятельности организации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 1 (121). С. 62-66.

179. Сигов В.И., Песоцкий А.А. Безопасность экономического пространства региона: концептуальные основы и система показателей // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 4. С. 1236-1250.

180. Славецкая Н.С., Миэринь Л.А. Ценовой потолок как метод санкционного давления на российский нефтяной экспорт // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 5-2 (137). С. 21-27.

181. Смешко О.Г., Плотников В.А., Вертакова Ю.В. Государственная инвестиционная политика как инструмент преодоления угроз национальной

экономической безопасности, вызванных антироссийскими санкциями // Экономика и управление. 2023. Т. 29. № 7. С. 747-762.

182. Смешко О.Г., Плотников В.А., Вертакова Ю.В. Перспективы российской экономики: новые вызовы экономической безопасности и перестройка государственного управления // Экономика и управление. 2022. Т. 28, № 6. С. 524–537.

183. Смирнов Е.Н., Карелина Е.А. Оценка парадоксов и рисков развития глобальной экономики в условиях коронакризиса // Инновации и инвестиции. 2021. № 2. С. 33-38.

184. Смирнова Е.А., Коновалов А.В., Зиневич Т.Ю., Гайсина К.Ф. Структура экономики РФ // Экономика и социум. 2015. № 2-4 (15). С. 458-462.

185. Смородинская Н.В., Катуков Д.Д. Резильентность экономических систем в эпоху глобализации и внезапных шоков // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 5. С. 93-115.

186. Современные экономические системы: трансформационные шоки и финансовые штормы / Брижак О.В., Манахова И.В., Новиков В.С., Скалкин В.В., Толстобок О.Н., Хохоева З.В., Чиканова Е.С. М.: Перо, 2023. 212 с.

187. Соловейчик К.А., Аркин П.А. Методические вопросы стимулирования роста глубины передела промышленной продукции субъектами Российской Федерации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2015. № 4 (94). С. 25-30.

188. Соловьев Д.П. Российская модель смешанной экономики и развитие реального сектора // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2014. № 2 (5). С. 216-220.

189. Спасская О.В. Макроэкономические методы исследования и измерения структурных изменений // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2003. № 1. С. 20-39.

190. Структурная трансформация экономики: соотношение плановых и рыночных механизмов реализации: монография. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. 336 с.
191. Суглобов А.Е., Карпович О.Г. Вопросы обеспечения экономической безопасности России в период пандемии Covid-19 // Russian Journal of Management. 2021. Т. 9. № 3. С. 121-125.
192. Талев Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, 2011. 528 с.
193. Татаркин А.И. Теоретико-методологические предпосылки формирования смешанной экономики Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 1 (43). С. 39-65.
194. Трифонов Ю.В., Веселова Н.В. Методологические подходы к анализу структуры экономики на региональном уровне // Вопросы статистики. 2015. № 2. С. 37-49.
195. Туфетулов А.М., Бакулина Л.Т., Хамидуллина Ф.И. Трансформация инструментария управления национальной экономической безопасностью с учетом "новых социальных рисков" // Горизонты экономики. 2023. № 4 (77). С. 22-27.
196. Феофилова Т.Ю., Радыгин Е.В. Компоненты и принципы системы обеспечения экономической безопасности страны // Финансовый менеджмент. 2023. № 4-2. С. 174-189.
197. Феофилова Т.Ю., Радыгин Е.В. Структурные элементы системы обеспечения безопасности национальной экономики // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2021. № 12 (206). С. 71-79.
198. Ферова И.С., Козлова С.А. Социальная безопасность в структуре национальной безопасности страны // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 1 (46). С. 95-103.

199. Фирова И.П., Редькина Т.М., Ефимов Д.С. Влияние частичной мобилизации на динамику рынка труда // Components of Scientific and Technological Progress. 2023. № 2 (80). С. 12-15.

200. Фирова И.П., Соломонова В.Н., Пудовкина О.И. Обеспечение безопасности государства в условиях необходимости сохранения единого экономического пространства // Глобальный научный потенциал. 2024. № 3 (156). С. 348-350.

201. Фирова И.П., Соломонова В.Н., Пудовкина О.И. Управление экономическими преобразованиями в России с учетом особенностей периода международных санкций // Глобальный научный потенциал. 2024. № 3 (156). С. 345-347.

202. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2015. 592 с.

203. Харламов А.В. Глобализация и экономическая безопасность государства // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2010. № 5 (65). С. 22-28.

204. Харламов А.В. Обеспечение экономической безопасности хозяйствующих субъектов в условиях нестабильности // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2022. № 1 (23). С. 16-33.

205. Харламов А.В. Санкции как фактор усиления нестабильности современной мировой экономики // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2022. № 2. С. 18-23.

206. Харламов А.В. Трансформация хозяйственной системы и обеспечение экономической безопасности // Петербургский экономический журнал. 2020. № 3. С. 6-14.

207. Харламов А.В. Экономическое развитие в условиях усиления неопределенности // В кн.: Хозяйственная система евразийского типа: проблемы экономической неопределенности. СПб., 2019. С. 39-52.

208. Харламов А.В., Арефьев М.А. Взаимосвязь предпринимательской среды и национальной экономической безопасности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 1 (145). С. 46-53.

209. Харламов А.В., Харламова Т.Л. Экономическая безопасность и управление развитием бизнес-среды в условиях глобальной нестабильности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 5-1. С. 34-41.

210. Харламов А.В., Харламова Т.Л., Поняева И. Государственное управление инновационным развитием с использованием возможностей импортозамещения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 4 (136). С. 69-75.

211. Харламов А.В., Шатровская А.С. Глобализация и развитие реального сектора национальной экономики // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1. С. 25-29.

212. Хачатурян А.А., Асанова Н.А. Экономическая безопасность как фактор конкурентоспособности // Совершенствование управления рисками в системе экономической безопасности. Сборник статей международной научно-практической конференции научно-педагогических работников, магистрантов и студентов. Краснодар, 2022. С. 156-160.

213. Хачатурян А.А., Карцан П.И. Концептуальные основы развития экономической безопасности государства // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2023. № 2. С. 48-54.

214. Хикс Дж.Р. Стоимость и капитал. М.: Прогресс, 1988. 190 с.

215. Цветков В.А. Проблемы безопасности государства в новых экономических условиях // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2022. № 2. С. 5-12.

216. Цветков В.А., Бондарская О.В. Разработка модели управления риском в системе экономической безопасности межрегиональной промышленной кооперации // Проблемы рыночной экономики. 2023. № 2. С. 95-111.

217. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Янкаускас К.С., Кобил Ш. Сравнительная оценка показателей уровня бедности в странах европейской части СНГ и Европейского Союза как социального критерия экономической безопасности // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 9 (179). С. 924-939.

218. Цветков К.Л. Типология экономических кризисов // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. 2015. № 2 (13). С. 29-32.

219. Чаттерджи П., Новак С. Ошибки прогнозирования и шоки неопределенности // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 2. С. 211-226.

220. Чен Энфу. Мировая обстановка и китайская экономика в новую эпоху. М.: ИНИР им. С.Ю. Витте: Центр каталог, 2023. 464 с.

221. Черевко В.Е. Современная экономика России: анализ перспектив и направлений развития // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 5-2 (111). С. 204-207.

222. Черникова А.А., Вертакова Ю.В., Плотников В.А. Импортозамещение как инструмент экономической политики управления рисками импортозависимости: выбор подходов // Экономика и управление. 2016. № 10. С. 28-39.

223. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 294 с.

224. Шеина А.Ю., Фазлетдинова А.А. Сущность корпоративного управления и экономической безопасности, влияние корпоративного управления на банкротство организации // Финансовая экономика. 2019. № 3. С. 435-439.

225. Шиндикова И.Г. Инструментарий обеспечения экономической безопасности строительной организации в условиях макроэкономических шоков: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Международный банковский институт им. Анатолия Собчака. СПб., 2021. 165 с.

226. Широ́в А.А. Возможности и риски посткризисного восстановления экономики // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 223. № 3. С. 75-80.

227. Широ́в А.А. Возможности реализации активной экономической политики в условиях нарастания ограничений развития // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. Т. 244. № 6. С. 103-108.

228. Широ́в А.А. Развитие российской экономики в среднесрочной перспективе: риски и возможности // Проблемы прогнозирования. 2023. № 2 (197). С. 6-17.

229. Шривастава Х., Соломон П., Сингх С.П. Реагируют ли экзогенные шоки в макроэкономических переменных на изменение цен на акции? // Финансы: теория и практика. 2022. № 6. С. 104-114.

230. Юдина М.А. Структурные сдвиги и их влияние на развитие российской экономики // Проблемы современной экономики. 2013. № 3 (47). С. 132-136.

231. Юсуфова А.М. Управление организациями в условиях шоков внешней среды (на материалах строительных организаций): дисс. ... канд. экон. наук / Санкт-Петербургский государственный экономический университет. СПб., 2022. 176 с.

232. Borkova E., Chulakova A., Muntean N., Plotnikov A., Plotnikov V. Competitive regional clusters: international experience // E3S Web of Conferences. 2019. Vol. 135. P. 03046.

233. Dvoryadkina E.B., Guseynly K.M., Sobyenin A.A. Economic Security of the Region's Periphery in Conditions of Digitalization, Urbanization and COVID-19 // SHS Web of Conferences. 2021. Vol. 93. P. 05019.

234. Hallgren H., Ghiasy R. Security and economy on the Belt and Road: three country case studies // IPRI Insights on Peace and Security. 2017. № 4. 12 p.

235. Kharlamova T.L., Kharlamov A.V., Antohina Y.A. Influence of information technologies on the innovative development of the economic system // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Krasnoyarsk, 2020. P. 391-401.

236. Laeven L. Pandemics, Intermediate Goods, and Corporate Valuation. CEPR Discussion Papers, # DP15022, 2020.

237. Maramygin M., Nassyrova G., Zhamiyeva A., Mazhitov D. Tax management in the conditions of the crisis. Journal of Economic Research & Business Administration. 2022. Vol. 141 (3). P. 23–37.

238. Ouyang M. The Scarring Effect of Recessions // Journal of Monetary Economics. 2009. Vol. 56. Issue 2. P. 184-199.

239. Plotnikov V., Volkova A.A., Nikitin Y., Plotnikov A. Methodical aspects of designing and implementing company development strategies: the case of services sector organizations // Innovation Management and Education Excellence through Vision 2020. Proceedings of the 31st International Business Information Management Association Conference (IBIMA). Milan, 2018. P. 2510-2516.

240. Pop N., Dragoi A.E. Economic Security in the Black Sea Area: Case Study Romania // Global Economic Observer. 2018. Vol. 6 (2). P. 147-157.

241. Rodionov A.V., Andreeva G.B., Baidova N.V. Economic security provision models of national industrial development (case study of Russia, Post-Soviet countries and English-speaking countries of G-20 // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2020. Том 13, № 11. С. 1793-1807.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Подходы к стратегированию национальной экономической безопасности в различных странах мира⁷³

В международном сообществе с 2022 года наблюдается тенденция к разработке стратегий экономической безопасности. Соответствующие документы уже представили Евросоюз, а также Южная Корея, Япония, Германия, Великобритания, Канада, Франция, Италия. Далее представлен краткий обзор этих документов, подготовленный американским аналитическим центром CSIS:

1. Южная Корея в 2022 году запустила Национальный стратегический план развития технологий. В нем определены 12 технологий, которые считаются критически важными для национальной безопасности. Каждая технология получит свою отдельную «стратегическую дорожную карту», призванную привлечь государственные и частные инвестиции. Южная Корея также сосредоточила внимание на подтверждении, а в некоторых случаях и восстановлении дружественных отношений со странами-партнерами, о чем свидетельствует трехсторонний саммит с Соединенными Штатами и Японией в Кэмп-Дэвиде. Хотя трехсторонняя встреча такого масштаба традиционно фокусировалась на общих вопросах безопасности, экономическая безопасность также занимала видное место в обсуждениях.

2. В Великобритании в комплексном обзоре 2023 года «Реагирование на изменения в мире, который становится более противоречивым и нестабильным» экономическая безопасность названа второй приоритетной областью после энергетической безопасности. Положения документа призваны повысить экономическую безопасность, включая публикацию новой стратегии цепочки поставок, и объявляет о запуске Инициативы

---

⁷³ Источник: Стратегии экономической безопасности: мировые тренды. URL: <https://actualcomment.ru/strategii-ekonomicheskoy-bezopasnosti-mirovye-trendy-2311141513.html>.

экономического сдерживания, которая будет сосредоточена на предотвращении враждебных действий других стран и реагировании на них.

3. Германия в июле 2023 года выпустила стратегию по Китаю. В ней подчеркивается важность устойчивости посредством снижения зависимости от Китая в критических областях. Эта стратегия знаменует собой коренное изменение в подходе Германии к Китаю и во многом опирается на уроки, извлеченные из чрезмерной зависимости и использования торгового оружия после начала Россией СВО на Украине.

4. Стратегия экономической безопасности Японии реализуется посредством межведомственного процесса. В него входят такие органы как Совет по содействию экономической безопасности, Управление подготовки законодательства по экономической безопасности и Управление по содействию экономической безопасности. Многие из этих ведомств курируются руководством канцелярии премьер-министра Японии. В апреле 2020 года было инициировано добавление экономической группы к Секретариату национальной безопасности, которая поддерживает работу Совета национальной безопасности. Затем в 2021 году премьер-министр создал в своем кабинете новую должность – *министра экономической безопасности* и учредил Совет по обеспечению экономической безопасности. Наконец, в августе 2022 года при кабинете министров Японии было создано Управление по обеспечению экономической безопасности.

5. Франция и Италия придерживаются более сдержанного подхода к экономической безопасности. Франция и Италия, как страны-члены ЕС вовлечены в стратегию Еврокомиссии, но, в отличие от Германии, они не разработали программы национальной экономической безопасности.

6. У Канады нет стратегии экономической или национальной безопасности, хотя коалиция ведущих канадских руководителей и предпринимателей призвала канадское правительство к более жесткой политике в этой сфере. Канада активно участвует в двусторонних форумах с

союзниками в Индо-Тихоокеанском регионе по этому вопросу, но сравнительно отстает от других членов G7.

7. У США нет официальной стратегии экономической безопасности, но у них есть набор инструментов экспортного контроля. Первое упоминание об экономической безопасности появилось в концепции, выдвинутой администрацией Д. Трампа в Стратегии национальной безопасности 2017 года, в которой отмечалось, что «экономическая безопасность – это национальная безопасность». Администрация Дж. Байдена усовершенствовала подход к достижению целей экономической безопасности, который фокусируется на обеспечении безопасности критически важных технологий и цепочек поставок полезных ископаемых, реализации стратегии «снижения рисков» с Китаем и укреплении партнерства с ключевыми союзниками.

8. Европейская стратегия экономической безопасности, опубликованная в июне 2023 года, призывает блок переоценить экономическую безопасность и «снизить риски». Стратегия ЕС опирается на трехсторонний подход: защищать, продвигать и сотрудничать. В октябре 2023 года Европейская комиссия опубликовала рекомендацию по критически важным технологиям, которая призывает государства-члены провести оценку рисков в четырех технологических областях, важных для безопасности и подверженных утечкам: передовые полупроводники, искусственный интеллект, а также квантовые и биотехнологии.

Приложение Б

Целевые показатели и задачи, выполнение которых характеризует достижение национальной цели Российской Федерации «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы»⁷⁴

1. Достижение к 2030 году «цифровой зрелости» государственного и муниципального управления, ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, предполагающей автоматизацию большей части транзакций в рамках единых отраслевых цифровых платформ и модели управления на основе данных с учетом ускоренного внедрения технологий обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта;
2. Формирование рынка данных, их активное вовлечение в хозяйственный оборот, хранение, обмен и защита;
3. Увеличение доли домохозяйств, которым обеспечена возможность качественного высокоскоростного широкополосного доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в том числе с использованием сетей (инфраструктуры) спутниковой и мобильной связи и с учетом роста пропускной способности магистральной инфраструктуры, до 97 процентов к 2030 году и до 99 процентов к 2036 году;
4. Обеспечение в 2025–2030 годах темпа роста инвестиций в отечественные решения в сфере информационных технологий вдвое выше темпа роста валового внутреннего продукта;
5. Переход к 2030 году не менее 80 процентов российских организаций ключевых отраслей экономики на использование базового и прикладного

---

⁷⁴ Источник: Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года".

российского программного обеспечения в системах, обеспечивающих основные производственные и управленческие процессы;

6. Увеличение к 2030 году до 95 процентов доли использования российского программного обеспечения в государственных органах, государственных корпорациях, государственных компаниях и хозяйственных обществах, в уставном капитале которых доля участия Российской Федерации в совокупности превышает 50 процентов, а также в их аффилированных юридических лицах;

7. Увеличение к 2030 году до 99 процентов доли предоставления массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронной форме, в том числе внедрение системы поддержки принятия решений в рамках предоставления не менее чем 100 массовых социально значимых государственных услуг в электронной форме в проактивном режиме или при непосредственном обращении заявителя, за счет внедрения в деятельность органов государственной власти единой цифровой платформы;

8. Формирование системы подбора, развития и ротации кадров для органов государственной власти и органов местного самоуправления на основе принципов равных возможностей, приоритета профессиональных знаний и квалификаций, включая механизмы регулярной оценки и обратной связи в рамках единой цифровой платформы;

9. Обеспечение к 2030 году повышения уровня удовлетворенности граждан качеством работы государственных и муниципальных служащих и работников организаций социальной сферы не менее чем на 50 процентов;

10. Создание системы эффективного противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и снижения ущерба от их совершения;

11. Обеспечение сетевого суверенитета и информационной безопасности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Приложение В
Структура ВДС РФ по отраслям экономики в текущих основных ценах,
в процентах к итогу⁷⁵

Код	Отрасль	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
–	ВСЕГО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Раздел А	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	3,6	3,4	3,4	3,9	4,3	4,3	3,9	3,8	3,9	4,4	4,4	4,2	3,7
Раздел В	Добыча полезных ископаемых	9,5	9,4	9,3	9,1	9,8	9,6	10,9	13,4	12,8	9,5	13,2	13,7	12,4
Раздел С	Обрабатывающие производства	13,4	13,3	12,7	13,1	13,8	13,0	13,7	14,4	14,5	14,9	14,1	13,9	13,7
Раздел D	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	3,1	2,8	2,8	2,7	2,8	2,9	2,9	2,6	2,6	2,7	2,4	2,3	2,2
Раздел E	Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,4
Раздел F	Строительство	7,6	7,7	7,0	6,8	6,3	6,4	6,0	5,6	5,4	5,4	4,8	5,0	5,0
Раздел G	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	17,5	16,8	16,2	16,3	15,8	14,7	14,1	13,5	13,0	12,2	13,3	13,0	13,4
Раздел H	Транспортировка и хранение	5,9	5,9	6,4	6,2	6,7	7,3	7,0	6,6	6,9	6,5	6,2	6,5	6,9
Раздел I	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9	0,7	0,8	0,9	0,9
Раздел J	Деятельность в области информации и связи	2,6	2,7	2,6	2,5	2,5	2,5	2,6	2,5	2,6	3,0	2,9	2,9	3,2

⁷⁵ Источник: Росстат, см.: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>.

Код	Отрасль	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Раздел К	Деятельность финансовая и страховая	3,7	4,2	4,5	4,5	3,5	4,4	4,4	4,3	4,3	5,2	5,4	4,3	5,2
Раздел L	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	11,1	11,4	11,0	10,6	10,2	10,2	10,0	9,5	9,8	10,3	10,3	11,0	10,3
Раздел M	Деятельность профессиональная, научная и техническая	4,0	3,9	4,3	4,4	4,5	4,5	4,5	4,1	4,5	5,0	4,3	4,4	4,5
Раздел N	Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	1,7	1,7	2,0	2,0	2,4	2,4	2,4	2,1	2,2	2,3	2,2	2,2	2,3
Раздел O	Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение	7,0	7,7	8,2	8,0	7,7	8,0	7,8	7,5	7,3	8,0	6,9	7,1	7,8
Раздел P	Образование	3,1	3,0	3,2	3,2	3,1	3,2	3,2	3,2	3,3	3,5	3,0	2,9	3,0
Раздел Q	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	3,0	2,9	3,1	3,4	3,2	3,2	3,1	3,3	3,4	4,0	3,6	3,2	3,2
Раздел R	Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	0,7	0,8	0,8	0,8	0,9	0,9	0,9	1,0	1,0	0,9	0,9	1,0	1,0
Раздел S	Предоставление прочих видов услуг	0,4	0,4	0,5	0,5	0,5	0,6	0,6	0,6	0,6	0,5	0,5	0,5	0,5
Раздел T	Деятельность домашних хозяйств как работодателей; недифференцированная деятельность частных домашних хозяйств по производству товаров и оказанию услуг для собственного потребления	0,7	0,6	0,6	0,6	0,6	0,7	0,6	0,6	0,5	0,4	0,3	0,4	0,4

Приложение Г

Технологическая декомпозиция проектов технологического суверенитета в сфере железнодорожного машиностроения⁷⁶

Код процесса	Наименование процесса	Код продукции по ОК 034-2014 (КПЕС 2008) (ОКПД2) 1, 2
3.1	Производство локомотивов, в том числе беспилотных	
3.1.1	Маневровые и магистральные тепловозы	30.20.12
3.1.2	Маневровые аккумуляторные, асинхронные магистральные и грузовые электровозы, в том числе высокоскоростные поезда	30.20.11
3.2	Производство двухуровневых скоростных электропоездов	30.20.20.111
3.2.1	Вагоны железнодорожные пассажирские или трамвайные пассажирские самоходные (моторные), вагоны товарные (багажные), вагоны метрополитена	30.20.20
3.2.2	Вагоны железнодорожные пассажирские или трамвайные пассажирские немоторные; вагоны багажные	30.20.32
3.3	Производство рельсошлифовальных поездов	30.20.31.123
3.4	Производство комплектующих (запасных частей) для подвижного состава	
3.4.1	Оборудование для приведения подвижного состава в движение	
3.4.1.1	Дизели тепловозные	28.11.13.110
3.4.1.2	Части двигателей	28.11.4
3.4.1.3	Валы передаточные (включая кулачковые и коленчатые валы) и кривошипы	28.15.22
3.4.1.4	Тяговая система электровоза, электропоезда, городского транспорта, тепловоза (тяговый	27.1

⁷⁶ Источник: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2023 г. № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации».

Код процесса	Наименование процесса	Код продукции по ОК 034-2014 (КПЕС 2008) (ОКПД2) 1, 2
	трансформатор, тяговый преобразователь, тяговый двигатель, тележка)	
3.4.1.5	Асинхронный тяговый привод	28.14.20.112
3.4.1.6	Насосы и компрессоры прочие	28.13
3.4.2	Оборудование для управления движением	
3.4.2.1	Топливная система	30.20.40.110
3.4.2.2	Самоочищающийся фильтр очистки масла	30.20.40.110
3.4.2.3	Тормозное оборудование подвижного состава	30.20.40.150
3.4.2.4	Комплектующие (запасные части) железнодорожных пассажирских вагонов	30.20.40.141
3.4.2.5	Комплектующие (запасные части) железнодорожных грузовых вагонов	30.20.40.143
3.4.2.6	Комплектующие (запасные части) прочего подвижного состава	30.20.40.149
3.4.2.7	Детали и узлы механических приводов тормозной системы	29.32.30.136
3.5	Производство путевой техники и комплектующих для путевой техники	
3.5.1	Путевая техника	30.20.31.120
3.5.2	Комплектующие (запасные части) путевого оборудования	30.20.40.144

Приложение Д
Самооценка россиянами уровня доходов
(по результатам социологического опроса)⁷⁷

Опрос был проведен 22-28 июня 2023 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения объемом 1634 человека в возрасте от 18 лет и старше в 137 населенных пунктах, 50 субъектах РФ. Исследование проводилось на дому у респондентов методом личного интервью. Статистическая погрешность результатов при выборке 1600 человек (с вероятностью 0,95) не превышает:

- 3,4% для показателей, близких к 50%;
- 2,9% для показателей, близких к 25% / 75%;
- 2,0% для показателей, близких к 10% / 90%;
- 1,5% для показателей, близких к 5% / 95%.

При проведении опроса были выделены 4 группы респондентов, в зависимости от того, как они соотнесли собственный уровень жизни с тем, как, по их мнению, живет большинство россиян:

- доля респондентов, которые считают, что ... (в %):

Большинство живет так же, как и они	55
Большинство живет лучше	10
Большинство живет хуже	10
Затруднились ответить	25

В группе респондентов, оценивших свой уровень жизни выше среднего, заметно чаще отмечалось улучшение собственного материального положения

⁷⁷ Источник: Общероссийский опрос АНО «Левада-Центр»*. Результаты опроса опубликованы в сети Интернет на официальном сайте АНО «Левада-Центр»* по адресу: <https://www.levada.ru/2023/07/18/otsenki-urovnyua-dohoda-sredi-rossiyan-v-2023-godu/>.

* АНО «Левада-Центр» внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

за год и существенно реже указывалось, что их положение осталось без изменений. Это нашло отражение в следующих результатах:

- ответ на вопрос: «Как изменилось материальное положение Вашей семьи за год? (в %)»:

	Большинство живет так же	Большинство живет лучше	Большинство живет хуже	Затруднились ответить
скорее улучшилось	19	15	27	20
осталось без изменения	53	60	46	59
скорее ухудшилось	27	25	27	20
затрудняюсь ответить	0	0	1	2

Перспективные оценки будущего этой группы так же указывают на большее ожидание динамики в отношении их материальной ситуации: они незначительно чаще ждут улучшения своего положения в ближайший год, но зато существенно более пессимистичны в отношении ближайшего будущего:

- ответ на вопрос: «Как, по-вашему, изменится материальное положение вашей семьи в ближайший год? (в %)»:

	Большинство живет так же	Большинство живет лучше	Большинство живет хуже	Затруднились ответить
скорее улучшится	27	29	31	27
останется без изменения	46	47	36	40
скорее ухудшится	18	12	20	14
затрудняюсь ответить	9	12	13	19

Большинство респондентов в других группах настроены таким образом, что их жизнь меняется слабо и в ближайшей перспективе останется такой же. Особенно выражены эти взгляды у тех, кто наиболее стеснен в средствах.